

ТВОРЕНІЯ
СВЯТАГО ГРИГОРІЯ НИССКАГО.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ В. ГОТЬЕ.
1862.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Сентября 3 дня 1862 года.

Московская Духовная Академія.

Цензоръ, священникъ *Филаретъ Серіевскій*.

10. БОЛЬШОЕ ОГЛАСИТЕЛЬНОЕ СЛОВО,

РАЗДѢЛЕННОЕ НА СОРОКЪ ГЛАВЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Руководителямъ къ благочестивой жизни необходимо огласительное слово, чтобы церковь могла приумножаться отъ приращенія числа спасаемыхъ, когда преподаваемое слово вѣры достигаетъ и до слуха невѣрныхъ. Но не одинъ и тотъ же способъ ученія пригоденъ для всѣхъ приступающихъ къ слову. Напротивъ того надлежитъ соображать оглашеніе съ разностями вѣрованій, имѣя въ виду одну и ту же цѣль слова, но не однообразно пользуясь ведущими къ ней средствами. Ибо иными понятіями предзаять іудействующій, а иными живущій въ эллиствѣ; Аномей же, Манихей, послѣдователи Маркіона, Валентина, Василида и остальной списокъ заблуждающихся по разнымъ ересямъ, поелику каждый изъ нихъ предзаять

собственными своими понятіями, дѣлаютъ необходимымъ вступать въ борьбу съ ихъ собственными предубѣжденіями. Ибо съ родомъ болѣзни соображать должно и способъ врачеванія: не уврачуешь однимъ и тѣмже въ эллинѣ многобожія и въ іудеѣ невѣрія въ едиnorodнаго Бога; и введенныхъ въ заблужденіе ересями не отвратишь однимъ и тѣмже отъ обманчивыхъ ими составленныхъ понятій о догматахъ. Чѣмъ исправилъ бы иный Савеліева послѣдователя, тѣмъ не окажется пользы Аномею: споръ съ Маникеемъ не будетъ полезенъ іудею. Но, по сказанному, надлежитъ смотрѣть на предубѣжденія въ людяхъ и вести рѣчь сообразно съ заблужденіемъ каждаго, при всякомъ собесѣдованіи, предварительно излагая нѣкія начала и разумныя требованія, чтобы изъ признаваемого согласно обѣими сторонами мысль послѣдовательно раскрывалась сама собою.

Посему, когда идетъ собесѣдованіе съ кѣмъ либо изъ эллиниствующихъ, хорошо положить такое начало рѣчи: спросить, предполагаетъ ли онъ, что есть Божество, или согласенъ съ ученіемъ аенстовъ? Если утверждаетъ, что Бога нѣтъ; то пусть искусно и премудро распоряжаемымъ въ мірѣ приведенъ будетъ къ признанію, что есть по этому нѣкая сила, показывающая этимъ о себѣ, что она превъше всего. Если же не сомнѣвается, что Богъ

есть, но склоняется на предположенія множества божествъ; то будемъ съ ними разсуждать въ такомъ порядкѣ: совершеннымъ, или недостаточнымъ признаеть оны Божество? И такъ какъ, вѣроятно, естеству Божию приишетъ совершенство, то потребуу у него совершенства во всемъ, что умопредставляется въ Божествѣ, такъ чтобы не представлялось оно смѣшаннымъ изъ противоположностей, изъ недостаточнаго и совершеннаго. Но будетъ ли подлежать умозрѣнію относительно къ силѣ, или относительно къ понятію о добрѣ, или относительно къ премудрости, истинно и вѣчности, и всякому иному боголѣнному представленію, на основаніи сего разсужденія, согласно признаемъ о ествѣ Божіемъ, что во всемъ усматривается совершенство. Когда же будетъ уступлено намъ это, тогда нетруднымъ сдѣлается умъ, развлекаемый множествомъ боговъ, привести къ исповѣданію единаго Божества. Ибо, если соглашается о подлежащемъ признавать оное во всемъ совершеннымъ; утверждаетъ же, что много совершенныхъ, у которыхъ отличительныя черты тѣже; то по всей необходимости долженъ будетъ, у не различающихся никакимъ видоизмѣненіемъ, по представляемыхъ въ однихъ и тѣхже чертахъ, или указать особенность, или, если мысль не находитъ ничего особеннаго, не придумывать различія въ томъ, въ чемъ нѣтъ различаю-

шаго. Ибо, если не отыскиваетъ ни такой разности, что одно больше, другое меньше, такъ какъ понятіе совершенства не допускаетъ меньшинства; ни такой, что одно хуже, другое предпочтительнѣе, потому что никто не предположить Божества въ томъ, чему не вовсе чуждо наименованіе худшаго;—ни такой, что одно старо, другое ново, ибо не всегда существующее не подходитъ подъ понятіе о Божествѣ; напротивъ того и самое понятіе о Божествѣ одно, потому что, согласно съ разумомъ, ни въ чемъ не отыскивается никакой особенности: то погрѣшительное представленіе множества боговъ, по всей необходимости, принуждено ограничиться исповѣданіемъ единого Божества. Если равно приписываются благость и справедливость, премудрость и могущество, однимъ и тѣмже образомъ признаются нетлѣніе и вѣчность, а также всякое благочестивое умопредставленіе; то устраненіемъ всякой во всякомъ отношеніи разности необходимо устраняется изъ догмата мысль о множествѣ боговъ, такъ какъ тожество во всемъ къ единому догмату возводитъ и вѣру.

ГЛАВА I.

Но какъ слово благочестія и въ единствѣ естества усматриваетъ нѣкое различіе вностаей; то, чтобы споромъ съ эллинами ученіе

наше не было увлечено въ іудейство, искуснымъ иѣкимъ различеніемъ повятій надлежитъ опять исправить погрѣшность и въ этомъ. И непризнающіе нашего догмата не допускаютъ, что Божество безсловесно. Признаваемаго же ими достаточно къ утвержденію нашего ученія. Ибо кто признаетъ, что Богъ не безсловесенъ, тотъ, безъ сомнѣнія, согласится, что небезсловесный имѣетъ слово. Но подобоименно называется словомъ и человѣческое слово. Посему, если скажетъ, что подобно нашимъ словамъ разумѣетъ и Божіе слово, то слѣдующимъ образомъ возведется къ высшему понятію. По всей необходимости должно вѣрить, что слово, какъ и все прочее, сообразно съ естествомъ. Ибо и въ человѣчествѣ усматриваются нѣкая сила, и жизнь, и мудрость; но по сей подобоименности никто не будетъ представлять себѣ, будто бы въ Богѣ таковыже и жизнь, и сила, и мудрость; напротивъ того, по мѣрѣ нашего естества, умаляется съ нимъ вмѣстѣ и значительность таковыхъ именованій. Поелику естество наше тлѣнно и немощно; то и жизнь посему скорогибнуща, и сила не самостоятельна, и слово летуче. Въ разсужденіи же Естества верховнаго съ величіемъ созерцаемаго въ Немъ возвышается и все утверждаемое о Немъ. Посему о Слово Божіемъ будетъ признано, что, хотя называется оно Словомъ, однакоже не имѣетъ сходства съ на-

шимъ словомъ, преходящимъ въ нѣчто неосуществившееся, и не въ одномъ порывѣ произносимаго вся Его вѣстася. Напротивъ того, какъ наше естество, будучи скоротечнымъ, имѣетъ скоротечное и слово; такъ Естество вѣчное и всегда сущее имѣетъ вѣчное и самостоятельное Слово. Если же въ слѣдствіе сего будетъ признано, что Слово Божіе существуетъ вѣчно, то по всей необходимости должно будетъ признавать, что вѣстася Слова въ жизни. Ибо не позволительно думать, будтобы Слово, подобно камнямъ, существуетъ неодушевленнымъ. А если существуетъ нѣчто какъ разумное и безплотное; то, конечно, оно живетъ. Если же разлучено съ жизнью, то, безъ сомнѣнія, уже не вѣстася. Напротивъ того доказано, что нечестиво признавать Божіе Слово невѣстаснымъ. Итакъ въ слѣдствіе сего доказано также, что Слово сіе должно представлять себѣ въ жизни. Послику же, по всей вѣроятности, всякой увѣренъ, что естество Слова просто и не показываетъ въ себѣ никакой двойственности и сложности; то никто не будетъ представлять себѣ Слова въ жизни по причастію жизни. Ибо, если утверждать, что одно состоитъ въ другомъ, то такое предположеніе не исключаетъ сложности; напротивъ того, когда признана простота Слова, по всей необходимости, надобно думать, что Слово есть не причастіе жизни, а самая

жизнь. Посему, если Слово живетъ, будучи самою жизнью; то, конечно, имѣетъ силу свободного произволенія; потому что ничто немѣющее произволенія не принадлежитъ къ числу живыхъ. Въ слѣдствіе же сказаннаго благочестиво заключить, что произволеніе сіе и могущественно. Ибо если кто не признаетъ могущественнымъ, то симъ самымъ подаетъ, конечно, мысль о безсиліи. Но понятіе о безсиліи далеко отъ понятія о Божествѣ; потому что въ Божественномъ еществѣ не представляется ничего несообразнаго. По всей необходимости силу Слова должно признавать таковою же, каково и предназначеніе, чтобы въ простомъ не оказывалось какого либо смѣшенія и стеченія противоположностей: безсилія и силы, усматриваемыхъ въ одномъ и томже предназначеніи, если только на одно достанетъ у Него силы, а для другаго Оно безсильно. Необходимо также признавать, что произволеніе Слова, на все имѣя силу, не имѣетъ наклонности ни къ чему худому; потому что всякое стремленіе къ злу чуждо естеству Божію. Напротивъ того, что есть добраго, всего того хочетъ; а чего хочетъ, то, безъ сомнѣнія, для Него возможно; возможнаго же не оставляетъ Оно неисполнимымъ, но всякое произволеніе сдѣлать доброе приводитъ въ дѣйственность; добро же—міръ и все, что въ немъ оказывается мудраго и искуснаго. Итакъ все

есть дѣло Слова живаго и самостоятельнаго, потому что Оно Слово Божіе,—Слова свободно избирающаго, потому что живетъ, Слова могущаго все, что ни избираетъ, Слова избирающаго, безъ сомнѣнія, доброе, премудрое, и что только лучше по значенію.

Итакъ, поелику міръ, какъ признано, есть нѣчто доброе, въ предыдущихъ же словахъ доказано, что міръ есть дѣло Слова, свободно избирающаго и имѣющаго силу творить доброе; и сіе Слово есть иное съ Тѣмъ, чье оно Слово (потому что сіе именованіе нѣкоторымъ образомъ есть относительное, и въ реченіи: Слово необходимо надобно подразумѣвать и Отца Словоу; не будучи чьимъ либо словомъ, Оно не было бы и Словоу); итакъ, если разумѣніе слушающихъ по относительному значенію реченій различаетъ и самое Слово, и Того, отъ Кого Оно; то нѣтъ опасности, чтобы наше таинство, состоя въ противоборствѣ съ эллипскими понятіями, уступило предпочитающимъ іудейское мнѣніе; напротивъ того равно избѣжить оно несообразности въ ученіи и эллиповъ и іудеевъ, исповѣдуя, что есть живое, дѣйственное и творческое Божіе Слово, котораго недопускаетъ іудей, и что неразличны по естеству и самое Слово, и Тотъ, отъ Кого Оно. Какъ о своемъ словѣ говоримъ, что оно отъ ума, несовершенно одно и тоже съ умомъ, и не вовсе иное съ нимъ; поелику

оно отъ ума,—то есть нѣчто иное, а не умъ; а поелику приводить въ обнаруженіе самый умъ, то не можетъ быть представляемо иначе отъ ума. напротивъ того, будучи одно съ нимъ по естеству, иначе въ подлежащемъ: такъ и Слово Божіе по самостоятельности Своей отличается отъ Того, отъ Кого имѣетъ вѣстася; а поелику показываетъ въ Себѣ тоже, что усматривается въ Богѣ, то по естеству есть одно и тоже съ Нимъ, находимымъ по тѣмже самымъ признакамъ. Ибо благодать ли, могущество ли, премудрость ли, вѣчность ли бытія, недоступность ли порока, смерти и тлѣнія, совершенство ли во всемъ, или что либо совершенно сему подобное сдѣлается признакомъ, входящимъ въ понятіе объ Отцѣ, то по тѣмже самымъ признакамъ найдешь и существующее отъ Него Слово.

ГЛАВА 2.

Но какъ Слово въ превысшемъ Естествѣ познаемъ по сходству съ нашимъ словомъ; такимъже образомъ будемъ приведены и къ понятію о Духѣ, въ своемъ естествѣ усматривая нѣкоторыя тѣни и подобія неизреченнаго могущества. Но наше дыханіе есть привлеченіе воздуха, вещества чуждаго намъ, по необходимости втягиваемаго и вливаемаго въ составъ нашего тѣла, и оно-то во время произношенія

нами слова дѣлается голосомъ, который обнаруживаетъ собою силу слова. Благочестиво же думать, что въ естествѣ Божіемъ есть Божій Духъ, такъ какъ признано, что есть Божіе Слово; потому что Слово Божіе не должно быть недостаточнѣе нашего слова; что и послѣдовало бы, еслибы, когда наше слово представляется намъ вмѣстѣ съ духомъ, Божіе Слово, по вѣрованію нашему, представлялось безъ Духа. Боголѣпна же и та мысль, что не чуждое, подобно нашему дыханію, отвѣтъ втекаетъ и въ Бога, и дѣлается въ Немъ Духомъ. Напротивъ того, какъ, услышавъ о Божіемъ Словѣ, признали мы Слово не чѣмъ либо нечюностаснымъ, отъ науки происшедшимъ, съ помощію голоса произносимымъ, и по произнесеніи разсѣивающимся, ни инымъ чѣмъ претерпѣвающимъ подобное тому, что, какъ видимъ, бываетъ съ нашимъ словомъ, но самоуочно существующимъ, свободнымъ, дѣйственнымъ и всемогущимъ; такъ наученные и о Духѣ Божіемъ, сопровождающемъ Слово и обнаруживающемъ Его дѣйственность, уразумѣваемъ не дуновение дыханія. Ибо, безъ сомнѣнія, въ уничиженіе было бы приведено величіе Божіей силы, если бы и въ Богѣ Духъ предположили мы чѣмъ то подобнымъ нашему дыханію. Напротивъ того разумѣемъ самосуую силу, которая сама по себѣ въ особой чюности представляется, неотдѣлима отъ Бога,

въ которомъ она, и отъ Слова Божія, которое сопровождаетъ, не въ небытіе изливается, но, подобно слову Божию, вѣчно существуетъ, свободна, самодвижна, дѣйствительна, избираетъ всегда доброе, и для всякаго предпріятія имѣетъ сопутственную хотѣнію силу.

ГЛАВА З.

Поэтому, кто до точности вникаетъ въ глубины таинства, тотъ хотя объемлетъ душою нѣкое скромное по неслостижимости понятіе объ ученіи боговѣдѣнія, не можетъ однакоже уяснить словомъ сей неизреченной глубины таинства: какъ одно и то же и численно, и избѣгаетъ счисленія; и раздѣльнымъ кажется, и заключается въ единицѣ; и различается по вѣности, и не дѣлится въ подлежащемъ; и опять иное есть Тотъ, Кто имѣетъ Слово и Духа. Но когда уразумѣешь различаемое въ Нихъ, единство естества недопускаетъ опять раздѣленія, такъ что держава единоначалія не дѣлится, разсѣкаемая на разныя Божества, и ученіе не согласуется съ іудейскимъ догматомъ, но среди двухъ предположеній проходитъ истина, низлагающая каждую изъ ересей, и изъ каждой заимствующая для себя полезное. Ибо догматъ іудея низлагается исповѣданіемъ Слова и вѣрою въ Духа; а многобожное заблужденіе эллиниствующихъ уничтожается

единствомъ по естеству, отвергающимъ мысль о множествѣ. Но опять, по надлежащемъ исправленіи нечестиваго предположенія въ томъ и другомъ, пусть останутся изъ іудейскаго понятія единство естества, а изъ эллинизма одно различіе по вѣстасямъ. Ибо какъ бы нѣкимъ исправленіемъ погрѣшающихъ о единомъ есть число Троицы,—а вдающихся въ множество—ученіе о единствѣ.

ГЛАВА II.

Но если іудей прекословитъ сему, то нашъ ему отвѣтъ nebudeтъ для насъ затруднителенъ по собственному его ученію. Ибо обнаруженіе истины почерпается въ догматахъ, въ которыхъ онъ воспитанъ. Что Слово Божіе и Духъ Божій суть самосуцно существующія силы, которыми сотворено все пришедшее въ бытіе, и содержатся всѣ существа, сіе ясно доказывається богодухновенными Писаніями. Но достаточно упомянуть объ одномъ свидѣтельствѣ, отыскиваніе же многихъ предоставитъ болѣе трудолюбивымъ. Сказано: *Словомъ Господнимъ небеса утвердишася, и Духомъ устъ Ею вся сила ихъ* (Пса. 72, 6.). Какимъ Словоиъ и какимъ Духомъ? Слово—не реченіе, и Духъ—не дуновеніе. Ибо неужели подобнымъ нашему естеству человѣкообразно будутъ пред-

ставлять себѣ и Божество. и стануть учить, что Творецъ вселенной дѣйствуетъ такимъ же, какъ и мы, Словомъ и такимъ же Духомъ? Но произойдетъ ли отъ реченій и отъ дуновенія такая сила, достаточная къ составленію небесъ и силъ небесныхъ? Ибо, если Божіе Слово подобно нашему реченію, и Духъ Божій подобенъ нашему духу; то у подобныхъ, безъ сомнѣнія, и сила подобна; и Божіе Слово имѣетъ столько же силы, сколько и наше. Но не дѣйственны и не вностасны дыханія, исходящія вмѣстѣ съ реченіями. Не дѣйственными и не вностасными выдають ихъ, конечно, тѣ, которые Божіе низводятъ до подобія съ нашимъ словомъ. Если же, какъ говоритъ Давидъ, небеса утвердились Словомъ Господнимъ, и силы ихъ возымѣли составъ свой въ Божіемъ Духѣ; то твердо таинство истины, научающее исповѣдывать Слово въ сущности и Духъ въ вностаси.

ГЛАВА Б.

Но хотя бытія Божія Слова и Духа равно не оспорить и элинь изъ общихъ понятій и іудей на основаніи Писаніи; однакоже домо-строительства Бога Слова по человѣчеству равно не одобритъ каждый изъ нихъ, находя невѣроятнымъ и неприличнымъ утверждать сіе о Богѣ. Посему прекословящихъ изъ другаго

начала убѣдимъ повѣрить и этому. Вѣруютъ ли они, что приведено все въ бытіе Словомъ и премудростію Создавшаго вселенную, или невѣроятно для нихъ и это положеніе? Но если не соглашаются, что создашіемъ существъ управляли Слово и премудрость; то началомъ вселенной поставятъ безсловесіе и неискusstvo. Если же сіе нелѣпо и нечестиво; то, безъ сомнѣнія, соглашаются, что, и по ихъ признацію, управляютъ существами Слово и премудрость. Но въ предшествовавшемъ сему доказано, что Слово Божіе есть не самое сіе реченіе, или отъ какого либо познанія или отъ мудрости происшедшее, но нѣкая по сущности существующая сила, свободно избирающая все доброе и согласно съ избраніемъ имѣющая возможность сдѣлать это. А какъ міръ есть добро, то причина его есть сила вождельвающая и творящая доброе. Если же самостоятельность всего міра зависитъ отъ силы Слова, какъ показала послѣдовательность рѣчи; то по всей необходимости и для частей міра не должно примышлять какой либо иной причины состава ихъ, кромѣ того же Слова. Которымъ все пришло въ бытіе. Но пожелаетъ ли кто наименовать Его Словомъ, или премудростію, или силою, или Богомъ, или инымъ чѣмъ высокимъ и досточтимымъ, не будемъ о семъ беспокоиться. Ибо какое бы ни было найдено реченіе или имя, указующее на

подлежащее, — означаемое сими звуками есть одно-вѣчная Божія сила, творящая существа, изобрѣтающая дотолѣ неосуществленное, содержащая приведенное въ бытіе, предусматривающая будущее. Итакъ сей Богъ, Слово, Премудрость, Могущество, какъ оказалось по связи рѣчи, есть Творецъ естества человѣческаго, не какою либо необходимостію приведенный къ устроенію человѣка, но по избытку любви приведеній въ бытіе такое живое существо. Ибо не должно было оставаться и свѣту Его незримымъ, и славѣ незасвидѣтельствованною, и благодати неизвѣданною, и всему прочему, что усматривается въ естествѣ Божіемъ, празднымъ, если бы не было наслаждающагося этимъ причастника. Посему, если человѣкъ для того и приходитъ въ бытіе, чтобы содѣлаться причастникомъ Божественныхъ благъ, то по необходимости устрояется такимъ, чтобы ему быть способнымъ къ причастію благъ. Какъ глазъ, по причинѣ естественно сокрытаго въ немъ луча, бываетъ въ общеніи съ свѣтомъ, врожденною силою привлекая ему сродное; такъ необходимо было въ естествѣ человѣческомъ сраствориться чему-то сродному съ Божествомъ, чтобы сообразно съ симъ вождѣловать ему свойственнаго. Ибо и въ естествѣ безсловесныхъ, что получило въ удѣлъ жить въ водѣ и въ воздухѣ, то и устроено сообразно съ каждымъ родомъ жизни,

такъ что, по извѣстному сложенію тѣла въ томъ и другомъ изъ безсловесныхъ, свойственны и сродны одному воздухъ, другому вода. Такъ и человѣку, приведенному въ бытіе для наслажденія божественными благами, должно было имѣть въ естествѣ что либо сродное съ тѣмъ, чего онъ причастенъ. Посему-то украшенъ онъ и жизнію, и словомъ, и мудростію и всѣми боголѣпными благами, чтобы, по причинѣ каждаго изъ сихъ даровъ, имѣть ему вожделѣніе свойственнаго. Поелику же въ числѣ благъ, свойственныхъ естеству Божію, находится и вѣчность; то надлежало, безъ сомнѣнія, естеству нашему по устройству своему не быть лишеннымъ удѣла и въ семъ, но имѣть въ себѣ безсмертіе, чтобы, по врожденной ему силѣ, могло познавать превысшее Существо, и вожделѣвать вѣчности Божіей. Сіе-то и книга міробытія многообъемлющимъ словомъ выразила въ одномъ реченіи, когда говоритъ, что человѣкъ сотворенъ по образу Божію. Ибо въ семъ подобіи по образу заключается, конечно, исчисленіе отличительныхъ чертъ Божества, и къ такому ученію близко, что исторически рассказываетъ о семъ Моисей, въ видѣ повѣствованія предлагая намъ догматы. Этотъ рай, это отличительное свойство плодовъ, вкушеніе которыхъ служитъ не къ наполненію желудка, но даетъ вкусившимъ вѣдѣніе и вѣчность жизни,—все это согласно

съ тѣмъ, что́ о человѣкѣ усмотрѣно нами прежде, а именно, что естество его первоначально было доброе и изобиловало благами.

Но оспоривать, можетъ быть, станетъ сказанное, кто смотритъ на настоящее, и подумаетъ обличить это ученіе въ неправдѣ, потому что человѣка видитъ теперь не въ томъ, но по видимому почти въ противоположномъ состояніи. Ибо гдѣ богоподобіе души? Гдѣ неподлежащее страданію тѣло? Гдѣ вѣчность жизни? Человѣкъ смертенъ, страстенъ, скорогибнущъ, по душѣ и по тѣлу расположенъ ко всякому роду страстей. Сіе и подобное сему утверждая объ естествѣ и нападая на это, возражающіи положить, что предложенное ученіе о человѣкѣ имъ опровергнуто. Но чтобы рѣчь нимало не уклонилась отъ естественной связи, кратко разсудимъ и объ этомъ. Настоящая несообразность человѣческой жизни не служитъ достаточнымъ изобличеніемъ, будто бы человѣкъ никогда небылъ въ добромъ состояніи. Поелику онъ есть Божіе дѣло, и Богъ живое существо сіе по благодати привелъ въ бытіе; то никто не въ правѣ такъ думать о томъ, чему причиною созданія была благодать. Напротивъ того иная тому вина, что въ такомъ состояніи мы нынѣ и лишены предпочтительнѣйшаго. Начало же у насъ и для этого онять слова не внѣ того, на что согласны возражающіе. Кто сотворилъ человѣка быть

причастникомъ собственныхъ Своихъ благъ, и въ естествѣ человѣческомъ уготовалъ поводъ ко все́мъ для него совершенствамъ, чтобы при каждомъ вождельнѣе стремилось къ подобному; тотъ не лишилъ бы наилучшаго и драгоцѣннѣйшаго изъ благъ, разумѣю даръ непорочности и свободы. Ибо если бы какая либо необходимость воспреобладала человѣческою жизнію; то съ этой стороны сталъ бы невѣренъ образъ, по сему несходству сдѣлавшись далекимъ отъ первообраза. Ибо естество, подчиненное и порабощенное какимъ либо необходимостямъ, могло ли бы именоваться образомъ естества царственнаго? По сему уподобленію во всемъ Божеству человѣку должно было, безъ сомнѣнія, имѣть въ естествѣ самовластіе и непорочность, чтобы причастіе благъ было наградою добродѣтели. Итакъ, спросишь, почему же по всему почтенный наилучшими дарами промѣнялъ блага на худшее? Но и на это отвѣтъ ясенъ. Всякое происхожденіе зла имѣло начало не въ Божіемъ изволеніи; потому что порокъ не подлежалъ бы порицанію, Творцемъ и Отцемъ приписывая себѣ Бога. Напротивъ того зло зараждается какъ-то внутри, составляемое свободнымъ произволеніемъ тогда, какъ происходитъ какое-то удаленіе души отъ хорошаго. Ибо какъ зрѣніе есть дѣятельность естества, а слѣпота—лишеніе естественной дѣятельности: такъ и добро-

дѣтель противоположна пороку. Невозможно представить инаго происхожденія пороку, кромѣ отсутствія добродѣтели. Какъ за отъятіемъ свѣта послѣдуетъ мракъ, а при свѣтѣ его нѣтъ: такъ, пока въ естествѣ добро, порокъ самъ по себѣ неосуществимъ; удаленіе же лучшаго дѣлается происхожденіемъ противоположнаго. Итакъ, поелику въ этомъ и состоитъ отличительное свойство свободы, чтобы желаемое избирать свободно; то виновникомъ для тебя настоящихъ золъ не Богъ, устроившій естество нерабствепное и независное, но неразуміе, вмѣсто хорошаго избравшее худое.

Г Л А В А 6.

Но спросишь, можетъ быть, и о причинѣ грѣха по произволу. Ибо къ этому ведетъ связь рѣчи. Итакъ оиять найдется у насъ основательное нѣкое начало, изъ котораго объяснится и этотъ вопросъ. Таково нѣкое ученіе, принятое нами отъ отцевъ. И ученіе сіе не баснословное сказаніе, но въ самомъ естествѣ нашемъ почерпаетъ свою вѣроятность. Двойное нѣчто примѣчается въ существахъ; такъ какъ взглядъ на нихъ дѣлится на умственный и чувственный. И кромѣ сего въ естествѣ существъ не можетъ оставаться ничего неподходящаго подъ это раздѣленіе. Сіи-то виды

существъ различаются между собою великою средою, такъ что ни чувственное не имѣеть признаковъ умственныхъ, ни умственное чувственныхъ, а напротивъ того каждое отличается противоположными чертами. Ибо естество умственное есть нѣчто безплотное, неосязаемое, не имѣющее вида; а чувственное, по самому имени, подлежитъ наблюденію чувствъ. Но какъ въ самомъ чувственномъ мірѣ, при великомъ взаимномъ противленіи стихій, примѣтна нѣкая стройность, устанавливаемая изъ противоположнаго тою Премудростию, Которая править всею твари, и такимъ образомъ во всей твари происходитъ согласіе съ самой собою, и союзъ единодушія нимаго не расторгается естественнымъ противленіемъ: такъ, подобно сему, по Божіей премудрости происходитъ нѣкое смѣшеніе и сраствореніе чувственного съ умственнымъ, такъ что все въ равной мѣрѣ бываетъ причастно прекраснаго, и ни одно изъ существъ не остается безъ удѣла въ наилучшемъ естествѣ. Посему соотвѣтственная умственному естеству область есть тонкая, разумная, удободвижная сущность, по премірному жребію въ собственномъ естествѣ имѣющая великое сродство съ умственнымъ. Но по наилучшему промышленію и съ естествомъ чувственнымъ бываетъ нѣкое сраствореніе умственного, чтобы въ твари, какъ говоритъ Апостоль, *ничтоже было от-*

летно (1 Тим. 4, 4.) и лишено Божественнаго общенія. Посему-то смѣсь изъ умственнаго и чувственнаго указывается естествомъ Божиимъ въ человѣкѣ, какъ научаетъ книга міробытія. Ибо сказано: *вземъ персть отъ земли, созда Богъ человека* (Быт. 2, 7.), и собственнымъ Своимъ вдуновеніемъ сообщилъ созданію жизнь, чтобы земное превознеслось съ божественнымъ, и единая нѣкая благодать равночестно проходила по всей твари, при раствореніи дожняго естества съ естествомъ премірнымъ. Итакъ, поелику умная тварь осуществлена прежде, и каждая изъ ангельскихъ силъ по Власти правящей всеѣмъ снабжена нѣкою дѣятельностію къ составленію вселенной; то была нѣкая сила, поставленная содержать надземную страну и обладать ею, на сіе самое укрѣпленная тою Силою, Которая домопостроительствуетъ во вселенной. Потомъ уготована земная тварь, изображеніе горней силы (и это живое существо—человѣкъ, въ которомъ боговидная лѣпота умственнаго естества срастворена съ неизреченною нѣкою силою); и тотъ, кому дано въ удѣлъ смотрѣніе надъ всеѣмъ надземнымъ, признаетъ для себя опаснымъ и несноснымъ, если изъ подручнаго ему естества окажется какая сущность, уподобляющаяся превысшему достоинству.

Но какъ въ страсть зависти впасть тотъ, кто вовсе не для зла сотворенъ Создавшимъ все-

ленную по благости, описывать сіе въ подробности не входитъ въ настоящій трудъ; а для невѣрующихъ можно будетъ и кратко предложить о семъ слово.

Различіе добродѣтели и порока представляется, не какъ различіе какихъ либо двухъ вностасныхъ явленій. Напротивъ того, какъ несуществующему противолагается существующее, и нельзя сказать, будто бы несуществующее вностасно отличается отъ существующаго, утверждаемъ же, что небытіе противоположно бытію; такимъ же образомъ и порокъ противоположенъ понятію добродѣтели, не какъ что либо само по себѣ существующее; но какъ нѣчто разумѣемое подъ отсутствіемъ лучшаго. И какъ говоримъ, что зрѣнію противоположна слѣпота, подъ слѣпотою разумѣя не что либо само по себѣ въ естествѣ существующее, но лишеніе предшествующей способности: такъ утверждаемъ, что и порокъ усматривается въ лишеніи добра, какъ бы нѣкая тѣнь появляющаяся по удаленіи луча. Посему такъ какъ естество несозданное не допускаетъ до себя движенія, сопровождаемаго превращеніемъ, преложеніемъ, измѣненіемъ, все же осуществленное твореніемъ въ сродствѣ съ измѣненіемъ; потому что и самая вностасть твари начата измѣненіемъ, тѣмъ, что Божественною силою несуществующее преложено въ существующее, а созданною была

и упомянутая сила, свободнымъ движеніемъ избирающая угодное ей; то, поелику смежила она разумѣніе для добраго и чуждаго зависти, подобно закрывшему вѣждами взоры и въ солнцѣ усматривающему тму, по тому самому, что незахотѣла уразумѣть доброе, уразумѣла противное доброму; и это зависть. Неоспоримо же, что начало каждой вещи есть причина непосредственно за нимъ происходящаго. Напримѣръ слѣдуютъ за здравіемъ благосостояніе, дѣятельность, жизнь въ удовольствіи, за болѣзнію—немошь, недѣятельность, жизнь скучная; а равно и все прочее—непосредственно за своимъ началомъ. Посему, какъ безстрастіе служитъ началомъ и основаніемъ жизни добродѣтельной; такъ отъ зависти происшедшая склонность къ пороку стала путемъ ко всякому въ слѣдъ за нею оказавшемуся злу. Ибо кто однажды возымѣлъ склонность къ злу, отвращеніемъ отъ благодати породивъ въ себѣ зависть, тотъ, подобно камню, который, отторгаясь отъ вершины горы, собственною тяжестію гонится по скату, и самъ разорвавъ естественныя связи съ добромъ, отяготѣвъ и преклонившись къ пороку, самовольно, какъ бы бременемъ какимъ увлеченный, доходитъ до крайняго предѣла лукавства, и послѣ того, какъ силу разумѣнія, каковую отъ Сотворшаго имѣлъ въ содѣйствіе къ причастию лучшаго, содѣлалъ содѣйственницею

къ изобрѣтенію злыхъ примышленій, коварно съ обманомъ приступаетъ къ человѣку; убѣдивъ его самому себѣ нанести смерть и стать самоубійцею. И какъ человѣкъ, усиленный Божиимъ благословеніемъ, великъ былъ по достоинству, потому что поставленъ былъ царствовать надъ землею и надъ всѣмъ, что на ней; имѣлъ прекрасный видъ, потому что сдѣлался образомъ лѣноты первообразной; безстрастенъ былъ по естеству, потому что былъ подобіемъ Безстрастнаго; исполненъ же дерзновенія, лицомъ къ лицу наслаждаясь самымъ богоявленіемъ, сіе же въ противникѣ разжигало страсть зависти, а невозможно ему было какимъ либо усиленіемъ и по принужденію произвести что хотѣлось, потому что сила Божія благословенія превозмогала его принужденіе; то ухищряется по этому сдѣлать человѣка отступникомъ отъ укрѣпляющей его силы, чтобы сталъ онъ удобоуловимымъ для его злокозненности. И какъ въ свѣтильникѣ, когда свѣтильня объята огнемъ, если кто, неимѣя силъ погасить пламень дуновеніемъ, примѣшаетъ къ маслу воду, то этою выдумкою ослабитъ пламень: такъ и сопротивникъ, обманомъ примѣшавъ къ человѣческому произволенію порокъ, сдѣлалъ, что стало угасать и ослабѣвать благословеніе, съ оскуденіемъ котораго по необходимости входитъ противоположное. Противопологается же, какъ жизни

смерть, силѣ—немошь, такъ благословенію—проклятіе, дерзновенію—стыдѣ, и всякому благу—разумѣемое противоположно. Посему-то теперь, когда оное начало послужило поводами къ таковому концу, человѣчество видимъ среди настоящихъ золъ.

ГЛАВА 7.

И никто да не спрашиваетъ: ужели Богъ, предвидя человѣческое бѣдствіе, какое постигнетъ людей по неблагоразумію, приступилъ къ созданію, тогда какъ человѣку, можетъ быть, было бы полезнѣе не приходить лучше въ бытіе, нежели пребывать во злѣ. Ибо сіе въ основаніе заблужденія своего полагаютъ вовлеченные въ обманъ манихейскими догматами, будто бы доказывая симъ, что Творецъ естества человѣческаго не добръ. Если, хотя и ничего не знаетъ Богъ о существующемъ, однакоже человѣкъ во злѣ; то не устоитъ понятіе о благодати Божіей, если только Богомъ введенъ въ жизнь человѣкъ, который имѣлъ жить во злѣ. Ибо, если добраго естества и дѣятельность непременно добрая, то скорбная и скорогибнущая жизнь сія, говорятъ противники, не можетъ быть признана созданіемъ Добраго. Напротивъ того виновникомъ такой жизни надобно полагать инаго, имѣющаго естество склонное къ недоброму. Все это и

подобное сему для глубоко пріявшихъ въ себя, подобно обманчивой какой-то краскѣ, еретическое это обольщеніе, по причинѣ видимой вѣроятности, имѣеть, кажется, нѣкоторую силу; но для болѣе проникающихъ въ истину, ясно усматривается, какъ это не твердо, и какимъ подручнымъ служить указаніемъ обмана. И мнѣ кажется, хорошо будетъ Апостола представить въ этомъ защитникомъ сего имъ извиненія. Ибо въ посланіи къ Коринѳянамъ различаетъ плотскія и духовныя состоянія душъ, показывая, думаю, словами своими, что хорошее или худое надлежитъ оцѣнивать не чувствомъ, но, поставивъ умъ виѣ тѣлесныхъ явленій, естество хорошаго и противоположнаго тому обсуживать само въ себѣ. Ибо *духовный*, сказано у Апостола, *востязуетъ вся* (1 Кор. 2, 15.). У распространяющихъ подобныя сказаннымъ выше ученія причиною измышленія оныхъ могло, думаю, послужить то, что, ограничивая доброе пріятностію тѣлеснаго наслажденія (поелику естество тѣла, будучи сложнымъ и близкимъ къ разложенію, по необходимости подлежитъ страданіямъ и недугамъ, и за таковыми страданіями послѣдуетъ такое же болѣзненное нѣкое чувство), думаютъ они, что сотвореніе человѣка есть дѣло недобраго; такъ что, если бы мысленный взоръ ихъ простерся выше, и отвратя умъ отъ расположенія къ удовольствіямъ, безстрастно воз-

зрѣли они на естество существъ, то признали бы, что зло не иное что есть, какъ порокъ. Всякій же порокъ, не какъ что либо само по себѣ существующее и оказывающееся самостоятельнымъ, имѣеть ту отличительную черту, что онъ есть недостатокъ добра. Ибо въ свободнаго произволенія нѣтъ никакого самобытнаго зла; но зло потому и называется зломъ, что оно не добро; несуществующее же не состоялось; а создателемъ несостоявшагося не есть Создатель существъ состоятельныхъ. Слѣдовательно не причина золь Богъ, Творецъ существъ, а не того, что не существуетъ, С оздавшій зрѣніе, а не слѣпоту, добродѣтель, а не лишеніе оной указавшій въ подвигъ произволенію, живущимъ добродѣтельно предположившій благій конецъ, и тому, что угодно Ему самому, подчинившій естество человѣческое не какимъ либо необходимымъ принужденіемъ, какъ одушевленный нѣкій сосудъ, невольно привлекая его къ хорошему. Но если, когда въ ясную погоду чисто сіяеть свѣтъ, добровольно кто либо заслоняеть зрѣніе вѣками; то не солнце причиною того, что человѣкъ невидитъ.

Г Л А В А 8.

О негодующихъ на то, что человекъ умираетъ, тогда какъ это служитъ больше въ благодѣніе человеку, а потому и смерть.

Но негодуешь, конечно, у кого въ виду разрушеніе тѣла, и тяжело ему дѣлается, что жизнь наша сокрушается смертію. Итакъ въ горестномъ этомъ событіи да усматриваетъ преизбытокъ Божія благодѣнія: ибо это скорѣе, можетъ быть, приведетъ его въ удивленіе милостивой попечительности Божіей о человекѣ. Желательно жить причастнымъ жизни по наслажденію вождельнымъ. А если кто проводитъ жизнь въ мученіяхъ; то таковой признаетъ для себя болѣе предпочтительнымъ не существовать, нежели существовать и страдать. Посему изслѣдуемъ: имѣетъ ли что иное въ виду Податель жизни, кромѣ того, чтобы жизнь наша была для насъ, какъ можно, лучшею?

Послику свободнымъ движеніемъ вовлекли мы себя въ общеніе съ зломъ, съ какимъ-то удовольствіемъ, какъ бы отраву какую, приправленную медомъ, примѣшавъ къ естеству зло, а чрезъ это лишившись блаженства, которое, какъ представляемъ, въ томъ и состоитъ, чтобы не страдать, преобразились въ порокъ: то по сей причинѣ человекъ, подобно

какому-то скудельному сосуду, опять разлагается въ землю, чтобы, по отдѣленіи воспринятой имъ нынѣ скверны, воскресеніемъ могъ быть возсозданъ въ первоначальный видъ. Таковъ же догматъ излагаетъ намъ Моисей исторически и загадками. Впрочемъ и въ загадкахъ заключающееся ученіе ясно. Ибо говоритъ онъ, что, когда первые человѣки коснулись запрещеннаго, и обнажили себя отъ онаго блаженства, тогда Господь налагаетъ на первозданныхъ *ризы кожины* (Быт. 3, 21.), какъ мнѣ кажется не къ симъ именно козамъ обращая смыслъ рѣчи (ибо съ какихъ закланыхъ животныхъ сняты кожи, и примышлено одѣяніе людямъ?): но поелику всякая кожа, отдѣленная отъ животнаго, мертва; то думаю, что послѣ сего Врачующій нашу порочность, чтобы не навсегда въ насъ оставалась она, конечно промыслительно, наложилъ на людей возможность умирать, которая была отличіемъ естества безсловеснаго. Ибо риза есть нѣчто совнѣ на насъ налагаемое, служащее тѣлу на временное употребленіе, несродняющееся съ естествомъ. Посему, по особому смотрѣнію, съ естества безсловесныхъ перенесена мертвость на естество, сотворенное для безсмертія, покрываетъ его внѣшность, а не внутренность, объемлетъ чувственную часть человѣка, но не касается самаго Божія образа. Да и чувственное разлагается, а не уничтожается:

пбо уничтоженіе есть превращеніе въ ничто, а разложеніе есть разрѣшеніе опять на тѣ стихіи міра, изъ которыхъ вещь составилаь. Но что въ сихъ стихіяхъ, то не погибло, хотя и избѣгло отъ постиженія нашего чувства. Причина же разложенія явна изъ приведеннаго нами примѣра. Поелику чувственность въ свойствѣ съ дебелимъ и земнымъ; лучшая же и высшая оцѣнка прекраснаго по одобренію чувствъ стала погрѣшительною, а погрѣшность въ оцѣнкѣ прекраснаго произвела осуществленіе противоположнаго состоянія; то часть насъ самихъ, содѣлавшаяся ненотребною, разлагается отъ принятія въ себя противнаго. Примѣръ же выражается такъ: положи, что составленъ изъ брѣнія нѣкій сосудъ, и по какому-то умышленію наполненъ растопленнымъ свинцомъ; влитый же въ него свинецъ отвердѣлъ, и остается такимъ, что не можетъ быть вылитъ: но хозяинъ сосуда хочетъ сдѣлать его годнымъ для себя; зная же скудельное искусство, околачиваетъ съ свинца черенки, а потомъ опять для собственнаго употребленія дѣлаетъ сосудъ въ прежнемъ видѣ, ненаполненный примѣшаннымъ веществомъ. Такъ и Создатель нашего сосуда, поелику къ чувственной части, разумѣю тѣло, примѣшался порокъ, разложивъ все вещество, принявшее въ себя зло, и снова воссоздавъ въ воскресеніи безъ примѣси противнаго, возстановляетъ

сосудъ въ первобытную доброту. Но какъ связь нѣкоторая и общеніе грѣховныхъ страстей бываетъ въ душѣ и тѣлѣ, то есть нѣкое сходство смерти тѣлесной съ душевною смертію; ибо какъ въ плоти смертію называемъ удаленіе жизни чувственной, такъ и въ душѣ отлученіе жизни истинной именуемъ смертію же. Посему, такъ какъ, по сказанному прежде, одно нѣкое есть общеніе зла, усматриваемое въ душѣ и тѣлѣ (потому что зло приходитъ въ дѣйствіе чрезъ душу и чрезъ тѣло); то смерть разложенія, въ слѣдствіе наложенія мертвыхъ кожъ, не касается души: ибо какъ можетъ разложиться то, что не сложно? А велику есть потребность, чтобы какимъ либо врачеваніемъ и отъ души отъяты были приросшія къ ней отъ грѣховъ скверны; то по этому въ настоящей жизни для уврачеванія таковыхъ ранъ предложено врачевство добродѣтели; если же душа остается неуврачеванною, то сберегается для нея врачеваніе въ жизни будущей. Но какъ въ тѣлесныхъ страданіяхъ есть нѣкоторыя разности: однѣ изъ нихъ удобно, а другія съ трудомъ, принимаютъ врачеваніе, и къ прекращенію укоренившася въ тѣлѣ страданія употребляются рѣзанія, прижиганія и горькія лѣкарства, такъ подобное нѣчто къ уврачеванію душевныхъ недуговъ обѣщаетъ и будущій судъ. Для людей слабыхъ это — угроза и возстаніе печалей,

чтобы страхомъ болѣзненнаго воздаянiя уцѣломудрились мы до избѣжанiя порока; а, по вѣрѣ людей болѣе смысленныхъ, это—врачеванiе и цѣльба отъ Бога, возводящаго тварь Свою въ первоначальную благодать. Какъ тѣ, которые рѣзанiемъ, или прижиганiемъ, сводятъ съ тѣла неестественно выросшiя мозоли и бородавки, не безъ мученiя оказываютъ уврачеванiе благодѣтельствуемому, однакоже не ко вреду терпящаго производятъ рѣзанiе: такъ и всѣ вещественныя излишества, какiя ожестѣвляютъ на душахъ нашихъ, оплотянѣвшихъ отъ общенiя со страстями, во время суда обрѣзываются и изглаждаются неизреченною оною мудростию и силою Врачующаго болящихъ, какъ говоритъ евангелiе, по сказанному: *не требуютъ здравiи врача, но болящiи* (Матѹ. 9, 12.).

Поеликуже въ душѣ произошло великое сродство съ зломъ: то какъ срѣзывать зудящей бородавки колетъ поверхность тѣла (ибо сверхъ естества съ естествомъ сросшееся какимъ-то сочувствiемъ связуется съ подлежащимъ и происходитъ странное нѣкое срастворенiе чуждаго съ нашимъ, такъ что чувство, разлучаясь съ неестественнымъ, уязвляется и болитъ); такъ, когда душа измождается и, какъ говоритъ нѣгдѣ пророчество, *истаяваетъ въ обличенiихъ* (Пса. 38, 12.) о грѣхѣ, тогда, по причинѣ глубоко проникшаго свойства съ зломъ, необходимо послѣдуютъ за симъ нѣ-

кія несказанныя и невыразимыя болѣзни, описаніе которыхъ неизобразимо словомъ, въ той же мѣрѣ, какъ и естество чаемыхъ благъ. Ибо и тѣ и другія не подчиняются силѣ словъ, и недоступны гаданію разума. Посему, кто взираетъ на ту цѣль, какая у премудрости Домостроительствующаго во вселенной, тотъ никакъ не найдетъ основанія Звждителя чело-вѣковъ по малодушію наименовать виновникомъ золь. говоря, что Онъ или не знаетъ будущаго, или и знаетъ, но сотворилъ чело-вѣка не безъ склонности къ недоброму: потому что, и зная будущее, неостановилъ стремленія къ тому, что дѣлается. Ибо, что чело-вѣчество уклонится отъ добра, не не зналъ сего Тотъ, Кто все содержитъ силою прозорливости, и наравнѣ съ прошедшимъ, видитъ будущее. Но какъ видѣлъ Онъ уклоненіе, такъ разумѣлъ и воззваніе чело-вѣка снова къ добру. Посему, что было лучше? вовсе ли не приводитъ въ бытіе нашего рода, такъ какъ предвидѣлъ, что въ будущемъ погрѣшитъ противъ прекраснаго, или приведя въ бытіе, и заболѣвшій нашъ родъ снова воззвать въ первоначальную благодать? По причинѣ же тѣлесныхъ страданій необходимо постигающихъ насъ по скоротечности естества, именовать Бога творцемъ золь, или вовсе не признавать Его создателемъ чело-вѣка, чтобы не могъ быть почитаемъ виновникомъ того, что при-

чиняеть намъ мученіе, — это знакъ крайняго малодушія въ оцѣнивающихъ добро и зло чувствомъ, которые не знаютъ, что по естеству добро только то, чего некасается чувство, а зло—одно только отчужденіе отъ добра. Различать же добро и зло по трудамъ и удовольствіямъ свойственно естеству безсловесному: у безсловесныхъ уразумѣніе истинно хорошаго не имѣеть мѣста, потому что непричастны они ума и мысли.

А что человѣкъ есть прекрасное Божіе дѣло, и приведенное въ бытіе для болѣе еще прекраснаго, это явно не только изъ сказаннаго, но и изъ тысячи другихъ свидѣтельствъ, которыхъ множество по ихъ безчисленности перейдемъ молчаніемъ. Наименовавъ же Бога творцемъ человѣка, не забыли мы, о чемъ разсуждали въ началѣ, обращаясь къ элинамъ, гдѣ нами было доказано, что Божіе Слово, какъ самосущное и вностаемое, вмѣстѣ есть и Богъ, и Слово, сообъемлющее всю творческую силу, лучше же сказать, Оно—Самая сія сила, имѣеть стремленіе ко всякому дѣлу доброду, приводитъ въ исполненіе все, чего ни пожелаетъ, потому что Его хотѣнію сопутствуетъ сила; Его изволеніе и дѣло есть жизнь существъ; Имъ приведенъ въ жизнь и человѣкъ, богоподобно украшенный всѣми лѣпотами. Послику же по естеству неизмѣнно только то, что не какъ сотворенное имѣеть

бытіе; а что несозданнымъ естествомъ произведено изъ несуществующаго, то, прямо начавъ бытіе превращеніемъ, всегда продолжаетъ измѣняться, будетъ ли оно поступать согласно съ естествомъ, когда измѣненіе направлено непрестанно къ лучшему. или совратится съ прямого пути, когда послѣдуетъ движеніе въ противоположную сторону. И такъ, поелику къ созданнымъ принадлежитъ и человѣкъ, то перемѣнчивость естества поползнула у него въ противоположную сторону. А какъ единичное удаленіе отъ благъ послѣдовательно вводитъ всѣ виды золь, такъ что отвращеніемъ отъ жизни введена смерть, съ оскудѣніемъ свѣта произошла тма, по отсутствіи добродѣтели она замѣщена порокомъ, и по отсутствіи какого либо изъ благъ зачислено его мѣсто въ списокъ противоположнымъ; то человѣка, въ такія и подобныя бѣдствія впадшаго по неразумію (невозможно было и сохранить благоразуміе отворачившемуся отъ благоразумія, и восхотѣть чего либо мудраго удалившемуся отъ мудрости), кому должно было снова воззвать къ первоначальной благодати? Кому приличествовало исправленіе падшаго, или воззваніе погибшаго, или руководство заблудшаго? Кому другому, конечно, какъ не Господу естества? Ибо одному только давшему жизнь въ началѣ возможно и вмѣстѣ прилично было и воззвать и жизнь погибаю-

щую. Сіе-то и слышимъ въ таинствѣ истины научаемые, что Богъ сотворилъ человѣка въ началѣ, и спасъ его, когда палъ.

Г Л А В А 9.

Но касательно изложеннаго доселѣ возражающій, смотря на связь рѣчи, согласится, можетъ быть, съ ученіемъ, потому что въ сказанномъ, по видимому, нѣтъ ничего чуждаго боголѣнному образу мыслей. Но не съ такимъ расположеніемъ приметъ, что слѣдуетъ далѣе, и чѣмъ наиболѣе усиливается таинство истины. Человѣческое рожденіе, возрастаніе отъ младенчества до совершеннолѣтія, вкушеніе, питіе, утомленіе, сонъ, печаль, слезы, оклеветаніе, судилище, крестъ, смерть, положеніе во гробъ,—все сіе, входя въ составъ таинства, ослабляетъ какъ-то вѣру людей низкаго образа мыслей, такъ что они въ слѣдствіе сказаннаго прежде не принимаютъ и того, что говорится въ послѣдствіи. Не допускается и боголѣнная мысль о воскресеніи изъ мертвыхъ по неприличію понятія о смерти. Но думаю, что, освободивъ нѣсколько помыслъ отъ плотской дебелости, должно напередъ уразумѣть о хорошемъ и нехорошемъ, что это такое само по себѣ, и по какимъ признакамъ понимается то и другое. Ибо никто изъ людей разсудительныхъ, конечно, не станетъ противорѣчить,

что по природѣ одно только изъ всего постыдно, именно, порочная страсть; въ чемъ же нѣтъ порока, то чуждо всякаго срама. А къ чему не примѣшано ничего противоположнаго, то, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ числу хорошаго, и истинно хорошее не имѣетъ примѣси противоположнаго. Все же, что усматривается въ области хорошаго, боголѣпно. Посему пусть или докажутъ, что рожденіе, воспитаніе, возрастаніе, постепенное усовершеніе естества, испытаніе смерти, возвращеніе отъ смерти, суть пороки; или, если соглашаются, что исчисленное не принадлежитъ къ порокамъ, то по необходимости признаютъ, что чуждое порока нисколько не постыдно. Когда же доказано, что, безъ сомнѣнія, сіе хорошо; не жалки ли по своему неразумію утверждающіе, будто бы хорошее не боголѣпно?

ГЛАВА 10.

Но скажутъ: естество человѣческое мало и ограничено, а Божество безпредѣльно; какъ же безпредѣльное можетъ быть объято атомомъ? Но кто говоритъ, будто бы ограниченностію плоти, какъ бы сосудомъ какимъ, объята безпредѣльность Божества? И во время нашей жизни духовное естество не бываетъ заключено внутри предѣловъ плоти. Напротивъ того тѣлесный объемъ ограничивается соб-

ственными частями; а душа движеніями мысли свободно простирается по всей твари, возносясь до небесъ, погружаясь и въ бездны, проходя всю широту вселенной, съ пытливостію ума проникая въ подземелья; а нерѣдко касается мыслію и небесныхъ чудесъ, неотягощаясь бременемъ тѣла. Если же душа человѣка, необходимостію естества соединенная съ тѣломъ, свободно бываетъ всюду; то какая необходимость утверждать, будтобы Божество стѣняется естествомъ плоти, и по доступнымъ нашему разумѣнію примѣрамъ не составить о Божественномъ домостроительствѣ какой либо приличной догадки? Какъ въ свѣтильникѣ усматривается огонь, объявній собою подложенное вещество, и Слово различаетъ огонь на веществѣ и вещество воспаляющее огонь, на самомъ же дѣлѣ нельзя отдѣливъ это одно отъ другаго, показать пламень самъ по себѣ, въ отдѣльности отъ вещества; напротивъ того и пламень и вещество составляютъ изъ себя одно: такъ (въ этомъ примѣрѣ никто да не принимаетъ въ разсмотрѣніе истребительную силу огня, а напротивъ того, взявъ въ образѣ одно то, что прилично, да отринетъ несвойственное и незотвѣтственное), подобно тому, что пламень, какъ видимъ, зависитъ отъ подложеннаго вещества и не заключается въ веществѣ, что препятствуетъ, представивъ себѣ единеніе и

сближеніе Божескаго естества съ человѣчествомъ, и при сближеніи этомъ сохранить боголѣпную мысль, увѣровавъ, что Божество, хотя было и въ человѣкѣ, неподлежало никакому ограниченію?

ГЛАВА II.

Если же спрашивается: какъ Божество соединяется съ человѣчествомъ? то смотри, прежде слѣдуетъ тебя спросить: какое средство у души съ плотію? Если же неизвѣстенъ способъ соединенія души твоей съ тѣломъ; то, конечно, не должно тебѣ думать, чтобы и то стало доступно твоему постиженію. Но какъ здѣсь и увѣрены мы, что душа есть нѣчто иное съ тѣломъ, потому что плоть, разъединенная съ душою, дѣлается мертвою и бездѣйственною, и не знаемъ способа соединенія: такъ и тамъ, хотя признаемъ, что естество Божеское велелѣпно отличается отъ естества смертнаго и скоротечнаго, однакоже невмѣстимо для насъ уразумѣніе способа, какимъ Божество соединяется съ человѣчествомъ. Напротивъ того, что Богъ родился въ естествѣ человѣка, несомнѣваемся въ этомъ по причинѣ повѣствуемыхъ чудесъ, но отказываемся изслѣдывать, какъ родился, потому что сіе выше доступнаго помысламъ. Ибо вѣруя, что всякое тѣлесное и умственное бытіе осуществлено

естествомъ безплотнымъ и несозданнымъ, вмѣстѣ съ вѣрою въ это не входимъ въ изслѣдованіе, изъ чего и какъ осуществлено. Но принимая, что приведено въ бытіе, оставляемъ неизвѣданнымъ тотъ способъ, какимъ составила вселенная, какъ вовсе несказанный и неизъяснимый.

ГЛАВА 12.

А кто требуетъ доказательствъ на то, что Богъ явился намъ во плоти, тотъ пусть обратитъ взоръ на силу. Ибо и вообще, что есть Богъ, на сіе едвали имѣетъ кто другое доказательство при свидѣтельствѣ дѣлъ. Посему какъ, взирая на вселенную, разсматривая законы домостроительства въ мірѣ, благодѣянія, свыше оказываемыя нашей жизни, понимаемъ, что выше всего есть нѣкая сила, которая творитъ совершающееся и охраняетъ существа: такъ и въ разсужденіи явившагося намъ во плоти Бога достаточнымъ доказательствомъ Божественнаго пришествія признаемъ многодѣйственные чудеса, въ описанныхъ дѣлахъ открывъ все, чѣмъ отличается естество Божіе. Божіе дѣло—оживотворять людей; Божіе дѣло—охранять существа промысломъ; Божіе дѣло—подавать пищу и питіе получившимъ въ удѣлъ плотскую жизнь; Божіе дѣло—благодѣтельствовать нуждающемуся; Божіе дѣло—истощенное

немоцію естество снова возвратить въ себя здравіемъ; Божіе дѣло—равно обладать всею тварію: землею, моремъ, воздухомъ, надвоздушными пространствами. Божіе дѣло—на все имѣть довлѣющую силу, и прежде всего быть сильнѣе смерти и тлѣнія. Посему, еслибы въ сказаніи о воплотившемся Богѣ недоставало чего либо изъ этого: то чуждые нашей вѣры по праву отвергали бы наше таинство. А если все, изъ чего составляется понятіе о Богѣ, усматривается въ сказаніяхъ о Немъ; что препятствуетъ вѣрѣ?

ГЛАВА 13.

Но говорятъ: рожденіе и смерть свойственны естеству плотскому. И я говорю тоже. Но что прежде рожденія, и что послѣ смерти, въ томъ нѣтъ ничего общаго съ нашимъ естествомъ. Ибо, взирая на оба предѣла человѣческой жизни, знаемъ, съ чего начинаемъ, и чѣмъ оканчиваемъ. Человѣкъ, начавъ бытіе страданіемъ, страданіемъ и довершаетъ. А тамъ и рожденіе началось не страстію, и смерть кончилась не страданіемъ: ибо и рожденію не предшествовало чувство удовольствія, и за смертию не послѣдовало тлѣніе. Не вѣришь ты чуду? Радуюсь этому невѣрію. Тѣмъ самымъ, что рассказываемое тебѣ почитаешь превышающимъ вѣру, признаешь, конечно, что чу-

деса сія сверхъестественны. Посему доказательствомъ божественности Явившагося да будетъ тебѣ это самое, что проповѣдь сообщать не событія естественныя. А если бы повѣствуемое о Христѣ заключалось въ предѣлахъ естества, то гдѣ было бы Божественное? Если же слово превышаетъ естество; то самое, чему не вѣришь, — для тебя доказательство, что проповѣдуемый есть Богъ. Человѣкъ рождается отъ супружеской четы, а по смерти передается тлѣнію. Если бы проповѣдь заключала въ себѣ это; конечно, не подумалъ бы ты, что тотъ, въ комъ засвидѣтельствованы отличительныя свойства нашего естества, есть Богъ. Поелику же слышишь, что, хотя Онъ родился, однакоже и способомъ рожденія, и тѣмъ, что недопустилъ до себя измѣненія чрезъ тлѣніе, выступилъ изъ общихъ съ естествомъ нашимъ предѣловъ; то въ слѣдствіе сего хорошо будетъ обратить невѣріе на другое, не почитать Его однимъ изъ видимыхъ въ природѣ человѣкомъ. Кто не вѣритъ, что таковойъ есть человѣкъ, тотъ, по всей необходимости, приведенъ будетъ къ вѣрѣ, что Онъ есть Богъ. Ибо повѣствовавшій, что Онъ родился, повѣствовалъ вмѣстѣ, что и родился такъ именно. Посему, если въ слѣдствіе сказаннаго вѣрно, что Онъ родился; то по этому же самому, конечно, не невѣроятно и то, что родился именно такъ. Ибо сказавшій о рожде-

ни присовокушилъ, что родился отъ Дѣвы. И упомянувшій о смерти засвидѣтельствовалъ и о воскресеніи по смерти. Посему если по слышному допускаешь, что родился, и умеръ; то по тому же самому допустишь, конечно, что и рожденіе и смерть Его изъяты отъ страданія. Но это выше естества, слѣдственно не въ предѣлахъ естества, конечно, и Тотъ, Кто оказывается родившимся сверхъестественно.

ГЛАВА 14.

Посему какая же, говорятъ, была причина Божеству снизойти до сего униженія, при которомъ колеблется вѣра, недоумѣвая, точно ли Богъ, существо невмѣстимое, недомыслимое, неизглаголанное, превышающее всякую славу и всякое величіе, соединяется съ малоцѣнною оболочкою естества человѣческаго, такъ что и высокія Его дѣйствія унижаются симъ соединеніемъ съ ничтожнымъ?

ГЛАВА 15.

Не затрудняемся дать на сіе боголѣпный отвѣтъ. Спрашиваешь о причинѣ, по которой Богъ родился среди человѣковъ? Если отымешь отъ жизни оказанныя свыше благодѣянія, то не въ состояніи будешь сказать, почему по-

знаешь Божество. Ибо изъ того, что испытываемъ, познаемъ Благодѣтеля; имѣя предъ глазами совершающееся, по сему заключаемъ о естествѣ дѣйствующаго. Поэтому, если особый признакъ естества Божія есть человѣколюбіе; то имѣешь отвѣтъ на предположенный тобою вопросъ, имѣешь причину явленія Божія среди человѣковъ. Немоществовавшее наше естество возымѣло нужду во врачующемъ; человѣкъ, подвергшійся паденію, возымѣлъ нужду въ подъемлющемъ; уклонившійся отъ жизни возымѣлъ нужду въ оживотворяющемъ; удалившійся отъ причастія блага возымѣлъ нужду въ возводящемъ ко благу; заключенному во тмѣ стало нужно пришествіе свѣта; плѣнникъ ощутилъ потребность въ искупителѣ, узникъ — въ защитникѣ, содержимый подъ игомъ рабства — въ освободителѣ. Ужели это было мало и недостойно того, чтобы преклонить Бога снизоидти для посѣщенія естества человѣческаго, когда человѣчество было въ такомъ жалкомъ и бѣдственномъ положеніи? Но можно было, говорятъ, и человѣку оказать благодареніе, и Богу пребыть нестраждущимъ; ибо по изволенію своему Создавшій вселенную и единымъ движеніемъ воли Осуществившій несуществующее, почему и человѣка не вводитъ полномочною нѣкоею и Божественною властію, похитивъ у сопротивной силы, въ первоначальное состояніе, если то Ему угодно,

но идетъ дальними обходами, облакаясь въ тѣлесное естество, вступая въ жизнь посредствомъ рожденія, переходя по порядку всѣ возрасты, потомъ вкушая смерть, и такимъ образомъ достигая цѣли воскресеніемъ собственнаго Своего тѣла, какъ будто не возможно Ему было, пребывая на высотѣ Божественной славы, спасти человѣка Своимъ повелѣніемъ, оставить же въ сторонѣ таковыя околичности? Посему необходимо, чтобы и такимъ возраженіямъ противопоставили мы истину, и ничто не препятствовало вѣрѣ пытливо изслѣдывающихъ таинственное ученіе. Итакъ рассмотримъ сперва (что отчасти изслѣдовано уже и выше) стоящее въ противоположность добродѣтели. Какъ свѣту—тма, и жизни—смерть; такъ, очевидно, добродѣтели противоположень порокъ, а не другое что кромѣ его. Какъ изъ множества усматриваемыхъ въ твореніи существъ, ничто другое не состоитъ въ противоположности свѣту и жизни, ни камень, ни дерево, ни вода, ни человѣкъ, ни какое либо иное существо, кромѣ того, что собственно почитается противоположнымъ, каковы тма и смерть; такъ и въ разсужденіи добродѣтели никто не скажетъ, что какую либо тварь, кромѣ понятія порока, разумѣтъ ей противоположною. Посему если бы ученіе наше утверждало, что Божество рождено порочно; то возражающіи имѣлъ бы случай на-

падать на вѣру нашу, такъ какъ о Божіемъ естествѣ думаемъ несообразное и несходное. Ибо непозволительно утверждать, будто бы истинная премудрость, благость, нетлѣніе (и если еще есть какое высокое понятіе и именованіе) впадаетъ въ противоположное. Итакъ, если истинная добродѣтель есть Богъ, а добродѣтели противоположно не естество какое, но порокъ. Богъ же раждается не въ порокѣ, но въ естествѣ человѣческомъ; и одно только неприлично и постыдно—порочная страсть, въ которой Богъ и не былъ, и быть по естеству Своему не можетъ: то почему стыдятся сего исповѣданія, что Богъ соединился съ естествомъ человѣческимъ, когда въ составѣ человѣка относительно къ добродѣтели не усматривается ничего противнаго? Ибо ни даръ слова, ни даръ разума, ни способность приобрѣтать познанія, ни другое чтó сему подобное, составляющее особенность человѣческой сущности, не противны понятію добродѣтели.

ГЛАВА 16.

Но самая измѣнчивость нашего тѣла, говорятъ, есть страдательное состояніе, и кто въ тѣлѣ, тотъ бываетъ въ страданіи; но Божество безстрастно. Слѣдовательно странно это понятіе о Богѣ, если только утверждаютъ, что

безстрастный по естеству входитъ въ общеніе съ страданіемъ. Но и на сіе воспользуемся опять тѣмъ же отвѣтомъ, что страдательнымъ состояніемъ иное называется въ собственномъ смыслѣ, а иное по неточному словоупотребленію. Что касается свободнаго произволенія и отъ добродѣтели обращаетъ къ пороку, то подлинно есть страданіе; все же, что въ естествѣ усматривается переходнымъ, идущимъ особою послѣдовательностію, то въ болѣе собственномъ смыслѣ можно назвать скорѣе дѣломъ, нежели страданіемъ. Таковы напримѣръ, рожденіе, возрастаніе, поддержаніе подлежащаго посредствомъ притекающей и извергаемой пищи, стеченіе въ тѣлѣ стихій, и опять разложеніе сложившагося и переходъ въ среднее. Чего же, по сказанію нашего таинства, коснулось Божество? Собственно ли такъ называемаго страдательнаго состоянія, которое есть порокъ, или естественнаго движенія? Если бы въ ученіи утверждалось, что Божество допустило до себя недозволенное; то должно было бы бѣжать отъ такого нелѣпаго догмата, какъ непредлагающаго о Божіемъ естествѣ ничего здраваго. Если же говорить, что Богъ коснулся нашего естества, и первое бытіе и особое существованіе котораго возымѣли начало отъ Бога; то въ чемъ погрѣшаетъ проповѣдь противъ боголѣннаго образа мыслей, когда въ понятіяхъ о Богѣ не входитъ

въ вѣру никакого страдательнаго расположенія? Ибо не говоримъ, что врачъ подвергается страданію, когда врачуетъ страждущаго; напротивъ того ухаживающій за больнымъ, хотя и касается недуга, самъ остается свободенъ отъ страданія. Если рожденіе само по себѣ не есть страданіе, то и жизни никто не назоветъ страданіемъ. Напротивъ того къ человѣческому рожденію приводитъ сладострастіе, и стремленіе живыхъ къ пороку;—это есть недугъ естества. Но таинство говоритъ, что Божество чисто отъ того и другаго. Посему если рожденіе чуждо сластолюбію и жизнь — пороку: то какое остается страданіе, въ которомъ бы, по словамъ таинства благочестія, имѣлъ общеніе Богъ?

Но если страданіемъ назоветъ кто разлученіе тѣла и души; то справедливо было бы гораздо прежде наименовать такъ соединеніе обоихъ. Ибо если расторженіе соединенныхъ есть страданіе, то и сопряженіе разъединенныхъ можетъ быть страданіемъ; потому что и въ сочетаніи раздѣльныхъ и въ раздѣленіи состоявшихъ въ связи представляется нѣкое движеніе. Посему чѣмъ именуется послѣднее движеніе, тѣмъ надлежитъ называть и предшествующее. Если же первое движеніе, которое именуемъ рожденіемъ, названо будетъ страданіемъ; то страданіемъ же должно назвать и то, которымъ разрѣшается соединеніе

тѣла и души. Но о Богѣ говоримъ, что былъ Онъ въ томъ и другомъ движеніи нашего естества, и въ томъ, которымъ душа соединяется съ тѣломъ, и въ томъ, которымъ тѣло разлучается съ душою. А о человѣческомъ составѣ, по причинѣ неизреченнаго и невыразимаго онаго срастворенія, смѣшанномъ, въ разсужденіи того и другаго, чувственнаго, то есть, и духовнаго, предусмотрено то, что единеніе однократно соединенныхъ, разумѣю душу и тѣло, продолжается и навсегда. Ибо когда естество наше, слѣдуя свойственному для него порядку и въ Воплотившемся подвигнуто было къ раздѣленію души и тѣла; какъ бы лилкимъ какимъ составомъ, разумѣю Божественную силу, снова сопрягъ Онъ раздѣленное, приведши расторгнутое въ неразрывное единеніе. И это есть воскресеніе, — того, что прежде было сопряжено, и по разложеніи взаимно соединяется, возвращеніе въ неразлагаемое единеніе, чтобы человѣчеству возвратилась первоначальная благодать, и снова вступили мы въ вѣчную жизнь, когда примѣшавшійся къ естеству порокъ, по причинѣ разложенія нашего состава, исчезаетъ въ насъ, какъ бываетъ это съ жидкостію, которая, когда сосудъ съ нею разбитъ, небудучи ограждаема ничѣмъ, разливается и пропадаетъ. Но какъ начало смерти, происшедши въ одномъ, перешло на весь человѣческій родъ; такимъ

же образомъ и начало воскресенія чрезъ Еди-
 наго распространяется на все человѣчество. Кто
 воспріятую Имъ душу снова соединилъ съ соб-
 ственнымъ Своимъ тѣломъ тою силою Своею,
 которая при первомъ составленіи срастворена
 была и съ тѣломъ и съ душою, Тотъ нѣкимъ
 болѣе общимъ способомъ соединилъ духовную
 сущность съ чувственною, начало по порядку
 усиѣнно сведя съ концемъ. Ибо когда въ
 воспріятомъ Имъ на Себя человѣческомъ
 составѣ по разрѣшеніи душа снова возврати-
 лась въ тѣло; тогда соединеніе раздѣленнаго,
 какъ отъ нѣкоего начала, въ возможности
 равно переходитъ на весь человѣческій родъ.
 И это есть таинство домостроительства Божія
 о человѣкѣ и воскресенія изъ мертвыхъ. Хотя
 смертію разлучается душа съ тѣломъ, и не
 нарушается необходимый порядокъ естества,
 однако же Богъ воскресеніемъ снова сводитъ
 ихъ между собою, чтобы послужить для нихъ
 разграничительнымъ предѣломъ того и другаго,
 и смерти и жизни, когда какъ въ Себѣ самомъ
 составить раздѣленное смертію естество, такъ
 и Самъ содѣлается началомъ соединенія раз-
 дѣленнаго.

ГЛАВА 17.

Но не рѣшено еще сдѣланное намъ возра-
 женіе, скажетъ иный, въ сказанномъ же нахо-
 дить для себя большую силу предлагаемое

намъ невѣрными. Ибо если, какъ показало слово, во Христѣ столько силы, что въ Его власти низложеніе смерти и вшествіе жизни; то почему не волею единою производитъ желаемое, но околичнымъ путемъ совершаетъ наше спасеніе: рождается, воспитывается, испытаніемъ смерти спасаетъ человѣка? Можно Ему было и не подвергаться сему и спасти насъ. На такое замѣчаніе людямъ благомыслящимъ достаточно сказать въ отвѣтъ, что больные не предписываютъ врачамъ, какъ ухаживать за ними, и съ благодѣтелями не входятъ въ состязаніе о родѣ леченія, не говорятъ, почему врачующій прикоснулся къ страждущему члену, и для прекращенія болѣзни придумалъ такое средство, когда нужно было другое; напротивъ того, взирая на конецъ благодѣянія, съ благодарностію принимаютъ благотвореніе. Но поеліку, какъ говоритъ Пророкъ, *множество благодати* Божіей доставляетъ сокровенную пользу (Пса. 30, 20.), и еще не усматривается ясно въ настоящей жизни (а если бы ожидаемое было передъ очами, то не имѣло бы силы все то, что говорятъ вопреки невѣрные; теперь же усматриваемое нынѣ одною вѣрою ожидаетъ грядущихъ вѣковъ, чтобы стать для нихъ откровеннымъ); то необходимо какими либо умозаключеніями изыскать, по возможности, рѣшеніе предложеннаго вопроса, подобное предшествовавшимъ.

ГЛАВА 18.

Увѣровавшимъ, что Богъ приходилъ въ міръ, напрасно, можетъ быть, и порицать сіе пришествіе, будто оно совершенно не премудро и не лучшимъ какимъ способомъ. Ибо для тѣхъ, которые не слишкомъ упорствуютъ противъ истины, немаловажнымъ доказательствомъ Божія пришествія служитъ явленное прежде будущей жизни въ настоящемъ вѣкѣ, разумно свидѣтельство самыхъ событій. Кто не знаетъ, какъ все части вселенной наполняла демонская прелесть, посредствомъ идолопоклонства возобладавъ людскою жизнью, какъ всеѣмъ народамъ въ мірѣ обратилось въ законъ, въ идолахъ служить демонамъ закланіемъ въ жертву животныхъ и принесеніемъ на жертвенники мерзостей? Но съ тѣхъ поръ, какъ, по слову Апостола, *явися благодать Божія спасительная всемъ человекомъ* (2 Тим. 2, 11.), пришедшая въ естество Человѣческомъ, все, какъ дымъ, обратилось въ ничто; почему прекратились истовства прорицалищъ и провѣщаній; уничтожились ежегодныя празднества и кровавыя скверны гекатомбъ; у многихъ народовъ вовсе не стало храмовъ, притворовъ, канищъ, жертвенниковъ и всего другаго, что служителями идоловъ направляемо было къ обольщенію себя самихъ и встрѣчающихъ это, такъ что

во многихъ мѣстахъ и не помнятъ, бывало ли когда это; по всей же вселенной воздвигнуты вмѣсто сего во имя Христова храмы и жертвенники, вездѣ досточестное и безкровное священнодѣйствіе, и высокое любомудріе, болѣе дѣломъ, нежели словомъ преслѣвующее, небреженіе о тѣлесной жизни и презрѣніе къ смерти, какое явно показали принуждаемые гонителями отступить отъ вѣры, въ ничто вмѣнивъ тѣлесныя уязвленія и осужденіе на смерть, чему, конечно, не подвергли бы себя, если бы не имѣли яснаго и несомнѣннаго доказательства о Божіемъ пришествіи. То же самое достаточно сказать іудеямъ въ знаменіе, что пришедшій Тотъ, въ Кого они не вѣрують; потому что до Христова богоявленія славца была у нихъ столица царей въ Иерусалимѣ, знаменить оный храмъ, законны ежегодныя жертвы и все, что для таинниковъ, способныхъ уразумѣвать, подробно изложено закономъ въ загадкахъ, согласно съ узаконеннымъ у нихъ изначала служеніемъ благочестія, было дотолѣ невозбранно. Но какъ увидѣли Ожидаемаго, о Которомъ напередъ научены были и пророками и закономъ, и вѣрѣ въ Явившагося предпочли оное исполненное заблужденій суевѣріе, которое худо отринувъ, хранили реченія закона, служа болѣе по обычаю, нежели по разуму: то послѣ сего явившейся благодати они не приняли, и что было досто-

честнаго въ ихъ богослуженіи, то осталось въ однихъ только разсказахъ о семь; храма не узнаешь и по слѣдамъ; славный оный градъ оставленъ въ развалинахъ; не остается у іудеевъ ничего изъ узаконеннаго въ древности, напротивъ того и самое досточтимое ими въ Іерусалимѣ мѣсто по повелѣнію властвующихъ сдѣлалось для нихъ недоступнымъ.

ГЛАВА 19.

Впрочемъ, поелику все это ни смирствующимъ, ни главнымъ преподавателямъ іудейскихъ ученій не кажется составляющимъ признаковъ Божія пришествія; то хорошо будетъ особо повести рѣчь и о сдѣланныхъ возраженіяхъ, почему естество Божіе соединяется съ нашимъ, самимъ собою спасая человѣчество, а не повелѣніемъ совершая предположенное? Посему какое же можетъ быть у насъ начало, которое бы послѣдовательно рѣчь нашу привело къ предположенной цѣли? Какое кромѣ сего—изложить кратко благочестивыя понятія о Богѣ?

ГЛАВА 20.

Итакъ, по признанію всѣхъ, должно вѣровать, что Богъ не только могущественъ, но и справедливъ. благъ, премудръ, имѣетъ все,

что разумъ относитъ къ наилучшему. Посему при настоящемъ домостроительствѣ слѣдуетъ не того хотѣть, чтобы въ совершающемся одно изъ боголѣпныхъ свойствъ обнаруживалось, а другое нѣтъ. Ибо вообще ни которое изъ высокихъ оныхъ именованій, само по себѣ, по одиначкѣ, въ отдѣльности отъ другихъ, не есть добродѣтель. И доброе, если не сопряжено съ справедливымъ, премудрымъ, могущественнымъ, не есть дѣйствительно доброе; потому что несправедливое, не премудрое, или немогущественное не есть доброе. И могущество, отдѣленное отъ справедливаго и премудраго, не представляется добродѣтельно; потому что таковой родъ могущества есть звѣрскій и насильственный. А также сказать должно и о прочемъ: если мудрое выстунить изъ предѣловъ справедливаго, или если справедливое будетъ не вмѣстѣ съ могущественнымъ и добрымъ, то подобное сему иной скорѣе наименуетъ въ собственномъ смыслѣ порокомъ. Ибо почему кто либо причислитъ къ добру то, чему недостаетъ совершенства? Если же во мнѣніяхъ о Богѣ надлежитъ стекаться всѣмъ совершенствамъ: то посмотримъ, домостроительство Божіе о человѣкѣ имѣетъ ли недостатокъ въ какомъ либо изъ боголѣпныхъ понятій? Въ Богѣ, конечно, ищемъ мы знаковъ благости. Возможно ли же какое болѣе явленное свидѣтельство доброты, какъ это—

сдѣлать своимъ бѣжавшаго на противную сторону, и естеству постоянному, непревратному въ добръ, не согласоваться въ дѣйствіяхъ съ удобопревратностію человѣческаго произволенія? Богъ не пришелъ бы, какъ говоритъ Давидъ, *во еже спасти насъ* (Пса. 79, 3.), если бы не благодать вложила такое намѣреніе. Но и благодать сего намѣренія не принесла бы пользы, если бы не премудрость дѣйствительнымъ дѣлала человѣколюбіе. Ибо что до тѣхъ, которые въ болѣзненномъ состояніи, многимъ, можетъ быть, хотѣлось бы, чтобъ больной не страдалъ. Но это доброе изволеніе тѣ только приводятъ въ исполненіе надъ больными, которымъ къ исцѣленію больного содѣйствуетъ какая-то сила искусства. Итакъ съ благодатію, безъ всякаго сомнѣнія, должна быть сопряжена мудрость. Какимъ же образомъ въ совершившемся вмѣстѣ съ благодатію оказывается и мудрость? Такимъ, что доброе видимъ не въ одномъ только намѣреніи. Ибо какъ намѣреніе сдѣлалось бы явнымъ, не будучи обнаружено событіями? Дѣла же, послѣдовательно происходящія въ какой либо связи и въ порядкѣ, показываютъ премудрость и искусство Божія домостроительства. А какъ, по сказанному прежде, мудрость, сопряженная съ справедливостію, безъ сомнѣнія, дѣлается добродѣтелию (взятая же въ отдѣльности, сама по себѣ не останется и благодатію); то въ ученіи о домо-

строительствѣ спасенія человѣческаго хорошо будетъ разсматривать во взаимной связи два свойства, разумью премудрость и справедливость.

ГЛАВА 21.

Поэтому какая справедливость? Помнимъ, безъ сомнѣнія, сказанное, какъ слѣдовало, въ началѣ слова, а именно, что человѣкъ устроенъ по подобію Божія естества, сохраняя въ себѣ сіе подобіе Божеству и въ прочихъ добрыхъ качествахъ, и въ свободѣ произволенія: но будучи по необходимости естества измѣнчиваго. Ибо кто начало бытія имѣеть чрезъ измѣненіе, тому невозможно, конечно, не быть измѣнчивымъ; потому что самый переходъ изъ небытія въ бытіе есть иѣкое измѣненіе, при которомъ неосуществленное Божіею силою преложено въ сущность. И по другой причинѣ въ человѣкѣ необходимо оказывается измѣнчивость, по тому самому, что человѣкъ былъ подобіемъ естества Божія; а уподобляемое, если бы не имѣло какой либо инаковости, конечно, было бы тождественно съ тѣмъ, чему уподобляется. Поэтому, такъ какъ инаковость съ первообразомъ созданнаго по образу состоитъ въ томъ, что Первообразъ по естеству неизмѣненъ, а образъ не таковъ, напротивъ же того, по изложенной причинѣ, и осущест-

вился чрезъ измѣненіе, и измѣняется, конечно, по тому самому, что есть подобіе, а измѣненіе есть движеніе, непрестанно простирающееся изъ одного состоянія, въ какомъ вещь находится, въ другое; то два суть вида такового движенія: одно совершается всегда къ добру, въ немъ поступленіе впередъ не имѣетъ остановки, потому что не достигается предѣлъ пути; другое противоположно; въ томъ его и состоятельность, что не бываетъ состоятельнымъ; потому что противленіе добру, какъ сказано прежде сего, въ такомъ же смыслѣ различается отъ добра, въ какомъ несуществующее называемъ различнымъ отъ существующаго, и небытіе отъ бытія. Итакъ, поелику по удобо-превратному и измѣнчивому стремленію и движенію, невозможно естеству въ самомъ себѣ пребывать неподвижнымъ, то къ чему либо непремѣнно устремляется произволеніе, естественно вовлекаемое въ движеніе пожеланіемъ лучшаго. Но иное дѣйствительно хорошо по естеству, а иное не таково, и приращено какимъ-то призракомъ хорошаго. Рѣшать это поставленъ внутри насъ умъ: и намъ предстоитъ или улучшить дѣйствительно хорошее, или отвратившись отъ него, по какому либо обману видимостию, увлечься въ противоположное, какъ нѣчто подобное, по сказанію народной басни, случилось со псомъ, который, увидѣвъ въ водѣ тѣнь того, что несъ онъ во

рту, бросилъ настоящую пищу, разинувъ же пасть, чтобы схватить подобіе пищи, остался голоднымъ.

ГЛАВА 22.

Итакъ поелику умъ, ошибившись въ пожеланіи подлиннаго добра, уклонился къ тому, что не существуетъ, лестію худаго совѣтника и изобрѣтателя порока убѣжденный, будто бы хорошо то, что противоположно хорошему; ибо лесть не подѣйствовала бы, если бы на удѣ порока не былъ, на подобіе приманки, поддѣланъ призракъ хорошаго: такъ поелику человѣкъ добровольно подвергся этому бѣдствію, по сластолюбію починивъ себя врагу жизни; то требуй отъ меня по одиначкѣ всего, что причествуетъ понятіямъ о Богѣ: благость, правда, могущество, нетлѣніе, и если чѣмъ еще означается совершенство. Богъ, какъ благій, исполняется милосердія къ падшему; и какъ премудрый, не не знаетъ способа, какъ возвратить; дѣломъ же мудрости былъ и судъ справедливости; ибо истинной справедливости никто не припишетъ неблагоразумію. Посему что же въ семь справедливо? То, что противъ овладѣвшаго нами не употреблено никакого насильственнаго полномостія, и по преизбытку силы Восхитившимъ насъ у владѣющаго поработившему человѣка сластолюбіемъ не оставлено никакого по-

вода къ оправданію. Такъ отдавшіе свободу свою за деньги—рабы купившихъ, сдѣлавшись продавцами самихъ себя; и ни имъ самимъ, ни другому кому не позволительно провозглашать ихъ свободу, хотя бы продавшіе себя на это бѣдствіе были люди и благороднаго происхожденія. Да и если кто, радѣя о проданномъ, употребитъ насиліе противъ купившаго; то, самовластно отнимая пріобрѣтеннаго въ собственность законно, почтенъ будетъ несправедливымъ. Но если угодно, то снова купить такового никакой законъ не воспрещаетъ.

ГЛАВА 23.

Поелику такимъ же образомъ мы себя добровольно продали, то изъемающему насъ по благодати снова на свободу должно было примыслить, не насильственный, но справедливый способъ возвращенія. А сей способъ таковъ,—войдти въ сдѣлку съ владѣющимъ, чтобы взять, какую пожелаетъ, цѣну за обладаемаго. По сему что же, какъ вѣроятно, лучше было владѣющему избрать и взять? По ходу дѣла можно составить нѣкоторую догадку о его пожеланіи; а потомъ ясны для насъ будутъ признаки искомаго. Итакъ, кто, по причинѣ представленной въ началѣ сего сочиненія, завистію къ благоденствующему закрылъ глаза для добра, и въ себѣ породилъ мракъ порока, и заболѣлъ на-

чаломъ и основаніемъ склонности къ худому и какъ бы матерью прочихъ пороковъ—любоначаліемъ. тотъ обмѣнилъ ли бы на что обладаемаго, кромѣ чего либо очевидно высшаго и большаго. чтобы наче удовлетворить въ себѣ страсти кичливости, за меньшее получая большее вознагражденіе? Но въ повѣствуемомъ отъ вѣка ни въ чемъ не зналъ ничего подобнаго тому, что усматривалъ въ видимомъ тогда, въ безмужнемъ чревопошеніи и нерастлѣнномъ рожденіи, въ дѣвственныхъ сосцахъ, въ глазахъ невидимыхъ существъ, свѣдѣтельствующихъ о сверхъестественномъ достоинствѣ, въ исцѣленіи естественныхъ недуговъ, совершаемомъ Имъ безъ какихъ либо средствъ, а однимъ только словомъ и устремленіемъ воли, въ возвращеніи умершихъ къ жизни, въ устрашеніи демоновъ, во власти надъ воздушными волненіями, въ хожденіи по морю, между тѣмъ какъ пучина не дѣлится на двѣ части, и не обнажаетъ дна проходящимъ, подобно тому, что было въ чудотвореніи Моисеевомъ, по поверхность воды сверху обращается въ сушу подъ стопою, и съ надежнымъ упорствомъ поддерживаетъ слѣдъ, въ раздаяніи нищи, какого угодно количества, въ обильныхъ угощеніяхъ среди пустыни, для многихъ тысячъ учреждаемыхъ, которымъ не небо дождитъ манну, не земля, изъ собственного своего естества уготовляя пищу, доставляетъ

удовлетворяющее потребности, но изъ таинственныхъ сокровищницъ Божіей силы исходитъ щедрость, готовый хлѣбъ, воздѣлываемый руками прислуживающихъ и умножаемый насыщеніемъ ядушихъ,—и услажденіе рыбами, не моремъ принесенными на ихъ потребу, но Тѣмъ, Кто и самый родъ рыбъ посѣялъ въ морѣ. И кто опишетъ по порядку одно за другимъ евангельскія чудеса? Сію-то силу усматривая въ Немъ, врагъ видѣлъ, что предлагаемое ему въ обмѣнъ больше того, чѣмъ обладаетъ. Посему Его избираетъ стать цѣною за содержимыхъ подъ стражею смерти. Но врагу невозможно было возрѣть на непокрытый ничѣмъ образъ Божій, не увидѣвъ въ немъ какой либо части той плоти, которую покорилъ уже себѣ грѣхомъ. Поэтому Божество прикрываетъ себя плотію, чтобы врагъ, взирая на знакомое и сродное ему, не ужасался приближенія избыточествующей силы, и примѣтивъ, что сила незамѣтно болѣе и болѣе просіяваетъ въ чудесахъ, призналъ явившееся болѣе вождѣльнымъ, нежели страшнымъ, для себя. Видишь, какъ благодать сопрягается съ справедливостію, и премудрость не отдѣляется отъ нихъ. Примыслить, чтобы Божественная сила содѣлалась доступною по причинѣ тѣлеснаго покрова, и домостроительству о насъ не воспрепятствовалъ страхъ высокаго явленія,—сіе, безъ сомнѣнія, служить доказательствомъ вмѣстѣ и бла-

гости и премудрости и справедливости. Ибо пожелать спасти—есть свидѣтельство благости; содѣлаться же искупительною цѣною за обладаемаго другимъ—показываетъ справедливость, и примышленіемъ недоступное для врага сдѣлать доступнымъ — есть доказательство высочайшей премудрости.

ГЛАВА 24.

Но внимательно слѣдовавшему за порядкомъ сказаннаго естественно спросить, гдѣ же усматривается въ сказанномъ могущество Божества, гдѣ нетлѣніе Божественной силы? Почему, чтобы и это сдѣлалось яснымъ, рассмотримъ послѣдствія таинства, въ которыхъ наипаче оказывается срастворенное съ человѣколюбіемъ могущество. Итакъ вопервыхъ то самое, что всемогущее естество возмогло снизойти до низости человѣчества, служить бѣльшимъ доказательствомъ могущества, нежели великія и сверхъестественныя чудеса. Если Божественною силою совершается что либо великое и высокое,—это какъ-то естественно и послѣдовательно. И нисколько не оказывается страннымъ для слуха, если сказать, что всякая тварь въ мірѣ, и все, что умопредставляется внѣ видимаго, составлены Божественнымъ могуществомъ, осуществлены Божіею волею, какъ ей благоугодно. А снисхожденіе къ уничиженному

есть нѣкій прензбытокъ силы, не встрѣчающей ни малаго препятствія въ преестественномъ. Ибо какъ сущности огня свойственно стремленіе вверхъ, и никто не почитеть достойнымъ удивленія, что съ пламенемъ дѣлается естественно; а если кто увидитъ, что пламень течетъ внизъ, подобно тяжелымъ тѣламъ, то подобное сему вмѣняется въ чудо, какимъ образомъ огонь остается огнемъ, и въ образѣ движенія отступаетъ отъ естества, стремясь внизъ: такъ и Божественное, все превосходящее могущество, не столько показываетъ величіе небесъ, сіяніе свѣтлѣ, благоустройство вселенной, непрестанное домоостроительство существъ, сколько спусхожденіе къ немощи нашего естества. Какъ высокое усматривается въ уничиженномъ, и высота не уничижается? Какъ Божество, соединившись съ человѣческимъ естествомъ, и послѣднимъ дѣлается, и первымъ пребываетъ? Ибо, по сказанному прежде, сопротивная сила не имѣла возможности стать въ общеніе съ явноприсутствующимъ Богомъ и перенести ничѣмъ неприкрытое Его явленіе. Посему, чтобы требующему за насъ выкупа можно было взять оный, Божество сокрылось подъ завѣсою нашего естества, и врагомъ, какъ жадными рыбами, съ приманкою плоти увлечена была уда Божества, а такимъ образомъ, по водвореніи жизни на мѣсто смерти, и по явленіи свѣта на мѣсто тмы, уничто-

жилося представляющееся противоположнымъ свѣту и жизни. Ибо нѣтъ возможности и тмѣ оставаться въ присутствіи свѣта, и быть смерти, когда дѣйствуетъ жизнь. Итакъ вкратцѣ повторивъ весь ходъ таинства, мы совершенно оправдаемъ Божественное домостроительство предъ обвиняющими, за то, что Божество не само собою совершаетъ спасеніе человѣческое. Ибо во всемъ о Божествѣ должны имѣть боголѣпныя понятія, не разумѣть о немъ иное высоко, и не изводить инаго изъ боголѣпнаго достоинства, но вѣровать, что въ разсужденіи Бога непремѣнно имѣетъ мѣсто всякая высокая и благочестная мысль, по связи завися одна отъ другой. Итакъ доказано, что благость, премудрость, справедливость, могущество, недоступность тлѣнію, все открывается въ понятіи домостроительства о насъ. Благость постигается въ произволеніи спасти погибшаго. Премудрость и справедливость показаны въ способѣ нашего спасенія. А могущество видно въ томъ, что сталъ Онъ въ подобіи человѣческомъ, въ уничиженномъ видѣ нашего естества, и смерти подаль о Себѣ надежду, будто бы она въ силахъ, по подобію людей, овладѣть и Имъ; но бывъ въ ея власти совершилъ то, что свойственно Ему по Божеству; свойственно же свѣту уничтоженіе тмы, а жизни истребленіе смерти. Итакъ, велику, совавратившись съ праваго пути, въ са-

момъ началѣ уклонились мы отъ жизни, и вовлечены были въ смерть; то научаемся ли чему невѣроятному изъ тайнства, если постигаютъ оскверненныхъ грѣхомъ чистота, умершихъ жизнь, заблудшихъ путеводство, такъ что и скверна очищается, и заблужденіе исправляется, и умершее возвращается въ жизнь?

ГЛАВА 25.

А что въ естествѣ нашемъ пребывало Божество, сіе не крайне малодушнымъ, наблюдающимъ сущее нимаго не даетъ основанія находить то страннымъ. Ибо кто такой по душѣ младенецъ, который, смотря на вселенную, не вѣритъ, что во всякой вещи есть Божество, проникающее и объемлющее ее и въ ней пребывающее? Ибо все зависитъ отъ Сущаго и ничему невозможно быть, имѣя бытіе не въ Сущемъ. Посему, если все въ Божествѣ, и Оно во всемъ; то чего стыдятся въ домостроительствѣ тайнства научающаго, что среди чловѣковъ пребывалъ Богъ, о Которомъ вѣрують, что Онъ и теперь не внѣ чловѣковъ? Ибо, хотя способъ присутствія Божія въ насъ не одинаковъ съ тѣмъ; однакоже, что Богъ въ насъ, равно признается и внѣ, и тогда. Какъ теперь въ насъ пребываетъ Содержащій естество въ бытіи; такъ тогда вступилъ въ единеніе съ нашимъ, чтобы оно со-

единеніемъ съ Божественнымъ стало Божественно, изъято отъ смерти, избавлено отъ мучительства сопротивника. Ибо Его возвращеніе отъ смерти и для смертнаго рода дѣлается началомъ возвращенія въ жизнь безсмертную.

ГЛАВА 26.

Но иный, можетъ быть, при изслѣдованіи сей справедливости, усматриваемой въ этомъ домостроительствѣ, и премудрости, приходитъ къ мысли, что въ такомъ способѣ примышленъ за насъ Богомъ нѣкій обманъ. Ибо, что Богъ, неузнанный врагомъ, не откровеннымъ Божествомъ, но сокрытымъ подъ естествомъ человѣческимъ, входитъ къ обладающему, сіе нѣкоторымъ образомъ есть нѣкій обманъ и обольщеніе; такъ какъ обманывающимъ свойственно, надежды тѣхъ, противъ кого злоумышляютъ, обращать на одно, а дѣлать не то, чего они надѣялись. Но у кого предъ очами истина, тотъ согласится, что сіе-то всего наиболѣе свойственно справедливости и премудрости. Ибо дѣло справедливости — воздавать каждому по достоинству; а дѣло премудрости, — и не нарушать справедливости, и доброй цѣли челоуѣколюбія не разлучать съ правдивымъ судомъ, но то и другое благонискусно сопрягать между собою, по справедливости воздавая, что чего достойно, а по блакости не

отступая отъ цѣли человѣколюбія. И такъ посмотримъ, не усматриваются ли въ совершившемся оба сіи качества. Ибо воздаяніе по достоинству, которымъ вводится въ обманъ обманщикъ, показываетъ справедливость. А цѣль совершаемаго дѣлается свидѣтельствомъ благости дѣйствующаго. Справедливости свойственно воздавать каждому тѣмъ, чему кто напередъ положилъ начала и причины; какъ и земля воздаетъ плоды по роду вложенныхъ въ нее сѣменъ. А премудрости свойственно въ способѣ воздаянія подобнымъ не отступать отъ лучшаго. Ибо какъ злоумышляющій на жизнь и исцѣляющій подвергшагося злоумышленію одинаково примѣниваютъ къ пицѣ составъ, только одинъ примѣшиваетъ ядъ, а другой врачевство отъ яда, и способъ врачеванія нисколько не вредитъ цѣли благодѣянія; и хотя обоими примѣшивается составъ въ пищу, но обращая вниманіе на цѣль, одного хвалимъ, а на другаго негодуемъ: такъ и здѣсь по закону справедливости обманщикъ воспринимаетъ то, чему сѣмена вложилъ по собственному произволенію; потому что обманувшій человека приманкою удовольствія и самъ обманывается человѣческимъ видомъ. Въ цѣли же содѣланнаго есть перемена къ лучшему. Ибо одинъ употребилъ обманъ къ растлѣнію естества; а справедливый, вмѣстѣ благій и премудрый, измышленіемъ обмана воспользовался къ спасенію

растлѣннаго, благодѣтельствуя тѣмъ не только погибшему, но и самому причинившему нашу гибель. Ибо отъ приближенія смерти къ жизни, тмы къ свѣту, тлѣнія къ нетлѣнію, происходитъ уничтоженіе и превращеніе въ ничто худшаго. польза же для очищаемаго отъ этого. Ибо, какъ по примѣси малоцѣннаго вещества къ золоту, обрабатывающіе его, все чуждое и негодное истребляя обращеніемъ въ пищу огню, драгоцѣннѣйшее вещество снова приводятъ въ естественный ему блескъ; и не безъ труда, правда, совершается сіе отдѣленіе, потому что въ продолженіе нѣкотораго времени потребительною силою огня уничтожается подмѣсь, покрайней мѣрѣ служитъ нѣкимъ уврачеваніемъ золоту истощеніе въ немъ бывшаго въ ущербъ его добротѣ: такимъ точно образомъ, когда смерть, тлѣніе, тма, и ежели есть какое еще порожденіе порока, произникли у изобрѣтателя зла, приближеніе Божественной силы, подобно огню, произведя уничтоженіе противуестественнаго, оказываетъ естеству благодѣяніе нетлѣніемъ, хотя и трудно сіе раздѣленіе. Поэтому и самому противнику, если бы восчувствовалъ онъ благодѣяніе, не показалось бы сомнительнымъ, что совершенное справедливо и спасительно. Какъ нынѣ тѣ, кому во время леченій дѣлаютъ порѣзы и прижиганія, негодуютъ на врачей, мучимые болью отъ рѣзанія; но, если отъ сего выздо-

равливаютъ, и болѣзненное ощущение прижиганія пройдетъ, то принесутъ благодареніе совершившимъ надъ ними сіе врачеваніе; такимъ точно образомъ, когда по истеченіи долгаго времени изъято будетъ изъ естества зло, нынѣ къ нимъ примѣшанное и сроднившееся съ ними, поелику совершится возстановленіе пребывающихъ нынѣ во злѣ въ первоначальное состояніе, единогласное воздастся благодареніе всей твари, и всѣхъ претерпѣвшихъ мученіе при очищеніи, и даже неимѣвшихъ нужды въ началѣ очищенія. Сіе и подобное сему преподаетъ великое таинство Божія вочеловѣченія. Ибо тѣмъ самымъ, что пріобщился челоуѣчеству, пріявъ на себя все свойственное естеству, рожденіе, воспитаніе, возрастаніе, и дошедши даже до испытанія смерти, совершилъ Онъ все сказанное прежде, и челоуѣка освободя отъ порока и врачуя самаго изобрѣтателя порока. Ибо очищеніе болѣзни, хотя оно и трудно, есть врачеваніе недуга.

ГЛАВА 27.

А вступившему въ единеніе съ естествомъ нашимъ, конечно, слѣдовало во всѣхъ его свойствахъ принять общеніе съ нами. Ибо какъ смывающіе нечистоту съ одежды не дѣлаютъ такъ, чтобы иныя пятна оставить, а другія свести, по всю ткань съ одного конца до дру-

гаго очищаютъ отъ загрязненія, чтобы одежда стала одинаковой цѣны во всѣхъ частяхъ своихъ, отъ мытья получивъ равную чистоту; такъ, поелику жизнь человѣческая осквернена грѣхомъ въ началѣ и концѣ и во всѣхъ среднихъ частяхъ, то омывающая сила должна коснуться всего, и не дѣлать такъ, чтобы одно не уврачевано было очищеніемъ, а другое оставлено безъ уврачеванія. Посему-то, такъ какъ жизнь наша двумя предѣлами отдѣлена и здѣсь и тамъ, разумію начало и конецъ; то на обонхъ предѣлахъ оказывается исправительная для естества сила и начала коснувшееся, и до конца простершее свое дѣйствіе, и объявшае все, что въ срединѣ между началомъ и концемъ. А какъ входъ въ жизнь сію для всѣхъ людей одинъ, то приходящему къ намъ откуда должно переселяться въ эту жизнь? Съ неба, можетъ быть, скажетъ гнушающійся человѣческимъ бытіемъ, какъ чѣмъ-то срамнымъ и безславнымъ. Но человѣчество не было на небѣ; никакой болѣзни грѣха не поселялось въ премірной жизни. А Вступившій въ единеніе съ человѣкомъ съ цѣлію пользы совершилъ сіе единеніе. Посему, гдѣ не было зла, и не жили человѣческою жизнью, почему кто потребуеть, чтобы тамъ облекся Богъ въ человѣка, лучше же сказать и не въ человѣка, а въ какой-то кумирь и подобіе человѣка?

Но какое было бы поправленіе нашему есте-

ству, если бы, когда болѣзнуеть земное живое существо, Божественное посѣщеніе приняло какое либо существо другое, небесное? Ибо невозможно исцѣлѣть больному, если не принялъ уврачеванія собственно страждущаго члена. Посему, если бы больное было на землѣ, Божественная же сила не коснулась больного, имѣя въ виду приличное для себя, то бесполезенъ былъ бы для человѣка трудъ Божественной силы надъ тѣмъ, что не имѣетъ ничего общаго съ нами. Ибо Божеству равно неприлично (если вообще позволительно подъ неприличнымъ разумѣть что иное, кромѣ порока), и безславіе небольшое уменьшается, по крайней мѣрѣ для поставляющаго по малоумію Божественное величіе въ томъ, чтобы не допустить общенія съ свойствами нашего естества, если облечется Божество тѣломъ небеснымъ, а не земнымъ. Ибо предъ Всевышнимъ и Неприступнымъ, по высотѣ естества, вся тварь равно отстоитъ отъ Него долу, и все равнозначительно ниже Его. Совершенно неприступное не то, что для инаго приступно, а другой приблизиться къ тому не можетъ, напротивъ того Оно равно выше всѣхъ существъ. Поэтому земля не далѣе по достоинству, и небо не ближе, и существа, обитающія въ каждой стихіи, въ семъ отношеніи не разнятся между собою, такъ что одни касаются недоступнаго естества, а другія отдѣльны отъ Него;

развѣ предположимъ, что обладающая всѣмъ сила не равно проникаетъ всѣ существа, но въ иныхъ преизбыточествуетъ, а въ другихъ она недостаточна; и въ слѣдствіе сего кажется, что Божество, по разности въ большемъ и меньшемъ, высшемъ и низшемъ, сложно, само съ собою несходно, если только по естеству представляемо будетъ отъ насъ далекимъ, а къ кому нибудь другому близкимъ, и по близости сдѣлается удобопостижимымъ. Но истинное ученіе ни долу, ни горѣ, не видитъ ничего для сравненія съ высокимъ достоинствомъ; потому что все въ равной мѣрѣ ниже силы всѣмъ управляющей, такъ что если земное естество почтутъ недостойнымъ единенія съ Божествомъ, то не найдется никакого другаго имѣющаго это достоинство. Если же все въ равной мѣрѣ лишено сего достоинства, то Богу прилично благодѣтельствовать имѣющему въ томъ нужду. Итакъ исповѣдуя, что врачующая сила явилась тамъ, гдѣ была болѣзнь, увѣровали ли мы во что чуждое боголѣнному понятію?

ГЛАВА 28.

Но смѣются надъ естествомъ нашимъ и позорятъ способъ нашего рожденія, а чрезъ это думаютъ сдѣлать смѣшнымъ таинство, какъ будто неприлично для Бога такимъ путемъ

войдти въ общеніе съ человѣческою жизнью. Но о семъ говорено уже было прежде сего, а именно, что одно только гнусно по естеству своему — зло, и ежели еще что состоитъ въ свойствѣ съ порокомъ. А порядокъ естества, установленный Божиимъ изволеніемъ и закономъ, далекъ отъ укоризны въ порокъ. Иначе обвиненіе падеть на Создателя естества, если и естество укорено будетъ въ чемъ либо гнусномъ и неприличномъ. Итакъ, если Божество чуждо одного порока, а порокъ по естеству не существуетъ, таинство же скажетъ, что Богъ былъ въ человѣкѣ, а не въ порокѣ; и если путь для человѣка въ міръ, которымъ раждаемое вступаетъ въ жизнь, одинъ; то по какому же закону для Бога постановляютъ другой способъ вступленія въ жизнь, хотя признаютъ вѣрнымъ, что изнемогшее въ порокѣ естество посѣщено Божественною силою, но съ неудовольствіемъ взираютъ на способъ посѣщенія, по незнанію, что всякое устройство тѣла само по себѣ имѣетъ равную цѣну, и ничто содѣйствующее въ немъ поддержанію жизни не заслуживаетъ оужденія, какъ что либо печестное, или дурное? Ибо все устройство органическихъ членовъ направлено къ одной цѣли: цѣль же сія, — человѣку пребывать въ жизни. Посему, какъ прочіе органы поддерживаютъ въ человѣкѣ настоящую жизнь, будучи раздѣлены каждый для особаго дѣй-

ствованія, и ими въ порядкѣ содержатся чувствующая и дѣятельная силы; такъ родотворные органы имѣютъ промышленіе о будущемъ, вводя собою преемство естеству. Посему, если будешь смотрѣть на пользу, то послѣ котораго изъ признаваемыхъ благородными будутъ они вторыми, и котораго по справедливости не могутъ быть признаны предпочтительнѣйшими? Ибо не глазомъ, не слухомъ, не языкомъ, не другимъ какимъ чувственнымъ органомъ непрерывно продолжается родъ нашъ; все это, какъ сказано, служитъ для настоящаго употребленія; а въ тѣхъ органахъ соблюдается челоуѣчеству безсмертіе, такъ что смерть, всегда противъ насъ дѣйствующая, нѣкоторымъ образомъ бездѣйственна и безуспѣшна, потому что природа возобновляетъ себя, вознаграждая недостатокъ рождающимися. Итакъ что же неприличное содержитъ въ себѣ наше таинство, если Богъ вступилъ въ единеніе съ челоуѣческой жизнью посредствомъ того, чѣмъ естество борется съ смертію?

ГЛАВА 29.

Но оставляя это, покушаются опять другимъ опорочить ученіе, и говорятъ: если содѣланное Богомъ прекрасно и боголѣпно, то для чего замедлялъ благодѣяніе? Почему, хотя порокъ былъ изъ начала, не пресѣкъ его возрастанія

въ большую мѣру? На это у насъ краткое слово, что замедленіе благодѣянія намъ было дѣломъ премудрости и промышленія о полезномъ для естества. Ибо и въ тѣлесныхъ болѣзняхъ, когда какой нибудь испорченный сокъ проникнетъ въ скважины тѣла; пока не обнаружится на поверхности все, что противуестественно вошло внутрь, искусно слѣдующіе за ходомъ болѣзней не даютъ врачевствъ сжимающихъ тѣло, но ждутъ, чтобы все кроющееся внутри вышло наружу, и тогда уже противъ обнаруженной болѣзни употребляютъ врачевство. Итакъ послѣ того, какъ болѣзнь грѣховная однажды уязвила естество человѣчества, общій всѣхъ Врачъ ожидалъ, чтобы никакого вида лукавства не осталось сокрытымъ въ естествѣ. Поэтому не тотчасъ послѣ Каиновой зависти и братоубійства начинается врачеваніе человѣка; потому что не сталъ еще видимъ порокъ растлившихся при Ноѣ, и не обнаружилась и жестокая болѣзнь содомскаго беззаконія, и богоборство египтяць, и гордыня ассиріянь, и незаконное Иродово дѣтоубійство, и все другое упоминаемое исторіею, и что внѣ исторіи сдѣлано въ послѣдующихъ родахъ, когда корень зла многообразно прозябъ въ человѣческихъ произволеніяхъ. Итакъ, велику порокъ достигъ самой высшей мѣры, не было уже ни одного вида лукавства, на которое бы не отважились люди; то, чтобы вра-

чеваніе дѣйствовало на всякій недугъ, врачуетъ поэтому, не начинающуюся, но въ полную силу пришедшую, болѣзнь.

ГЛАВА 30.

Если же кто думаетъ уличить наше ученіе тѣмъ, что и по употребленіи врачеванія жизнь человѣческая оскверняется еще грѣхами; то пусть путеводитъ его къ истинѣ одно изъ знакомыхъ ему подобій. Какъ у змѣи, если получить смертельный ударъ въ голову, не тотчасъ вмѣстѣ съ головою умираетъ влачимаая сзади часть тѣла; но хотя голова мертва, однакоже хвостъ одушевленъ еще собственною своею раздражительностію, и не лишается жизненной силы; такъ можно видѣть, что и порокъ, пораженный смертельнымъ ударомъ, тревожитъ еще жизнь своими остатками. Но переставъ и за сіе порицать ученіе таинства, ставятъ ему въ вину то, что не всѣхъ людей проникаетъ вѣра. И говорятъ: почему благодать простерлась не на всѣхъ, напротивъ того иные приступили къ ученію, не малая же часть остается неприступившею, безъ сомнѣнія, потому, что Богъ или не хотѣлъ, или не могъ, чтобы благодѣяніе для всѣхъ было щедро? А то и другое не освобождаетъ отъ порицанія. Ибо неприлично Богу и не хотѣть, и не быть въ силахъ, дѣлать добро. Посему, если вѣра есть

нѣчто доброе; то почему, спрашиваютъ, благодать не на всѣхъ. Итакъ если бы и нами въ словѣ было утверждаемо это, что вѣра по Божію изволенію дается въ удѣлѣ людямъ, и одни призываются, а другіе не имѣютъ части въ призваніи; тогда кстати было бы взводить такое обвиненіе на таинство. Если же призваніе для всѣхъ равноцѣнно, не различаетъ ни достоинствъ, ни возрастовъ, ни разности по народамъ (ибо для сего при самомъ началѣ проповѣди служители слова по вдохновенію Божію вдругъ содѣлались единопзычными со всѣми народами, такъ что никто не лишенъ былъ возможности участвовать въ благахъ); то основательно ли обвиняютъ еще Бога въ томъ, что не всѣми возобладало слово? Ибо имѣющій власть надъ вселенною, по преизбытку чести удѣленной человѣку, предоставилъ иному и въ нашей быти власти, и надъ этимъ каждый самъ единственный господинъ. А это есть произволеніе, нѣчто не рабственное, но самовластное, состоящее въ свободѣ мысли. Итакъ подобное обвиненіе справедливѣе возложить на тѣхъ, которые не были приведены къ вѣрѣ, а не на призывавшаго къ согласію. Ибо когда Петръ въ началѣ проповѣдывалъ слово въ многолюдномъ собраніи іудеевъ, и въ одинъ разъ три тысячи приняли вѣру, неувѣровавшихъ было больше, нежели увѣровавшихъ, Апостола не порицали за неувѣровавшихъ. Ибо,

при общемъ предложеніи благодати, отвергшемуся ея добровольно несправедливо было обвинять въ этомъ злосчастіи не себя, а другаго.

ГЛАВА 31.

Но не имѣютъ недостатка къ хитромъ возраженіи и на подобное сему. Ибо говорятъ: Богъ, если бы хотѣлъ, могъ и упорно противящихся принужденно привлечь къ принятію проповѣди. Но гдѣ будетъ ихъ свобода? Гдѣ похвала преслѣвающимъ? Однихъ неодушевленныхъ и безсловесныхъ можно чужою волею приводить, къ чему угодно; словесное же и разумное естество, если перестало дѣйствовать свободно, утратило вмѣстѣ и даръ разумности. Ибо на что будетъ употреблять разумъ, если власть избирать, что заблагоразсудится, лежитъ на другомъ? Если же произволеніе остается недѣйственнымъ, то по необходимости уничтожается добродѣтель, встрѣтившая себѣ препятствіе въ неподвижности произволенія. Если же нѣтъ добродѣтели; то жизнь теряетъ цѣну, умъ уступаетъ мѣсто судьбѣ, отъемлетъ похвала у преслѣвующихъ, грѣхъ неспособимъ, различіе въ жизни не опредѣлено. Ибо кто еще будетъ въ правѣ охуждать невоздержнаго, или хвалить цѣломудреннаго, когда у всякаго готовъ этотъ отвѣтъ: изъ всего, что бываетъ съ нами, ничто не въ нашей

волѣ, но человѣческія произволенія могущественнѣйшимъ владычествомъ приводятся къ тому, что угодно обладающему. И такъ не благи Божіей вина, что не во всѣхъ бываетъ вѣра, но расположенія принимающихъ проповѣдь.

ГЛАВА 32.

Что еще сверхъ этого произносятъ возражающіе? То наипаче, что высочайшему естеству вовсе не должно было доходить до испытанія смерти, но и безъ этого по преизбытку силы было можно съ удобствомъ совершить, что угодно. А если и непременно сіе требовалось, по какой-то таинственной причинѣ, то не слѣдовало подвергаться позору безчестнаго образа смерти. Ибо какая смерть, говорятъ, была бы безчестнѣе крестной? — Посему что же скажемъ и на сіе? То, что смерть необходимо дѣлаетъ рожденіе. Ибо Кто однажды призналъ себя причастнымъ человѣчеству, Тому должно было принять на себя все отличительныя свойства естества. Посему, такъ какъ жизнь человѣческая отличена двумя предѣлами, и еслибы переступившій одинъ предѣлъ не коснулся послѣдующаго за нимъ, намѣреніе осталось бы совершеннымъ въ половину, потому что не коснулся другаго отличительнаго свойства въ естествѣ нашемъ. Но, можетъ быть,

иный, точиѣе изучивъ таинство, съ большимъ правомъ скажетъ, что не по причинѣ рожденія послѣдовала смерть, напротивъ того наоборотъ ради смерти принято рожденіе. Ибо Присноживущій принимаетъ на себя тѣлесное рожденіе, не въ жизни имѣя нужду, но насъ возвращая отъ смерти къ жизни. Итакъ, поелику должно было совершиться возвращеніе отъ смерти цѣлаго естества нашего; то, какъ бы къ лежащему простирая руку и для сего припикнувъ къ нашему трупу, на столько приблизился къ смерти, что коснулся омертвѣнія и собственнымъ Своимъ тѣломъ даетъ естеству начало воскресенія, силою Своею совозставивъ цѣлаго человѣка. Поелику не отъинуда, но изъ нашего смѣшенія была богоприемная плоть, въ воскресеніе превознесенная вмѣстѣ съ Божествомъ; то, какъ въ нашемъ тѣлѣ дѣйственность одного изъ чувственныхъ органовъ приводитъ въ сочувствіе все соединенное съ симъ членомъ; такъ, поелику все естество есть какъ бы одно нѣкое живое существо; воскресеніе части распространяется на все, по непрерывности и единенію естества, будучи передаваемо отъ части цѣлому. Посему, что невѣроятнаго дознаемъ изъ таинства, если стоящій склоняется къ падшему, чтобы возставить лежащаго? О крестѣ же, не заключаетъ ли онъ въ себѣ другаго какого болѣе глубокаго понятія, пусть доведываются испытатели сокро-

веннаго. А какое дошло до насъ по преданію, состоитъ въ слѣдующемъ. Поеліку въ Евангеліи говорится и дѣлается все согласно съ высшею и божественною жизнію, и нѣтъ ничего такого, въ чемъ не оказывалось бы непременно нѣкое примѣшеніе Божественнаго къ человѣческому, и когда слово или дѣло производится по человѣчески, разумѣемое въ сокровенномъ смыслѣ указываетъ на Божество; то и въ этомъ отношеніи послѣдовательно будетъ не то, чтобы на одно обращать вниманіе и опускать изъ виду другое, но то, чтобы, какъ въ безсмертномъ усматривать человѣческое, такъ въ человѣкѣ доводиться Божественнаго. Ибо, такъ какъ Божеству свойственно проникать все, и сраспростираться съ естествомъ существъ во всякой части; (ничто не можетъ пребывать въ бытіи, не пребывая въ сущемъ, — собственно же и первоначально сущее есть Божіе естество, о которомъ по необходимости принуждаетъ вѣрить, что Оно во всѣхъ существахъ, самое пребываніе существъ:) то отъ креста, по наружному своему виду раздѣленнаго четырехчастно, такъ что отъ середины, въ которой сопрягается онъ самъ съ собою, счисляются четыре отрога, научаемся тому, что во время смертнаго домостроительства на немъ распростертъ быль Тотъ, Кто все связуетъ и сообразуетъ съ Собою, различныя естества существъ приводя Собою въ единое

согласіе и въ стройность. Ибо въ существахъ представляется иное или вверху, или внизу, или мысль идетъ къ тому, что на стороннихъ предѣлахъ.

Поэтому обозримъ ли умомъ составъ или небесныхъ, или подземныхъ, или по обѣ стороны вселенной предѣловъ, повсюду помыслу нашему встрѣчается Божество, одно созерцаемое въ существахъ, во всякой ихъ части и содержащее все въ бытіи. Но естество сіе надобно ли наименовать Божествомъ, или Словомъ, или Могуществомъ, или Премудростию, или другимъ чѣмъ высокимъ и наиболѣе способнымъ показать подлежащее, ученіе наше нимаго не споритъ о словѣ, или имени, или образѣ рѣчи. Итакъ, поелику вся тварь къ Нему обращаетъ взоръ, вокругъ Него состоитъ и чрезъ Него дѣлается сама съ собою связною, потому что Имъ связуется горнее съ дольнимъ, и что по сторонамъ, другъ съ другомъ; то должно было не слухомъ только руководиться намъ къ уразумѣнію Божества, но и зрѣніе содѣлать учителемъ высшихъ понятій, чѣмъ подвигшись и великій Павелъ тайноводствуетъ народъ ефесскій, ученіемъ вложивъ въ нихъ силу познать, *что есть глубина и высота и широта и долгота* (Ефес. 3, 18). Ибо каждый отрогъ креста именуется собственнымъ его именемъ, высотой называя, что вверху, глубиною, что внизу, а широтою и долготою

поперечныя протяженія. А въ другомъ мѣстѣ подобное понятіе ясиѣ, какъ думаю, представляетъ Филиппійцамъ, которымъ говоритъ, что *о илени* Иисуса Христа *всяко колѣно поклонится небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ* (Фил. 2, 10). Здѣсь подъ однимъ объемлетъ названіемъ среднее и земное, наименовавъ земнымъ все, что въ срединѣ между небеснымъ и преисподнимъ. Вотъ что дознали мы о таинствѣ креста. А что послѣ сего по порядку содержитъ въ себѣ ученіе, то таково, что и невѣрныя не признаютъ въ этомъ ничего чуждаго боголѣпному понятію. Ибо то, что не остался во владычествѣ смерти, что язвы, произведенныя на тѣлѣ желѣзомъ, не сдѣлались ни малымъ препятствіемъ къ воскресенію, что свободно является ученикамъ по воскресеніи, когда хочетъ; пребываетъ съ ними, будучи невидимымъ, становится посреди, не имѣя нужды входить дверями, укрѣпляетъ учениковъ дуновеніемъ духа, общается быть съ ними, никакою не остѣвняться средою, видимымъ образомъ восходить на небо, а духовно пребываетъ повсюду, и что еще подобнаго сему содержитъ въ себѣ исторія, нимаю не имѣеть нужды въ пособіи умозаключеній для доказательства, что это Божественно, и есть дѣло высочайшей и все преобладающей силы. О семъ, думаю, не должно и говорить подробно, потому что ученіе само по себѣ пока-

зываетъ преестественность. Но какъ нѣкото-
рую часть таинственныхъ ученій составляетъ
и домостроительство купѣли (угодно ли кому
будетъ наименовать это крещеніемъ, или про-
свѣщеніемъ, или накибытіемъ, спорить объ
имени не станемъ); то хорошо сказать кратко
и о семъ.

ГЛАВА 33.

Когда услышать отъ насъ подобное слѣдую-
щему: ноелику мертвенное переходитъ къ жиз-
ни, то слѣдовало, чтобы вмѣсто перваго рож-
денія, вводящаго въ жизнь смертную, изобре-
тено было другое рожденіе, не растлѣніемъ
начинающееся и не истлѣніемъ оканчиваю-
щееся, но вводящее рожденнаго въ жизнь
безсмертную (ибо какъ отъ смертнаго рож-
денія и раждаемое по необходимости смертно;
такъ раждаемое рожденіемъ недопускающимъ
растлѣнія не подлежитъ истлѣнію смерти);
когда услышать сіе и подобное сему, и
узнають предварительно способъ, а именно,
что молитва къ Богу, призваніе небесной бла-
годати, вода, вѣра пужны къ совершенію таин-
ства возрожденія; тогда, взирая на видимое,
затрудняются вѣрить, находя, что совершае-
мое тѣлесно не соотвѣтствуетъ обѣтованію.
Почему, говорятъ, молитва и призваніе Боже-
ственной силы, совершаемое надъ водою, дѣ-

лаются главною причиною жизни для посвящаемыхъ?—Для нихъ, если не крайне упорны, чтобы довести ихъ до соглашенія на сей догматъ, достаточно простаго слова. Ибо спрошу: поелику всякому извѣстенъ способъ плотскаго рожденія, то какъ дѣлается человѣкомъ, что полагается въ основаніе составу живаго существа? Но объ этомъ невозможно сказать ничего такого, что по какому либо умозаключенію нашло бы себѣ вѣроятность. Ибо что общаго у человѣческаго сѣмени съ качествомъ усматриваемымъ въ человѣкѣ? Вполнѣ сложившійся человѣкъ есть существо словесное и смысловое, одаренное умомъ и знаніемъ; а сѣмя отличается какимъ-то влажнымъ качествомъ, и понятіе о немъ не заключаетъ въ себѣ ничего болѣе усматриваемаго чувствомъ. Посему какой, вѣроятно, отвѣтъ сдѣлаютъ намъ спрошенные, какъ повѣрить, что человѣкъ образовался изъ сѣмени; такіи мы дадимъ спрашивающимъ о возрожденіи, совершаемомъ водою. Ибо и тамъ всякій спрошенный прежде всего можетъ сказать, что человѣкъ образуется Божественною силою, безъ присутствія которой сѣмя осталось бы неподвижнымъ и бездѣйственнымъ. Итакъ, если тамъ не подлежащее производить человѣка, но Божественная сила въ естество человѣческое претворяетъ видимое; то крайняя будетъ непризнательность, тамъ свидѣтельствуя о столь великой силѣ въ

Богъ, думать, что въ этомъ дѣлѣ Божество безусловно исполнить Свою волю. Говорять: что общаго между водою и жизнью? Что же общаго, спросимъ и мы, между влажностію и Божиимъ образомъ? Но тамъ нимаго нестранно, если по волѣ Божіей влага превращается въ благороднѣйшее живое существо. Равнымъ образомъ и объ этомъ скажемъ: ничего нѣтъ удивительнаго, если присутствіемъ Божественной силы рожденное въ тлѣнномъ естествѣ преобразуется въ нетлѣніе.

ГЛАВА 34.

Но требуютъ доказательства, что призываемое Божество присутствуетъ при совершаемыхъ освященіяхъ. Требующій этого пусть снова прочтетъ изслѣдованное прежде сего. Ибо доводъ, что дѣйствительно Божественна сила, явившаяся намъ во плоти, служить подтвержденіемъ настоящаго ученія. Если доказано, что Явившійся во плоти, показавшій Свое естество чудесами совершеннаго Имъ, есть Богъ: то доказано вмѣстѣ и то, что во все время призыванія пребываетъ Онъ при совершаемомъ. Какъ у каждаго существа есть нѣкая особенность, знакомящая съ естествомъ; такъ особое свойство Божественнаго естества есть истина. Но Богъ обѣтовалъ всегда оставаться соприсущимъ съ призывающими Его, быть

среди вѣрующихъ, во всѣхъ пребывать и со-
 присутствовать съ каждымъ: а посему въ дру-
 гомъ доказательствѣ о присутствіи Божіемъ
 при совершаемомъ не имѣемъ нужды, какъ са-
 мыми чудесами увѣрившись, что Богъ есть,
 такъ несомнѣваясь, что, по неживости обѣ-
 тованія, обѣтованное исполняется. А что мо-
 литвенное призываніе предшествуетъ въ Бо-
 жественномъ домостроительствѣ, это служить
 нѣкимъ избыткомъ въ доказательствѣ, что со-
 вершаемое приводится въ исполненіе Богомъ.
 Ибо если и при другомъ способѣ произведе-
 нія на свѣтъ людей, стремленія раждающихъ,
 хотя бы ими и не было въ молитвѣ призы-
 ваемо Божество, какъ сказано выше, раждае-
 мое производятъ Божією силой, по удаленіи
 которой усиліе ихъ недѣйственно и бесполез-
 но; то кольми паче при духовномъ способѣ
 рожденія, гдѣ Богъ, какъ вѣруемъ, обѣтоваль
 присутствовать при совершаемомъ, и дѣлу Свою
 придасть силу, и гдѣ наше произволеніе имѣетъ
 стремленіе къ вождѣлѣваемому, если накле-
 жаннымъ образомъ присовокунится пособіе мо-
 литвы, -- предпріемлемое совершится болѣе бла-
 гоуспѣшно. Но какъ молящіеся Богу, чтобы
 возсіяло имъ солнце, нимаю не замедляютъ
 симъ того, что непременно должно быть, и
 никто не скажетъ, что бесполезно усердіе мо-
 лящихся, если просятъ Бога о томъ, что не-
 премѣнно будетъ: такъ и вѣрующіе, что по

неложному обѣтованію Возвѣстившаго, благодать непремѣнно присуща возраждаемымъ посредствомъ сего таинственнаго домостроительства, или приобрѣтають приращеніе нѣкое благодати, или не отвращаютъ отъ себя той, какая уже есть. Что Богъ непремѣнно соприсущъ, увѣряетъ въ семъ то, что обѣтовавшій есть Богъ; а свидѣтельствомъ Божества суть чудеса; посему нѣтъ никакого сомнѣнія, что Богъ присущъ во всемъ.

ГЛАВА 35.

Схожденіе же въ воду и троекратное пребываніе въ ней человѣка заключаетъ въ себѣ другое таинство. Поелику способъ спасенія нашего содѣлался дѣйствительнымъ, не столько въ слѣдствіе преподаннаго предписанія, сколько отъ того самаго, что содѣлалъ Вступившій въ общеніе съ человѣкомъ, самымъ дѣломъ совершивъ жизнь, чтобы воспріятою Имъ и обоженною плотію спасено было все ей сродственное и съ нею однородное: то необходимо стало примыслить нѣкій способъ, въ которомъ было бы нѣкое сродство и подобіе въ происходящемъ между послѣдующимъ и предшествующимъ. Посему надобно видѣть, въ чемъ оказывается дѣйствующимъ Началовождь жизни нашей, чтобы, какъ говоритъ Апостоль, по Начальнику (Евр. 12, 2) спасенія нашего,

благоуспѣвало подражаніе въ послѣдующихъ. Какъ учащіеся стройному въ вооруженіи движенію, по примѣчаемому ими у обучившихся военнымъ порядкамъ, достигаютъ воинской опытности; а кто не выполняетъ на дѣлѣ того, что ему прежде показано, тотъ остается неприобрѣтшимъ таковой опытности: такимъ же образомъ и при равной тщательности о добрѣ непременно одинаково необходимо послѣдовать и подражать Началовождю нашего спасенія, приводя въ дѣйствіе, что Имъ прежде было показано. Ибо невозможно направить къ равному предѣлу идущихъ неодинаковыми путями. Какъ затрудняющіеся проходить по извилинамъ лабиринтовъ, если встрѣтятъ кого опытнаго въ этомъ, слѣдуя позади его, проходятъ по разнообразнымъ и обманчивымъ взворотамъ зданій, гдѣ не пройти бы, если бы шли не по слѣдамъ ведущаго: такъ разумѣй, что и лабиринтъ этой жизни неисходенъ для естества человѣческаго, если не будетъ кто держаться того же пути, которымъ Бывшій въ семь лабиринтѣ поставилъ Себѣ внѣ его ограды. Лабиринтомъ же называю иносказательно неисходное тлѣніе смерти, въ которомъ заключенъ жалкій родъ человѣческой. Что же видѣли мы въ Начальникѣ спасенія? Триневную мертвость и снова жизнь. Слѣдовательно надлежало, чтобы и въ насъ примышлено было нѣкое такое же подобіе. Посему

какое же это примышленіе, которымъ и въ насъ исполняется подражаніе совершенному Нимъ? Все умершее имѣетъ для себя свое собственное и естественное мѣсто — землю, на которую склоняется, и въ которой бываетъ сокрыто. Но великое между собою сродство имѣютъ земля и вода, единственные изъ стихій, которыя тяжелы, стремятся внизъ, одна въ другой пребываютъ, и одна другою удерживаются. Посему, такъ какъ смерть Началовождя нашей жизни сопровождалась подземнымъ погребеніемъ, и произошла по общему закону естества; то подражаніе смерти, совершаемое нами, изображается въ ближайшей къ землѣ стихіи. И какъ оный Человѣкъ свыше, воспріавъ на Себя мертвость вмѣстѣ съ подземнымъ положеніемъ, тридневнымъ возшелъ опять къ жизни: такъ и всякій, кто въ единеніи съ Нимъ по естеству тѣла, имѣя въ виду преусиѣть въ томъ же, то есть достигнуть этаго предѣла жизни, — вмѣсто земли наливая воду и погружаясь въ этой стихіи, троекратнымъ повтореніемъ подражаетъ тридневной благодати воскресенія.

Но подобное сему говорено было и прежде, а именно, что по домостроительству промысломъ Божиимъ на естество человѣческое наслана смерть, чтобы, по очищеніи отъ порока во время разрѣшенія тѣла и души, человѣкъ снова воскресеніемъ воссозданъ былъ здра-

вымъ. безстрастнымъ, чистымъ и чуждымъ всякой примѣси порока. Но въ Началовождѣ нашего спасенія домоостроительство воспринятой смерти возымѣло окончательное совершенство, вполнѣ приведенное въ исполненіе по особой цѣли; ибо смертію разъединено соединенное, и снова сведено во едино раздѣленное, чтобы. по очищеніи естества разложеніемъ бывшаго въ единеніи, — разумѣю душу и тѣло, возвращеніе разрѣшеннаго въ одинъ оцять составъ сдѣлалось чистымъ отъ чуждой примѣси. А какъ въ послѣдующихъ Началовождю естество ихъ не вмѣщаетъ въ себѣ точнаго подражанія во всемъ, но пріавъ въ себя нынѣ, сколько возможно, прочее предоставляетъ послѣдующему за сямъ времени; то чему же здѣсь подражаніе? Тому, что въ образѣ умерщвленія, представляемомъ посредствомъ воды, производится уничтоженіе примѣшавшагося порока, правда, не совершенное уничтоженіе, но нѣкоторое пресѣченіе непрерывности зла, при стеченіи двухъ пособій къ истребленію злаго, покаянія согрѣшившаго и подражанія смерти, — которыми человекъ отрѣшается нѣсколько отъ союза съ зломъ, покаяніемъ будучи приведенъ въ ненавидѣніе порока и въ отчужденіе отъ него, а смертію производя уничтоженіе зла. А если бы подражающему возможно было принять на себя совершенную смерть; то сдѣланное имъ было

бы не подражаніемъ, а отождествленіемъ, и зло уничтожилось бы въ цѣлости естества нашего, такъ что, какъ говоритъ Апостоль, человекъ однажды на всегда умеръ бы грѣху (Рим. 6, 2.). Но какъ, по сказанному, въ такой мѣрѣ подражаемъ высочайшей силѣ, въ какой вмѣщаетъ сіе нищета нашего естества; то, трижды возливая на себя воду, и снова восходя отъ воды, подражаемъ спасительному погребенію и воскресенію, совершившемуся въ трехдневный срокъ, представивъ въ мысли то, что, какъ въ нашей власти, вода, и пребываніе въ водѣ, и изникновеніе изъ нея: такъ во власти Того, Кто владычествуетъ надъ вселенною, было, погрузившись въ смерть, какъ мы въ воду, снова войти въ собственное Свое блаженство.

Посему, если кто приметъ во вниманіе, что болѣе согласно съ разумомъ, если будетъ судить о совершаемомъ по силѣ каждаго, то не найдетъ никакого разногласія въ совершаемомъ тѣмъ и другимъ, сколько возможно, по мѣрѣ естества. Ибо, какъ человекъ, если захочетъ, можетъ безопасно прикасаться къ водѣ; такъ Божественной силѣ въ безконечное число кратъ легче смерть и то, чтобы принять ее, и не подвергнуться страданію. Посему-то необходимо намъ въ водѣ предусматривать мысленно благодать воскресенія, и чрезъ это познавать, что равно для насъ удобно и креститься въ

водѣ и снова воспринуть отъ смерти. Но какъ въ дѣлахъ житейскихъ одно главнѣе другаго, и хотя дѣло не было бы успѣшно безъ сего другаго, однакоже, если кто начало сравниваетъ съ концемъ, то сравниваемое съ концемъ начало дѣла покажется ничѣмъ (ибо чтó равнаго—человѣкъ и полагаемое въ составъ сего живаго существа? однакоже, если нѣтъ послѣдняго, не произойдетъ и первое); такъ и то, чтó въ великомъ воскресеніи по естеству важнѣе, здѣсь имѣетъ свои начала и причины; ибо невозможно совершиться тому, если бы не предшествовало это. Невозможно же, говорю, человѣку безъ возрожденія въ банѣ крещенія достигнуть воскресенія, имѣя въ виду не просто возрожденіе и претвореніе нашего естества (ибо къ сему, безъ сомнѣнія, должно идти естество по домостроительству Учредившаго, побуждаемое даже и собственными нуждами, хотя человѣкъ получить благодать въ банѣ крещенія, или останется и непричастнымъ сего освященія), но возстановленіе въ состояніе блаженное, божественное и далекое отъ всякихъ печалей. Ибо не все, чтó воскресеніемъ снова возвращается въ бытіе, входитъ въ ту же жизнь; но великая среда между очистившимися и имѣющими нужду въ очищеніи. Для кого въ этой жизни предшествовало очищеніе банею крещенія, тѣмъ будетъ исходъ къ сродному; а чистому усвоится

безстрастіе; и что въ безстрастіи блаженство, — сіе несомнѣнно. Но въ комъ загрубѣли страсти, и не произведено никакого очищенія скверны, ни таинственною водою, ни призываніемъ Божественной силы, ни исправленіемъ посредствомъ покаянія: тѣмъ по всей необходимости должно быть въ приличномъ сему состояніи. А поддѣльному золоту прилично горнцо, чтобы, по истребленіи примѣси къ нимъ порока, въ послѣдствіи долгіе вѣка естество ихъ сохранялось чистымъ предъ Богомъ. Посему, такъ какъ въ огнѣ и въ водѣ есть пѣкая очистительная сила; то таинственною водою омытые отъ скверны зла не имѣютъ нужды въ иномъ родѣ очищеній; а непосвященные сямъ очищеніемъ по необходимости очищаются огнемъ.

Г Л А В А 36.

И общій смыслъ и ученіе Писанія показываютъ, что не омытому до чистоты отъ всѣхъ нечистотъ порока невозможно вступить въ божественный ликъ. Сіе-то, будучи мало само по себѣ, служитъ началомъ и основаніемъ великихъ благъ. Малымъ же называю по легкости преснѣянія. Ибо какой трудъ въ этомъ — вѣровать, что Богъ вездѣсущъ, что, какъ сущій во всѣхъ, присущъ и въ призывающихъ Его животворящую силу, а какъ присущій,

творить, что Ему свойственно? Особенное же свойство Божіей дѣятельности—спасеніе имѣющихъ въ Немъ нужду; а спасеніе дѣйствительно совершается очищеніемъ въ водѣ; и очистившійся дѣлается причастникомъ чистоты; подлинно же чистое есть Божество. Видишь, что малое нѣчто по началу, то есть, вѣра и вода, такъ благоусишны; вѣра представлена нашему произволению; а вода въ тѣсной связи съ человѣческою жизнію; но какъ велико и важно происходящее отъ нихъ благо, когда въ свойствѣ съ нимъ состоитъ и Божество!

ГЛАВА 37.

Но какъ существо человѣческое есть нѣчто двойное, срастворенное изъ души и тѣла; то спасаемымъ необходимо тѣмъ и другимъ слѣдовать за Руководящимъ къ жизни. Посему душа, соединившись съ Нимъ вѣрою, въ этомъ имѣетъ основаніе спасенія; ибо въ единеніи съ жизнію есть общеніе жизни. А тѣло инымъ способомъ вступаетъ въ приобщеніе и единеніе съ Спасяющимъ. Ибо, какъ, принявъ по чьему либо злоумышленію въ себя отраву, тлетворную ея силу ослабляютъ другимъ составомъ; и противоядію такъ же, какъ и губительному веществу, надобно войти во внутренности человѣка, чтобы ими всему тѣлу

удѣлена была цѣлебная сила: такъ, вкусивъ разрушающаго естество наше, по необходимости возымѣли мы нужду въ томъ, что разрушаемое совокупляло бы снова во едино, такъ чтобы таковое противоядіе, бывъ принято нами, своимъ противодѣйствіемъ отразило вредность отравы, прежде сего сообщенную тѣлу. Что же это за противодѣйствіе? Не иное что, какъ оное Тѣло, которое оказалось сильнѣйшимъ смерти и послужило началомъ нашей жизни. Ибо какъ, по слову Апостола, *малъ квасъ все слѣженіе* дѣлаетъ подобнымъ себѣ (1 Кор. 5, 6.); такъ и Тѣло, преданное на смерть Богомъ, входя въ наше тѣло, цѣлое претворяетъ и премѣняетъ въ Себя. Какъ по примѣненіи тлетворнаго къ здоровому все сраствореніе стало ни къ чему негоднымъ; такъ и бессмертное Тѣло, когда бываетъ въ принявшемъ оное, все претворяетъ въ Свое естество. Но невозможно чему либо стать внутри тѣла иначе, какъ вошедши во внутренности яденіемъ и питіемъ. Посему необходимо возможнымъ для естества способомъ принять въ себя животворящую силу Духа.

Послику же одно только оное богопріемное Тѣло пріяло въ Себя сію благодать, и доказано, что нашему тѣлу невозможно иначе достигнуть безсмертія, какъ въ общеніи съ безсмертнымъ ставъ причастнымъ нетлѣнію: то надлежитъ рассмотреть, какъ стало возможно,

что одно оное Тѣло, въ цѣлой вселенной всегда раздѣляемое столькимъ тысячамъ вѣрныхъ, въ каждомъ изъ части дѣлается цѣлымъ, и само въ себѣ также пребываетъ цѣлымъ. Посему, чтобы вѣра наша, обращая вниманіе на послѣдовательность рѣчи, не имѣла никакого сомнѣнія въ разсужденіи предложенной мысли, надлежитъ заняться нѣсколько въ словѣ естествословіемъ тѣла. Кто не знаетъ, что естество тѣла нашего само по себѣ, въ собственной своей вѣности, жизни не имѣетъ, но съ помощію отвнѣ притекающей силы поддержи-ваетъ себя, и пребываетъ въ бытіи, непрестаннымъ движеніемъ привлекая въ себя недостающее и отрѣвая отъ себя излишнее. И какъ мѣхъ какой, наполненный какою либо влагою, если влитое будетъ выходить дномъ, не сохранитъ своего вида по объему, когда въ происходящую пустоту не будетъ сверху вливаемо что либо другое; почему, кто смотритъ на объемистую поверхность сего сосуда, тотъ знаетъ, что она не собственно принадлежитъ видимому, но что влитое въ мѣхъ придаетъ видъ внѣшнему его объему; такъ и устройство нашего тѣла для своего состава, сколько извѣстно намъ, не имѣетъ ничего собственнаго, но пребываетъ въ бытіи привходящею въ него силою, и эта сила есть и называется: *пища*; да еще же, не одна и таже для всѣхъ питающихся тѣлъ, но нѣкая каж-

дому приличная дается въ удѣлъ Домостроителемъ природы. Ибо одни изъ животныхъ питаются, вырывая себѣ корни; другимъ пищею служитъ трава; а пища иныхъ—плоти. Человѣку по преимуществу пищею бываетъ хлѣбъ, и для поддержанія и сохраненія влажности—питіемъ не одна только вода, но нерѣдко подслащаемая виномъ въ пособіе той теплотѣ, которая въ насъ. Посему, кто взираетъ на это, тотъ, по возможности, имѣетъ въ виду объемъ нашего тѣла. Ибо когда бываетъ это во мнѣ, соотвѣтственно своимъ свойствамъ дѣлается кровію и тѣломъ, по превращеніи пищи премѣняющею силою въ видъ тѣла.

По изслѣдованіи этого объясненнымъ способомъ должно снова возвратиться мыслию къ предложенному. Ибо спрашивалось, какъ одно оное Тѣло Христово оживотворяетъ весь человѣческій родъ тѣхъ, въ комъ есть вѣра, всѣмъ будучи раздѣляемо и само не умаляясь. И такъ можетъ быть, мы близки уже къ правдоподобному отвѣту. Ибо если вѣрность всякаго тѣла бываетъ изъ пищи, а пища есть яденіе и питіе, и для яденія служитъ хлѣбъ и для питія—вода, подслащаемая виномъ; Слово же Божіе, по объясненному въ первыхъ главахъ, какъ Богъ и Слово, вступило въ единеніе съ естествомъ человѣческимъ, и бывъ въ нашемъ тѣлѣ, не иной какой новый составъ

устроило естеству человѣческому, но обыкновенными и приличными средствами продолжало существованіе Тѣла Своего, снѣдію и питіемъ поддерживая его впостасть: снѣдію же былъ хлѣбъ: то посему, какъ относительно къ намъ, о чемъ говорено уже неоднократно, кто видитъ хлѣбъ, тотъ нѣкоторымъ образомъ видитъ человѣческое тѣло, потому что хлѣбъ, будучи въ тѣлѣ, дѣлается тѣломъ: такъ и тамъ богопріемное Тѣло, принимавшее въ пищу хлѣбъ, въ нѣкоторомъ отношеніи было съ нимъ одно и то же, по причинѣ, какъ сказано, въ естество тѣла преложенной пищи. Ибо что свойственно всякой плоти, то признано и объ оной Плоти, а именно, что и оное Тѣло поддерживалось хлѣбомъ. Но Тѣло то вселеніемъ Бога Слова претворено въ возведенное до Божескаго достоинства; посему не безъ основанія вѣрую, что хлѣбъ, освящаемый Божіимъ Словомъ, и нынѣ претворяется въ Тѣло Бога Слова. Ибо и оное Тѣло въ дѣйствительности было хлѣбъ, освящалось же обитаніемъ Слова, обитавшаго въ плоти. Посему отъ чего хлѣбъ, въ ономъ Тѣлѣ претворившись, пріялъ Божественную силу, отъ того же самаго равное сему бываетъ и нынѣ. Ибо тамъ благодать Слова святымъ дѣлала Тѣло, котораго составъ былъ изъ хлѣба, и которое нѣкоторымъ образомъ само было Хлѣбъ: и здѣсь также хлѣбъ, по слову Апостола, *освящается Словомъ Бо-*

жѣлѣзъ и золотвою (1 Тим. 4, 5.), не яденіемъ и питіемъ входя въ Тѣло Слова, но прямо претворяясь въ Тѣло Слова, какъ сказано Словомъ: *сіе естъ Тѣло Мое* (Матѳ. 26, 26.). А поелику всякая плоть питается и влагой (ибо безъ сочетанія съ нею землянистое въ насъ не можетъ продолжать жизни: какъ твердою и крѣпкою пищею подкрѣпляемъ твердое въ тѣлѣ; такъ и влагѣ доставляемъ приращеніе изъ однороднаго съ нею вещества, которое, перешедши въ насъ, предлагающею силою обращается въ кровь, особливо если у вина позанмствуетъ силу къ претворенію въ теплоту): а потому, такъ какъ богопріемная Плоть Бога Слова въ составъ Свой приняла и эту часть, и явившееся Слово для того соединилось съ браннымъ естествомъ человѣческимъ, чтобы общеніемъ съ Божествомъ обожилося и человѣчество: то по сему самому, по домо-строительству благодати, посредствомъ плоти сообщаетъ Себя всѣмъ увѣровавшимъ, у которыхъ составъ изъ вина и хлѣба, срастворяясь съ тѣлами ихъ, чтобы единеніемъ съ безсмертнымъ и человѣкъ содѣлался причастникомъ петлѣнія. Даетъ же это, силою благословенія естество видимаго преобразивъ въ тѣло и кровь.

Г Л А В А 38.

Въ сказанномъ, думаю, нималого нѣтъ опущенія относительно къ тому, что требуетъ изслѣдованія о таинствѣ, кромѣ ученія о вѣрѣ, которое кратко изложимъ и въ настоящемъ сочиненія. А для требующихъ болѣе совершеннаго изъясненія, предложили уже мы оное въ другихъ своихъ трудахъ, съ возможнымъ для насъ тщаніемъ въ точности раскрывъ сіе ученіе. Это тѣ наши сочиненія, въ которыхъ входили мы въ состязаніе съ противниками, и сами по себѣ занимались изслѣдованіемъ касательно предлагаемыхъ намъ вопросовъ. Въ настоящемъ же словѣ заблагоразсудили мы столько сказать о вѣрѣ, сколько заключаетъ въ себѣ евангельское слово, чтобы раждаемому духовнымъ возрожденіемъ знать, отъ кого онъ рождается, и какимъ дѣлается живымъ существомъ. Ибо сей только видъ рожденія во власти человѣка—стать тѣмъ, чѣмъ самъ избереть.

Г Л А В А 39.

Прочіе рождаемые происходятъ на свѣтъ отъ похоти раждающихъ; раждаемый же духовно зависитъ отъ свободы раждаемаго. Итакъ, поелику опасность въ томъ, чтобы,

но свободѣ предоставленнаго каждому выбора, не ошибиться въ дѣйствительно полезномъ; то сказываю, что стремящемуся къ собственному своему рожденію хорошо будетъ предъзнать своимъ разсудкомъ, какой отецъ принесетъ ему пользу, и отъ кого лучше образоваться его естеству; ибо сказано, что такимъ порожденіемъ свободно избираются родители. Итакъ, поелику все существующее дѣлится на два рода, — на созданное и несозданное, и естество несозданнаго обладаетъ неизмѣняемостію и непреложностію, тварь же по превратности измѣняема; то по разсудку избирающій полезное, какого естества избересть скорѣе содѣлаться чадомъ, — представляющагося ли превратнымъ, или обладающаго непреложностію, постоянствомъ и всегда одинаковымъ пребываніемъ въ добрѣ? И какъ въ Евангеліи преподано о трехъ Лицахъ и о трехъ Именахъ, отъ которыхъ бываетъ рожденіе вѣрующихъ, и раждаемый о Троицѣ равно раждается отъ Отца и Сына и Святаго Духа; ибо о Духѣ Евангеліе говоритъ такъ: *рожденное отъ Духа духъ есть* (Іоан. 3, 6.), и Павелъ раждаетъ о *Христѣ* (1 Кор. 4, 6.), и Отецъ есть отецъ всѣмъ (Фил. 1, 2.): то да трезвится при семъ мысль слушателя, чтобы не сдѣлаться ему порожденіемъ естества непостояннаго, когда возможно виновникомъ собственнаго своего естества содѣлать непре-

ложнаго и неизмѣняемаго. Ибо по расположенію сердца у приступающаго къ домостроительству и совершаемое имѣеть силу, такъ что иновѣдующій святую Троицу несозданною вступаетъ въ непревратную и неизмѣняемую жизнь, а кто, по ложному понятію, видитъ въ Троицѣ естество созданное, и послѣ сего крестится въ Нее, тотъ снова рождается въ превратную и измѣняемую жизнь; ибо рождаемое по необходимости однородно съ естествомъ рождающихъ. Посему что полезнѣе.—войти ли въ жизнь непревратную, или опять влаяться въ жизни непостоянной и измѣняемой? Итакъ, послѣдуя для всякаго имѣющаго сколько нибудь разума явно, что несравненно предпочтительнѣе постоянное непостояннаго, совершенное недостаточнаго, ни въ чемъ не имѣющее нужды—нуждающагося, то, чему некуда идти выше, и что всегда пребываетъ въ совершенствѣ добра,—съ преснѣжаніемъ простирающагося впередъ; то имѣющему умъ необходимо избрать одно изъ двухъ, — или увѣровать, что святая Троица — естество несозданное, и такимъ образомъ Ее въ духовномъ рожденіи содѣлать вождемъ собственной жизни; или, если кто признаеть, что Сынъ и Святыи Духъ внѣ естества церваго, истиннаго и благаго Бога, разумью Отца, и во время возрожденія не приемля вѣры въ Троицу, то да неостается въ невѣдѣніи, что, самъ себя

предавая естеству недостаточному, имѣющему
 нужду въ благодѣющемъ, и отринувъ вѣру въ
 существо превысшее, нѣкоторымъ образомъ
 вводитъ себя опять въ однородное съ собою.
 Ибо, подчинившись чему либо тварному, самъ
 того не замѣчая, надежду спасенія полагаетъ
 не въ Богѣ. Ибо всякая тварь въ сродствѣ
 съ собою имѣетъ и прочія твари, по тому са-
 мому, что паравиѣ съ ними приходитъ въ бы-
 тіе изъ небытія. И какъ въ строеніи тѣла всѣ
 члены имѣютъ взаимное сродство, хотя одни
 изъ нихъ по достоинству ниже, а другіе выше:
 такъ и тварное естество соединено между со-
 бою по общему закону для твари, и разность
 въ насъ по преимуществу и недостаточности
 не лишаетъ тварь сродства съ самой собою.
 Ибо въ томъ, что равно представляется намъ
 прежде несуществовавшимъ, хотя въ иныхъ
 отношеніяхъ и была бы разность, съ этой
 стороны не находимъ никакого различія по
 естеству. Посему, если человекъ, будучи
 тварью, думаетъ, что твари—и Духъ и Едино-
 родный Богъ; то напротивъ будетъ освобож-
 дать себя отъ безнадежности перехода въ
 лучшее состояніе. Ибо совершающееся въ
 немъ подобно понятіямъ Никодима, который,
 дознавъ отъ Господа, что должно родиться
 свыше, но не вмѣщая еще въ умъ ученія о
 таинствѣ, увлекся помыслами къ матерней
 утробѣ (Іоан. 3, 4.). Посему, если человекъ

обратится не къ Естеству несозданному, но къ сродственной, и также, какъ самъ онъ, служебной твари: то рожденіе его долънее, а не свыше. Евангеліе же говоритъ, что рожденіе спасаемыхъ *свыше* (Іоан. 3, 3.).

ГЛАВА 40.

По кажется мнѣ, что сіе огласительное слово въ сказанномъ доселѣ не заключаетъ еще достаточнаго ученія. Ибо должно, думаю, обращать вниманіе и на то, что послѣ сего, и что оставляютъ въ небреженіи многіе изъ приступающихъ къ благодати крещенія, себя самихъ вводя въ обманъ и почитаясь только возрожденными, а не дѣйствительно таковыми дѣлаясь. Ибо возрожденіемъ совершаемое претвореніе нашей жизни не будетъ претвореніемъ, если останемся въ томъ же состояніи, въ какомъ и теперь. Кто пребываетъ въ томъ же состояніи, о томъ не знаю, почему можно было бы подумать, что онъ сдѣлался кѣмъ-то инымъ, когда не перемѣнилось въ немъ ни одного изъ отличительныхъ признаковъ. Ибо, что спасительное возрожденіе пріемлетъ для обновленія и преложенія естества нашего, явно это всякому; но человѣчество само по себѣ отъ крещенія не пріемлетъ измѣненія, ни разсудокъ, ни разумѣніе, ни познавательная способность, ни другое что, собственно слу-

жащее отличительною чертою естества чело-
вѣческаго, не приходитъ въ претвореніе; ибо
претвореніе было бы къ худшему, если бы
измѣнилось какое либо изъ сихъ отличитель-
ныхъ свойствъ естества. Итакъ, если рожде-
ніе свѣще дѣлается возсозданіемъ чело-
вѣка, а это недопускаетъ перемѣны; то должно раз-
смотрѣть, съ претвореніемъ чего благодать
возрожденія совершенна. Явно, что съ изгла-
женіемъ дурныхъ признаковъ въ естествѣ
нашемъ происходитъ переходъ въ лучшее.
Итакъ, если, по слову Пророка, измывшисъ
въ сей таинственной банѣ, стали мы чисты
произволеніями, смывъ лукавства *отъ души*
(Иса. 1, 16.); то содѣлались лучшими, и пре-
творились въ лучшее. Если же баня послужила
тѣлу, а душа не свергла съ себя страстныхъ
нечистотъ, напротивъ того жизнь по тайно-
дѣйствію сходна съ жизнію до тайнодѣйствія;
то, хотя смѣло будетъ сказать, однакоже
скажу и не откажусь, что для такихъ вода
остается водою, потому что въ раждаемомъ
нимало не оказывается дара святаго Духа.
когда не только гнусная раздражительность,
страсть любостыжательности, распутныя и не-
пристойныя мысли, надмѣнность, зависть,
гордыня служатъ поруганіемъ Божіа образа,
но у него и прибитки неправды остаются, и
прелюбодѣніемъ пріобрѣтенная жена даже по-
слѣ сего продолжаетъ служить его сладостра-

стію. Если это и подобное сему одинаково бываетъ и прежде и послѣ крещенія въ жизни крестившагося, то нельзя опредѣлить, что въ немъ претворено, видя его тѣмъ же, чѣмъ былъ опъ прежде. Обиженный, оклеветанный, лишенный собственности не усматриваютъ на себѣ никакой переменны въ сказанномъ. Не слышать и отъ него Закхеевыхъ словъ: *аще кого чинѣ обидѣхъ, возвращу четверницею* (Лук. 19, 8). Что говорили о немъ до крещенія, то же самое говорятъ и теперь; тѣми же называютъ именами. — корыстолюбцемъ, надкимъ на чужое, радующимся человѣческой бѣдѣ. И такъ, кто остается такимъ же, какимъ былъ, и потомъ разглашаетъ о переменѣ въ немъ на лучшее, произведенной крещеніемъ, тотъ да слышитъ Павлово слово: *аще кто мнитъ себе быти что, ничтоже сый, уклонѣ летитъ себе* (Гал. 6, 6); ибо чтобы тебѣ *быти что*, надобно содѣлаться этимъ. *Елицы пріяша Его*, говоритъ о возрожденныхъ Евангеліе, *даде имъ область чадомъ Божиимъ быти* (Іоан. 1, 12). А кто содѣлался чьимъ либо чадомъ, тотъ, конечно, однородень съ родившимъ. Посему, если пріялъ ты Бога, содѣлался чадомъ Божиимъ, покажи произволеніемъ, что и въ тебѣ Богъ, покажи въ себѣ Родшаго. По какимъ признакамъ познаемъ Бога, тѣми же признаками и содѣлавшемуся сыномъ Божиимъ надлежитъ доказать свойство свое съ Богомъ.

Онъ отверзаетъ руку, и исполняетъ всякое животное благоволенія (Пса. 144, 16), оставляетъ беззаконія (Мпх. 7, 18), раскаевается о злѣ (Ион. 3, 10), *близъ Господь всяческииъ* (Пса. 144, 9), *и не шивъ наводяи на всякъ день* (Пса. 7, 12), *правъ Господь Богъ и нсть неправды въ Невъ* (Пса. 91, 16), и все подобное сему, что дознаемъ о Богѣ изъ различныхъ мѣстъ Писанія. Если ты таковъ, то дѣйствительно содѣлаея чадомъ Божиимъ. А если остаешься съ прежними признаками порока: то напрасно разглашаешь о своемъ рожденіи свыше. Пророчество скажетъ тебѣ, что ты сынъ человѣческой, а не сынъ Вышняго, *любишь суету, ищешь лжи* (Пса. 4, 3). Не знаешь развѣ, что человѣкъ не иначе дѣлается сыномъ Божиимъ, какъ только, когда дѣлается святымъ?

Къ сему необходимо присовокупить и остальное, а именно, что блага, по обѣтованіямъ уготованныя жившимъ хорошо, таковы, что не могутъ быть изображены словомъ. Ибо какъ изобразить, *иже око не видъ, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша* (1 Кор. 2, 9)? Да и мучительная жизнь грѣшниковъ не имѣетъ никакого сравненія съ тѣмъ, что огорчаетъ чувство въ здѣшней жизни, напротивъ того, какими извѣстными здѣсь наименованіями ни назовешь тамошнія наказанія, не въ маломъ будетъ разность. Ибо слыша слово: *огонь*, наученъ ты представлять мысленно иное нѣчто

отъ огня здѣшняго; потому что огню тому предается, чего нѣтъ въ здѣшнемъ. Ибо тотъ огонь не угасаетъ; для сего же огня открыто опытомъ много угашающихъ средствъ; а между огнемъ угашаемымъ и недопускающимъ угашенія великая разность. Поэтому послѣдній есть нѣчто иное, а не то же, что и первый. И опять слышишь ты о червѣ; не обращай мысленно по одноименности къ червю земному. Ибо присовокупленіе, что червь не умираетъ, подаетъ мысль разумѣть другое какое-то естество сверхъ извѣстнаго намъ. Итакъ, послѣднее предоставлено надеждѣ будущей жизни, чтобы, по праведному суду Божию, отъ произволенія каждаго отраждалось, что сообразно ему; то дѣломъ цѣломудренныхъ будетъ взпрать не на настоящее, но на то, что будетъ послѣ, а въ теченіе сей краткой и временной жизни полагать основанія неизреченнаго блаженства, и благимъ произволеніемъ сдѣлать для себя чуждымъ испытаніе золь, какъ нынѣ, въ сей жизни, такъ послѣ сего въ вѣчномъ воздаяніи.

11. КЪ АВЛАВШО

О ТОМЪ, ЧТО НЕ «ТРИ БОГА».

Хотя отъ васъ, во всей силѣ цвѣтущихъ по внутреннему человѣку, справедливость требуетъ, бороться съ противниками истины и не ослабѣвать въ трудахъ, чтобы намъ отцамъ можно было порадоваться на доблестно проливаемый потъ чадъ; такъ какъ сего требуетъ законъ природы; однакоже, поелику, извративъ порядокъ, къ намъ отсылаешь прираженія стрѣль, какими противники мещутъ въ истину, и приказываешь намъ старикамъ щитомъ вѣры угашать *угли пустынные* (Пса. 119, 4.) и изощренныя лжеименнымъ вѣдѣніемъ стрѣлы; то принимаемъ приказаніе, дѣлаясь для тебя образцемъ благопокорности, чтобы и ты самъ, въ случаѣ подобныхъ приказаній, воздалъ намъ тѣмъ же, какъ скоро и тебя, мужественный Христовъ воинъ Авлавій, возставимъ на подобные подвиги. Вопросъ же этотъ, кото-

рый предложилъ ты намъ. немаловаженъ и не таковъ, чтобы могъ принести малый только вредъ, если останется безъ надлежащаго изслѣдованія. Ибо, по требованію главнаго положенія, непременно необходимо, въ ближайшемъ къ разумѣнію смыслѣ, согласиться на одну изъ противоположностей, или утверждать, что Боговъ три (что непозволительно), или Сыну и Святому Духу не приписывать Божества (что нечестиво и нелѣпно). Утверждаемое же тобою таково: Петръ, Іаковъ, Іоаннъ, какъ человѣчество ихъ одно, называются тремя человѣками, и нѣтъ ничего нелѣпаго соединенныхъ по естеству, если ихъ много, по именованію естества называть во множественномъ числѣ. Посему, если тамъ допускаеть это обычай, и никто не запрещаетъ двоихъ называть двоими, а если больше двоихъ, то и троими; почему въ таинственныхъ догматахъ, исповѣдуя три иностаси, и не примѣчая въ нихъ никакой разности по естеству, нѣкоторымъ образомъ противорѣчимъ исповѣданію, утверждая, что Божество Отца и Сына и Святаго Духа одно, запрещая же называть ихъ тремя Богами? Посему, какъ сказалъ я прежде, вопросъ весьма затруднителенъ. И для насъ всего лучше будетъ найти что либо такое, на что могла бы опереться колеблющаяся наша мысль, не приводимая уже болѣе въ сомнѣніе и недоумѣніе обоюдною нелѣпно-

стію. Но если отвѣтъ нашъ окажется слабѣйшимъ предложенной задачи, то преданіе, которое пріяли отъ отцевъ, навсегда сохранимъ твердымъ и неподвижнымъ, защитительнаго же слова вѣрѣ поищемъ у Господа, и если найдемъ у кого либо изъ имѣющихъ благодать, то возблагодаримъ Подателя благодати. А если не найдемъ, тѣмъ неменѣе вѣру въ признаваемое нами будемъ имѣть непреложною.

Итакъ почему у насъ въ обычаѣ оказывающихся принадлежащими къ одному и тому же естеству, перечисляя по одиночкѣ, называть во множественномъ числѣ: столько-то человѣкъ, а не говорить, что всѣ они—одинъ человѣкъ; догматическое же ученіе о Божіемъ естествѣ отвергаетъ множество Боговъ, перечисляя впостаси, но не принимая множественнаго значенія? Людямъ простымъ можетъ показаться сказавшимъ на сіе нѣчто дѣльное, кто дастъ въ отвѣтъ, что прежде всего придетъ ему на мысль, а именно: христіанское ученіе, избѣгая сходства съ эллинскимъ многобожіемъ, остереглось считать Боговъ во множествѣ, чтобы не признано было какъ либо и общности въ догматахъ, если и у насъ Божество числимо будетъ не единично, но множественно, подобно принятому въ обычаѣ у эллиновъ. И это, будучи сказано людямъ пехитростнымъ, покажется, можетъ быть, имѣющимъ нѣкоторое значеніе; для другихъ же, которые въ слѣд-

ствіе вопроса стараются утвердиться въ иномъ: или исповѣдывать Божественности въ трехъ лицахъ, или имѣющихъ общеніе въ той же Божественности непременно именовать тремя, —данный отвѣтъ еще не таковъ, чтобы служить рѣшеніемъ вопроса.

Посему необходимо отвѣчать обстоятельнѣе, какъ прилично отыскивающимъ слѣды истины; потому что рѣчь идетъ не о маловажномъ. Посему утверждаемъ вонервыхъ, что есть нѣкое неправильное словоупотребленіе въ этомъ обычаѣ, нераздѣляемыхъ по естеству называть въ множественномъ числѣ однимъ и тѣмъ же именемъ естества и говорить: многіе человѣки, чему подобно будетъ, если сказать: многія естества человѣческія; а что сіе дѣйствительно такъ, явно для насъ будетъ изъ слѣдующаго. Когда кличемъ кого, именуемъ его не по естеству, чтобы общность имени не произвела какой ошибки, если каждый слышащій подумаетъ, что кличутъ его, потому что зовъ дѣлается не собственнымъ названіемъ, но общимъ именемъ естества; напротивъ того, произнося собственное имя; принадлежащее вызываемому, разумѣю то слово, которымъ означается этотъ именно человѣкъ, такимъ образомъ отличаемъ его отъ многихъ, такъ что, хотя много имѣющихъ это естество, положу напримѣръ учениковъ, апостоловъ, мучениковъ, но этотъ человѣкъ изъ всѣхъ одинъ; потому что, какъ

сказано, человекъ есть названіе не въ отдѣльности каждаго, но общаго естества; ибо и Лука и Стефанъ—человекъ, но если кто человекъ, то онъ не есть уже непременно и Лука и Стефанъ. Напротивъ того понятіе чюстасей, по усматриваемымъ въ каждой особенностямъ, допускаетъ раздѣленіе, и по сложеніи представляется числомъ; но естество одно, сама съ собою соединенная и въ точности недѣлимая единица, неувеличиваемая приложениемъ, неумалаямая отъятіемъ; но, какъ есть одна, такъ, хотя и во множествѣ является, сущая нераздѣльною, нераздробляемою, всецѣлою, неудѣляемою причастникамъ ея по особой части каждому. И какъ словами: народъ, толпа, войско, собраніе, все называется въ единственномъ числѣ, хотя въ каждомъ изъ именованій подразумѣвается множество; такъ и человекомъ въ точнѣйшемъ понятіи можетъ быть названъ собственно одинъ, хотя оказывающихся принадлежащими къ тому же естеству много, такъ что гораздо лучше будетъ исправить этотъ погрѣшительный у насъ обычай, и имя естества не распространять на множество, или же, поработившись оному, происходящей оттого погрѣшности не переносить и на Божественный догматъ. Но послѣку исправленіе обычая неудобно исполнимо (ибо какъ убѣдится кто оказывающихся принадлежащими къ тому же естеству не называть мно-

гимп чловѣками? потому что обычай во всемъ съ трудомъ измѣняемъ); то въ разсужденіи естества дошняго не столько погрѣшимъ, не противясь господствующему обычаю, такъ какъ здѣсь никакого нѣтъ вреда отъ погрѣшительнаго употребленія именъ. Но не такъ безопасно различное употребленіе именъ въ Божественномъ догматѣ, потому что здѣсь и маловажное уже не маловажно.

Итакъ единого Бога исповѣдывать намъ должно, по свидѣтельству Писанія: *слыши Израилю, Господь Богъ твой, Господь единъ есть* (Второз. 6, 4.), хотя именованіе Божества простирается на святую Троицу. Говорю же это на основаніи преданнаго намъ о чловѣческомъ ествѣ; изъ чего дознали мы, что названіе естества не должно расширять отличительнымъ свойствомъ множественности. Но точнѣе изслѣдовать намъ должно самое имя Божества, чтобы заключающимся въ словѣ значеніемъ оказано было нѣкоторое содѣйствіе къ уясненію предложеннаго вопроса. Многимъ кажется, что слово: Божество употребляется собственно объ ествѣ, и какъ или небо, или солнце, или какая либо другая изъ стихій міра обозначается особенными именами, отличающими именуемое; такъ, говорятъ, и въ разсужденіи высочайшаго и божественнаго естества; слово: Божество, какъ нѣкое въ собственномъ смыслѣ прилагаемое

имя, естественно приличествуетъ означаемому. Но мы, слѣдуя внушеніямъ писанія, дознали, что естество Божіе неизреченно и неизменимо, и утверждаемъ, что всякое имя, познано ли оно по человѣческой сущности, или предано писаніемъ, есть истолкованіе чего либо разумѣваемаго о Божіемъ ествѣ, но не заключаетъ въ себѣ значенія самаго естества. И для доказательства, что это дѣйствительно такъ, нѣтъ кому либо нужды въ большомъ трудѣ. Ибо всѣ прочія имена, придаваемыя твари, и безъ какого либо словопроизводства можетъ иной найти случайно приспособленными къ предметамъ; потому что любимъ, какъ ни есть, обозначать вещи ихъ именемъ, чтобы знаніе означаемого содѣлалось у насъ неслитнымъ. Всѣ же имена, которыя служатъ руководствомъ къ постиженію Божества, таковы, что каждое имѣетъ собственный опредѣленно заключающійся въ немъ смыслъ, и между боголѣпнѣйшими именами не найдешь ни одного слова безъ какого либо понятія. Почему и доказывается симъ, что какимъ бы то ни было именемъ, не означается самое Божественное естество, а напротивъ того симъ сказуемымъ показывается нѣчто изъ относящагося къ еству. Ибо говоримъ, если такъ случится, что Божество нетлѣнно, или могущественно, или что иное, какъ обычно намъ говорить, но каждому имени приписыва-

емъ особое значеніе, какое прилично представить въ умѣ и высказать о Божіемъ естествѣ, и которымъ не то означается, что есть въ сущности естество. Ибо не тлѣнно то, что имѣеть бытіе; а понятіе нетлѣнія то, что существующее не подвергается тлѣнію. Посему, называя нетлѣннымъ, утверждаемъ, что естество не терпять тлѣнія; что же такое непретеривающее тлѣнія, сего мы не представляемъ.

Такъ, если назовемъ Божество животворящимъ, то, означивъ симъ названіемъ, что творить, словомъ симъ не доставляемъ познанія о самомъ Творящемъ. И по тому же закону изъ заключающагося въ боголѣпныхъ именахъ значенія находимъ и все прочее, что или возбраняетъ познавать о божественномъ естествѣ то, чего не должно, или научаетъ тому, что должно знать, но не заключаетъ въ себѣ истолкованія самаго естества. Итакъ, поелику, примѣчая разнообразныя дѣятельности превышей Силы, отъ каждой изъ извѣстныхъ намъ дѣятельностей примѣняемъ Ей приличные названія; то одну и именно ту дѣятельность, которая есть пазирающая и наблюдающая, и, какъ скажетъ пный, зрительная (*θεατικῆ*), и которою Богъ надъ всемъ наблюдаетъ и имѣеть надзоръ, усматривая помысленія и проникая созерцательною силою даже въ невидимое, положили мы отъ зрѣнія (*ἐκ τῆς θεασ*)

наименовать Божествомъ (*τὴν Θεότητα*), и Зрителя нашего, и по обычаю и поученію Писаній, называть Богомъ. Если же кто соглашается, что одно и тоже значить быть зрителемъ и видѣть, и назирающему надъ всѣмъ Богу быть и именоваться надзирателемъ вселенной; то пусть разсудить о сей дѣятельности. одному ли изъ Лиць исповѣдуемыхъ во святой Троицѣ принадлежитъ, или на всѣ три Лица простирается эта сила. Ибо если истинно сіе истолкованіе слова: Божество, и видимое зримо и зрящее называется Богомъ,—то нѣтъ уже основанія, которое либо изъ Лиць Троицы лишать такого наименованія, по значенію заключающемуся въ словѣ. Ибо Писаніе свидѣтельствуеть, что видѣть равно принадлежитъ и Отцу и Сыну и Святому Духу. *Защитниче нашъ виждь Божие* (Пса. 83, 10.), говоритъ Давидъ; а изъ сего дознаемъ, что понятіе о Богѣ, поелику умонредставляется Онъ нами, заимствовано отъ особенной зрительной дѣятельности, по сказанному: *виждь Божие*. Да и Иисусъ видитъ помышленія осуждающихъ, и потому самовластно прощаетъ грѣхи людямъ: ибо сказано: *видѣвъ Иисусъ помышленія ихъ* (Матѣ. 9, 4.). И о Духѣ говоритъ Петръ Апостолъ: *почто исполни сатана сердце твое солгати Духу Святому* (Дѣян. 5, 3.), показывая, что неживымъ свидѣтелемъ и наблюдателемъ того, на что въ тайнѣ отважился

Ананія, былъ Духъ Святой, отъ Котораго и Петру было откровеніе утаснаго; ибо Ананія содѣлался татемъ самого себя, утаеваясь, какъ думалъ, отъ всѣхъ и сокрывая грѣхъ; Духъ же Святой вмѣстѣ былъ и въ Петрѣ, и прозрѣвалъ въ мысль Ананіи, влекущую его къ корысти, и отъ Себя даетъ Петру силу видѣть сокрытое; а сего, очевидно, не содѣлалъ бы, если бы небылъ зрителемъ тайнаго.

Но скажетъ кто нибудь, что приводимое въ словѣ доказательство нейдетъ къ вопросу. Ибо если допустить, что названіе: Божество есть общее естеству, то симъ еще не доказано, что не должно говорить: Боги, а напротивъ того сіе-то скорѣе и понуждаетъ говорить: Бсги; ибо находимъ, что, по людскому обычаю, упоминаются, не въ единственномъ числѣ, многими, не только имѣющіе одно и тоже общее естество, но и принадлежащіе къ одному и тому же сословію по занятіямъ; почему говоримъ о многихъ риторахъ, геометрахъ, земледѣльцахъ, сапожникахъ, также и о занимающихся всѣмъ инымъ. И если бы слово: Божество было именованіемъ естества, то больше было бы умѣстнымъ, на указанномъ выше основаніи три вѣстаси включить въ единое и называть единымъ Богомъ, по несѣкомости и нераздѣлимости естества. Поелику же сказаннымъ доказывалось, что имя: Божество означаетъ не естество, а дѣятельность; то

смыслъ рѣчи обращается какъ то въ противное доказываемому, а именно, что тѣмъ паче должно называть трехъ Боговъ, умопредставляемыхъ въ одной и той же дѣятельности; какъ говорится: три философа, или ритора, или, ежели есть другое какое имя, взятое отъ занятія, и многіе участвуютъ въ одномъ и томъ же. Все это обработалъ я съ большою тщательностію, раскрывая возраженія противниковъ, чтобы большую твердость пріобрѣлъ у насъ догматъ, одержавъ верхъ надъ труднѣйшими противоположеніями. Поэтому должно начать намъ рѣчь снова. Такъ какъ у насъ по самому ходу рѣчи достаточно доказано, что слово: Божество есть именованіе не естества, а дѣятельности; то можетъ быть, на то, что у людей состоящіе между собою въ общеніи по однимъ и тѣмъ же занятіямъ числятся и именуется множественно, а божественное, какъ единый Богъ и единое Божество, именуется единично, хотя три вностаи не различаются по значенію, оказывающемуся въ словѣ: Божество, иной основательно представить слѣдующую причину: люди, хотя и многіе имѣютъ одинъ родъ дѣятельности, но каждый, самъ по себѣ оставленный дѣйствовать, приводитъ въ дѣйствіе подлежащее ему безъ всякаго общенія въ своей дѣятельности съ занимающимися чѣмъ либо подобнымъ. Ибо если риторовъ и много, то, хотя занятіе, какъ единое, одно и тоже

имѣть имя во многихъ, однако же посвятившіе себя этому занятію дѣйствуютъ каждый самъ по себѣ, особо риторствуетъ одинъ, и особо другой.

Итакъ, послѣку у людей при однихъ и тѣхъ же занятіяхъ дѣятельность каждаго отдѣльна; то они въ собственномъ смыслѣ называются многими, такъ какъ каждый изъ нихъ по своеобразности дѣйствованія отдѣляется отъ другихъ въ особый округъ. Но о Божескомъ естествѣ дознали мы не то, именно же, не то, что Отецъ Самъ по Себѣ творитъ что либо, къ чему не прикасается Сынъ, или Сынъ опять производитъ что либо особо безъ Духа; но что всякое дѣйствованіе, отъ Божества простирающееся на тварь и именуемое по много-различнымъ о Немъ понятіямъ, отъ Отца исходитъ, чрезъ Сына простирается и совершается Духомъ Святымъ. Посему имя дѣйствованія не дѣлится на множество дѣйствующихъ, такъ какъ нѣтъ усвоеннаго каждому и особеннаго попеченія о чемъ либо. Но что ни происходитъ, касающееся или промышленія о насъ, или домостроительства и состава вселенной— все производится Тремя, впрочемъ произведеній не три. Уразумѣемъ же сказанное по одному какому либо предмету. Начинаю рѣчь съ самаго главнаго изъ дарованій; жизнь улучило все, что стало причастнымъ сей милости. Итакъ дождываясь, откуда произошло у насъ

такое благо, находимъ, по руководству Писанія, что отъ Отца и Сына и Духа Святаго. Но на томъ основаніи, что полагаемъ три Лица и Имени, не заключаемъ, что особо каждымъ изъ Ихъ дарованы намъ три жизни; напротивъ того одна и таже жизнь приводится въ дѣйствіе Отцемъ, уготовляется Сыномъ, зависитъ отъ соизволенія Духа. Итакъ, подобно сказанному, всякую дѣятельность святая Троица не приводитъ въ дѣйствіе раздѣльно по числу Упостасей; напротивъ того происходитъ одно какое либо движеніе и распоряженіе доброй воли, переходящее отъ Отца чрезъ Сына къ Духу. Посему, какъ производящихъ одну и ту же жизнь не называемъ тремя животворящими, ни созерцаемыхъ въ одной и той же благодати тремя благими, ни о всемъ другомъ не выражаемся множественно: такъ не можемъ именовать тремя Богами совокупно и нераздѣльно другъ чрезъ друга приводящихъ въ дѣйствіе на насъ и на всякихъ тваряхъ оную Божескую (*θεϊκήν*), то есть надзирающую, силу и дѣятельность. Ибо дознавъ изъ Писанія, что Богъ всяческихъ судитъ *всей земли* (Быт. 18, 25), утверждаемъ, что Онъ судія вселенной чрезъ Сына. И слыша оиять, что *Отецъ не судитъ никому же* (Іоан. 5, 22.), не думаемъ, что Писаніе противорѣчитъ само себѣ; ибо *Судяй всей земли* творитъ сіе чрезъ Сына, Которому далъ весь судъ. И все, совершаемое

Единороднымъ, относится къ Отцу, такъ что Онъ есть судія вселенной, и никого не судить; потому что весь судъ, какъ сказано, отдалъ Сыну, и всякій судъ Сына не чуждъ Отческой волѣ; посему никто не имѣетъ основательной причины. или наименовать двоихъ судей, или одного въ отношеніи къ суду признать чуждымъ той власти и силы. Такъ и относительно понятія о Божествѣ, *Христосъ Божія сила и Божія премудрость* (1 Кор. 1, 24.). И надзирающую и зрительную силу, которую называемъ Божествомъ, Отецъ приводитъ въ дѣйствіе чрезъ Единороднаго, потому что Сынъ всякую силу совершаетъ Святымъ Духомъ, и судить, какъ говоритъ Исаія, *духомъ суда и духомъ зноя* (Иса. 4, 4.), дѣйствуетъ же по евангельскому слову, изреченному іудеямъ; ибо говоритъ: *еще же Азъ о Дусъ Божіи изиою бьсы* (Матѣ. 12, 28.), подъ частнымъ благодѣяніемъ заключаая всѣ виды благодѣяній, по причинѣ единства относительно къ дѣйствованію; а къмъ другъ черезъ друга въ дѣйствіе приводится одно. у тѣхъ имя дѣйствованія не можетъ быть раздѣляемо на многихъ. Ибо, какъ прежде сего сказано, одинъ законъ надзирающей и зрительной силы у Отца и Сына и Святаго Духа, отъ Отца, какъ изъ нѣкоего источника исходящій, Сыномъ приводимый въ дѣйствіе и силою Духа совершающій благодать; а посему ни одно дѣйствіе не

различается по вѣстасямъ, какъ бы каждую особо и отдѣльно, безъ обнаруженія въ дѣйствіи и прочихъ, совершаемое; напротивъ того вся промыслительность, попечительность и бдительность надъ вселенной, относительно къ чувственной твари и къ естеству премірному и охраняющая существа, и исправляющая погрѣшительное, и научающая исправности, единственна, а не трояка, хотя святою Троицею совершается, однако же не разсѣкается тречастно по числу созерцаемыхъ вѣрою Лиць, такъ чтобы каждое изъ дѣйствій, само по себѣ разсматриваемое, было или одного Отца, или особо Единороднаго, или отдѣльно Святаго Духа. Но раздѣляетъ каждому особыя блага, какъ говоритъ Апостоль, *единъ и тойжде Духъ* (1 Кор. 12, 11.). Не безначально же движеніе блага отъ Духа; напротивъ того находимъ, что все творитъ предусматриваемая мысленно въ семь движеніи сила, и это есть единородный Богъ, безъ Котораго ни одно существо не приходитъ въ бытіе, да и сей опять Источникъ благъ исходитъ изъ Отчей воли.

Если же всякое благое дѣло и имя не во времени, безъ перерывовъ, зависимо отъ безначальной силы и воли, приводится въ совершеніе въ силѣ Духа Единороднымъ Богомъ, и не бываетъ, или не представляется мыслию никакого протяженія времени въ движеніи Божественной воли отъ Отца чрезъ Сына къ

къ Духу; единымъ же изъ добрыхъ именъ и понятій есть Божество: то несправедливо было бы имени сему разсѣваться на множество, такъ какъ единство въ дѣйствованіи возбраняетъ множественное исчисленіе. И какъ у Апостола именуется *единъ Спаситель всѣмъ чловѣкомъ, наче же вторымъ* (1 Тим. 4, 10.), и на основаніи сихъ словъ никто не скажетъ, что или не Сынъ спасаетъ вѣрующихъ, или спасеніе улучающихъ оное бываетъ безъ Духа; напротивъ того спасителемъ всѣхъ бываетъ Богъ всяческихъ, между тѣмъ какъ совершаетъ спасеніе Сынъ благодатию Духа; и тѣмъ наче въ Писаніи именуется не три Спасителя, если и исповѣдуется, что спасеніе отъ святаго Троицы; такъ не три Бога, по данному значенію слова: Божество, хотя такое названіе и приличествуетъ святой Троицѣ. Входить же въ состязаніе съ возражающими, что подъ словомъ: Божество не должно разумѣть дѣятельности, кажется мнѣ чѣмъ-то не очень необходимымъ для настоящаго въ словѣ семь доказательства; ибо вѣруя, что естество Божіе неопредѣлимо и неистижимо, не примышляемъ никакого объемлющаго оное понятія, но постановляемъ правиломъ представлять себѣ естество сіе во всѣхъ отношеніяхъ безпредѣльнымъ; а всецѣло безпредѣльное не таково, чтобы инымъ опредѣлялось, инымъ же нѣтъ; напротивъ того безпредѣль-

ность во всякомъ смыслѣ избѣгаетъ предѣла. Посему, что внѣ предѣла, то, конечно, не опредѣляется и именемъ; почему, чтобы при естествѣ Божіемъ осталось понятіе неопредѣлимости, говоримъ, что Божество выше всякаго имени, Божество же есть и одно изъ именъ. Слѣдовательно невозможно, чтобы одно и тоже, и именемъ было, и признавалось выше всякаго имени.

Впрочемъ, если угодно сіе противникамъ, что бы слово: Божество имѣло значеніе не дѣятельности, а естества; то возвратимся къ сказанному въ началѣ, что имя естества по обычаю погрѣшительно употребляется при означеніи множества, потому что ни умаленія, ни приращенія въ истинномъ смыслѣ не происходятъ въ естествѣ, когда оно усматривается во многихъ или въ немногихъ. Ибо то одно счисляется, какъ слагаемое, что представляется въ особомъ очертаніи; подъ очертаніемъ же разумѣется поверхность тѣла, его величина, мѣсто, различіе по виду и цвѣту. А что усматривается кромѣ сего, то избѣгаетъ очертанія таковыми признаками; и что не имѣетъ очертанія, то не исчисляется, неисчисляемое же не можетъ быть умопредставляемо во множествѣ; потому что и золотъ, хотя оно раздроблено на многія разнаго вида части, говоримъ, что оно есть одно, и называется однимъ: монеты и

статирь (а) именуемъ многими, во множествѣ статировъ не находя никакого приумноженія въ естествѣ золота: почему и говорится о золотѣ, что его много, когда разсматривается въ большомъ объемѣ, или въ сосудахъ, или въ монетахъ, но по множеству въ нихъ вещества не говорится, что много золотыхъ веществъ, развѣ кто скажетъ такъ: разумѣя дарикъ (б) или статирь, въ которыхъ значеніе множества придано не веществу, а частямъ вещества; ибо въ собственномъ смыслѣ должно говорить, что это не золотыя вещества, но золотыя вещи. Посему, какъ золотыхъ статировъ много, а золото одно; такъ въ естествѣ человѣческомъ по одиначкѣ взятыхъ людей оказывается много, напримѣръ Петръ. Іаковъ. Іоаннъ, но человѣкъ въ нихъ одинъ. Если же Писаніе имя: человѣкъ расширяетъ и на множественное значеніе, говоря: *человѣцы большіи клянутся* (Ерв. 6, 16.), и: *сынове человѣчестіи* (Пса. 35, 8.), и тому подобное; то должно знать, что Писаніе, ведясь обычаемъ господствующаго нарѣчія, не узаконяетъ, что такъ, или какъ иначе, должно употреблять реченія, и выражается такъ, не какое либо искусственное предлагая ученіе о реченіяхъ.

(а) Греческая золотая монета во 100 драхмъ.

(б) Персидская золотая монета съ изображеніемъ Дарія.

но пользуется словомъ согласно съ господствующимъ обычаемъ, имѣя въ виду то одно, чтобы слово содѣлалось полезнымъ для пріемлющихъ, но не входя въ тонкія изслѣдованія выраженій, гдѣ не происходитъ никакого вреда отъ смысла реченій.

Долго было бы въ доказательство сказаннаго собирать все неправильности словосочиненія въ Писаніи: но въ разсужденіи чего есть опасность потерѣть сколько нибудь вреда истинѣ, въ томъ въ реченіяхъ писанія не оказывается неразборчивости и безразличія. Посему и допускаетъ употребленіе слова: человекъ во множественномъ числѣ, потому что отъ такого образа рѣчи никто не впадетъ въ предположеніе множества человечествъ, и не подумаетъ, будто означаются многія человеческія естества, потому что имя естества выражено множественно. Но слово: Богъ съ осторожностію возвѣщаетъ Писаніе въ единственномъ видоизмѣненіи слова, заботясь о томъ, чтобы множественнымъ значеніемъ: Боги въ Божественную сущность не ввести различныхъ естествъ. Почему говоритъ: *Господь Богъ, Господь единъ есть* (Второз. 6, 4.). Но и Единороднаго Бога проповѣдуетъ въ словѣ: Божество, не разлагаетъ одинаго на двойственное значеніе, чтобы Отца и Сына наименовать двумя Богами, хотя тотъ и другой проповѣдуется у святыхъ Богомъ. Но какъ
Гр. Писск. Ч. IV.

Отець Богъ, такъ и Сынъ Богъ; единъ же Богъ въ одной и той же проповѣди, потому что не умопредставляется въ Божествѣ никакого различія ни по естеству, ни по дѣятельности. Ибо если бы, по предположенію оболъщенныхъ, естество святой Троицы было разнообразно; то въ слѣдствіе сего число распространялось бы до множества боговъ, раздѣляясь вмѣстѣ съ инаковостію сущности въ Лицахъ. Но поелику божественное, простое, неизмѣняемое естество отвергаетъ отъ себя всякую инаковость по сущности; то, поелику оно едино, не допускаетъ до себя значенія множества. Но какъ естество называется единымъ, такъ въ единственномъ числѣ именуется и все иное: Богъ, благій, святой, спаситель, праведный, судія, и если еще разумѣть другое какое изъ боголѣпныхъ именъ, о которомъ пусть скажетъ иной, что относится оно или къ естеству, или къ дѣятельности, спорить объ этомъ не будемъ.

Если же кто станетъ клеветать на наше слово, что, не принимая различія по естеству, приводитъ къ какому-то смѣшенію и круговращенію ипостасей, то въ защиту отъ таковой укоризны скажемъ слѣдующее: исповѣдуя безразличіе естества, не отрицаемъ разности быть причиною и происходить отъ причины, понимаемъ, что этимъ только и различается одно отъ другаго, именно тѣмъ, что, какъ

вѣруемъ, одно Лице есть причина; а другое отъ причины. И въ томъ, что отъ причины, опять представляемъ себѣ другую разность; ибо одно прямо отъ перваго, другое отъ перваго же при посредствѣ того, что отъ Него прямо, почему и единородность несомнѣнно остается при Сынѣ. и Духу несомнѣнно также принадлежитъ бытіе отъ Отца, потому что посредничество Сына и Ему сохраняетъ единородность, и Духа не удаляетъ отъ естественнаго сближенія со Отцемъ. Говоря же: причина и сущее отъ причины, не естество означаемъ этими именами (ибо никто не усвоитъ одного и того же понятія словамъ: причина и естество), но показываемъ разность въ способѣ бытія. Ибо говоря, что одинъ по причинѣ, а другій безъ причины, не естество раздѣляемъ понятіемъ о причинѣ, но показываемъ только, что бытіе имѣютъ, и Сынъ не нерожденно, и Отецъ не черезъ роженіе. Прежде необходимо намъ увѣриться въ бытіи чего либо, и тогда уже довѣдываться, какъ существуетъ то, въ бытіе чего вѣримъ; ибо иное понятіе о томъ, что существуетъ нѣчто, и иное о томъ, какъ оно существуетъ. Посему сказать: существуетъ сіе нерожденно, значитъ рѣшить: *какъ* оно существуетъ: но этимъ словомъ не показывается вмѣстѣ, что именно существуетъ. И если спросишь земледѣльца о какомъ нибудь деревѣ: посажено оно, или

само собою выросло, а онъ отвѣтитъ, что или дерева не сажали, или отъ насажденія оно выросло, то симъ отвѣтомъ покажетъ ли онъ естество дерева? Нѣтъ. Напротивъ того сказавъ, какъ оно существуетъ, понятіе объ ествѣ оставилъ неизвѣстнымъ и неуясненнымъ. Такъ и здѣсь. услышавъ слово: нерожденный, научены мы, какъ Онъ существуетъ, и какъ намъ надлежитъ разумѣть Его; но что такое Онъ есть, не сказано намъ этимъ словомъ. Итакъ, говоря о таковой разности въ святой Троицѣ, а именно, что, по нашему вѣрованію, одно Лице есть причина, а другое отъ причины, не можемъ уже быть обвиняемы въ томъ, будтобы по общности естества смѣшиваемъ понятіе объ Упостасяхъ. Посему, поелику понятіе причины различаетъ Упостаси святаыя Троицы, утверждая бытіе безъ причины, и бытіе отъ причины: естество же Божіе во всякомъ представленіи разумѣется непремѣннымъ и нераздѣльнымъ: то посему, въ собственномъ смыслѣ, одно Божество, одинъ Богъ, и всѣ другія боголѣпныя имена выражаются въ числѣ единственномъ.

12. КЪ СИМПЛИКІЮ,

О ВѢРѢ.

Чрезъ пророка повелѣваетъ Богъ, ни одного *новію* Бога не признавать Богомъ, и не поклоняться *Богу чуждему* (Иса. 80, 10.). Новымъ же, какъ явно, называется то, что не отъ вѣчности, и наоборотъ, опять вѣчнымъ называется, что не ново. Посему, кто не вѣруетъ, что едиnorodный Богъ отъ вѣчности имѣетъ бытіе отъ Отца, тотъ не отрицаетъ, что Онъ новъ; потому что невѣчное, безъ сомнѣнія, ново, а все новое не есть Богъ, какъ изрекло Писаніе: *да не будетъ тебѣ Богъ новъ*. Посему, кто говоритъ, что нѣкогда Его не было, тотъ отрицаетъ Его Божество. Опять возбраняетъ поклоняться Богу чуждему, кто говоритъ: *ниже поклонишия Богу чуждему*; чуждый же представляется въ противоположность собственному нашему Богу; итакъ, кто же собственный нашъ Богъ? Явно, что Богъ истин-

ный. Кто же чуждый? Конечно тотъ, который чуждъ естеству истиннаго Бога. Итакъ, если истинный Богъ есть нашъ собственный, то единородный Богъ, ежели Онъ, какъ говорятъ еретики, не имѣеть естества истиннаго Бога, будетъ Богъ чуждый, а не нашъ; Евангеліе же говоритъ, что овцы не послушаются *чуждаго* (Іоан. 10, 5.). А кто говоритъ, что Онъ сотворенъ, тотъ доказываетъ, что Онъ чуждъ естеству истиннаго Бога. Посему что же дѣлаютъ утверждающіе, что Единородный сотворенъ? Покланяются ли Ему, какъ сотворенному, или нѣтъ? Если не покланяются, то іудействуютъ, отказывая въ поклоненіи Христу. Если же покланяются, то идолопоклонствуютъ; потому что покланяются тому, кто чуждъ истинному Богу. Но равно нечестиво, и не покланяться Сыну, и покланяться *Богу чуждему*. Посему Сына истиннаго Отца надлежитъ называть истиннымъ, чтобы покланяться Ему, и не быть осужденными за то, что покланяемся *Богу чуждему*. А тѣмъ, которые повторяютъ слова книги Притчей: *Господь созда Мя* (Прит. 8, 12.), и признаютъ въ этомъ твердое нѣкое доказательство того, что Творецъ и Создатель вселенной сотворенъ, надлежитъ сказать, что ради насъ многимъ содѣлался единородный Богъ; будучи Словомъ, сталъ Онъ плотію, будучи Богомъ, сталъ человѣкомъ, будучи безплотнымъ, сталъ тѣломъ.

и еще кромѣ сего содѣлался грѣхомъ, и клятвою, и камнемъ, и сѣкирою, и хлѣбомъ, и овцею, и путемъ, и дверію, и камнемъ, и многимъ тому подобнымъ, не будучи ничѣмъ этимъ по естеству, но ради насъ содѣлавшись по домостроительству.

Посему, какъ ради насъ, будучи Словомъ, содѣлался плотію, и будучи Богомъ, содѣлался человѣкомъ, такъ, и будучи Творцемъ, ради насъ сталъ тварію; потому что плоть сотворена. Посему и сказалъ, какъ чрезъ пророка: *такъ глаголетъ Господь, создавый Мя отъ чрева раба Себѣ* (Иса. 49, 5.), такъ и чрезъ Соломона: *Господь созда Мя въ начало путей Своихъ въ дѣла Своя*. И такъ и въ сказанномъ у Пророка, созданный во чревѣ дѣвы есть рабъ, а не Господь, то есть по плоти человѣкъ, въ которомъ явился Богъ; и здѣсь созданный въ начало путей Божіихъ есть не Богъ, а человѣкъ, въ которомъ явился намъ Богъ, чтобы опять обновить разлѣнный путь человѣческаго спасенія. Посему такъ какъ о Христѣ знаемъ то и другое, — и Божеское и человѣческое, въ естествѣ Божеское, а въ домостроительствѣ то, что по человѣку, то въ слѣдствіе сего Божеству присвоаемъ вѣчность, а человѣческому естеству приписываемъ тварность. Ибо, какъ, по слову пророка, во чревѣ созданъ рабомъ, такъ, по слову Соломона, рабственною сєю тварію явился во плоти. Когда же

скажутъ: если былъ, то не рожденъ; и если рожденъ, то не былъ;—тогда пусть научатся, что особенностей плотскаго рожденія не надлежитъ прилагать къ естеству Божию; потому что тѣла, несуществовавъ прежде, рождаются; Богъ же несуществующее творить существующимъ, а Самъ не происходитъ изъ несущаго. Посему и Павелъ именуеть Его *сіяніемъ славы* (Евр. 1, 3.), въ наученіе наше, что, какъ свѣтъ отъ свѣтильника и отъ свѣтящагося естества, даже вмѣстѣ съ ними (ибо какъ скоро появляется свѣтильникъ, возсіяваетъ вмѣстѣ и свѣтъ отъ него): такъ Апостоль повелѣваетъ разумѣть и здѣсь, что и Сынъ отъ Отца, и Отецъ никогда не былъ безъ Сына. Ибо невозможно славѣ быть не блистательною, какъ невозможно свѣтильнику быть безъ сіянія. Явно же, что какъ быть сіяніемъ—служить свидѣтельствомъ бытія по славѣ, потому что, если нѣтъ славы, то не будетъ и сіяющаго отъ нея: такъ утверждать, что нѣтъ сіянія—служить доказательствомъ, что не было и славы, когда не было сіянія; потому что невозможно славѣ быть безъ сіянія. Посему, какъ невозможно сказать о сіяніи, что, если оно было, то не произошло; и если произошло, то его не было; такъ напрасно утверждать это о Сынѣ, потому что Сынъ есть сіяніе.

Прилагающіе же понятія меньшаго и боль-

шаго къ Сыну и Отцу да научатся у Павла неизмѣрять неизмѣримаго; ибо Апостоль называетъ Сына *образомъ Отчей гипостаси* (Евр. 1. 3.). Изъ сего явствуетъ, что какова гипостась Отчая, таковъ и образъ гипостаси. Ибо невозможно образу быть меньше созерцаемой въ немъ гипостаси. Но и великій Иоаннь учитъ сему, говоря: *въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу*. Тѣмъ, что сказалъ: *въ началѣ бѣ*, а не *послѣ начала*, показалъ, что начало никогда не было безъ Слова; а тѣмъ, что указалъ: *Слово бѣ къ Богу*, означилъ, что Сынъ въ сравненіи съ Отцемъ не имѣетъ ни въ чемъ недостатка: потому что вмѣстѣ со всецѣлымъ Богомъ всецѣло созерцается и Слово. Если бы Слово имѣло недостатокъ въ Своей великости, такъ что не могло бы Оно быть *къ* всецѣлому Богу; то, по всей необходимости, слѣдовало бы признать, что въ Богѣ избытокъ предъ Словомъ неимѣетъ уже Слова. Напротивъ того, во всемъ величій Бога созерцается вмѣстѣ и величіе Слова. Итакъ для Божественныхъ догматовъ не имѣетъ мѣста выраженіе: это больше, а это меньше. Утверждающіе же, что рожденное по естеству не подобно нерожденному, да научатся примѣромъ Авеля и Адама не разсуждать пелѣпо. Ибо и Адамъ по естественному человѣческому рожденію не былъ рожденъ. Амель же родился отъ Адама, а неродившійся называется нерожденнымъ. — по

Адаму нимаго не воспрепятствовало быть человекомъ то, что онъ не родился, и Авеля рожденіе не сдѣлало чѣмъ нибудь инымъ въ естествѣ человекѣскомъ; напротивъ того и тотъ и другой человекъ, хотя одинъ былъ рожденъ, а другой не имѣлъ рожденія. Посему и по божественнымъ догматамъ сіе—быть нерожденнымъ и рожденнымъ—не производитъ разности въ естествѣ; но какъ въ Адамѣ и Авелѣ человекство одно; такъ въ Отцѣ и въ Сынѣ Божество одно.

И о Духѣ Святомъ хулители говорятъ тоже, что и о Господѣ, то есть, что Онъ—тварь; Церковь же равно, какъ о Сынѣ, такъ и о Святомъ Духѣ, вѣруетъ, что Онъ не созданъ, и что всякая тварь чрезъ причастіе превышняго блага дѣлается благою (Духъ же Святыи не имѣетъ нужды въ подаваемой благодати, потому что благъ по естеству, какъ свидѣтельствуется Писаніе); и тварь путеводится Духомъ, Духъ же даруетъ путеводство; тварь управляется, а Духъ управляетъ; тварь требуетъ утѣшеній, а Духъ утѣшаетъ; тварь пребываетъ въ рабствѣ, а Духъ освобождаетъ; тварь умудряется, а Духъ даетъ благодать премудрости; тварь пріемлетъ дарованія, а Духъ раздаетъ со властію. *Ибо вся сія дѣйствуетъ единъ и тойжде Духъ, раздѣляя властію, коемужде якоже хочетъ* (1 Кор. 12, 11.). И въ Писаніи можно найдти тысячи другихъ доказательствъ,

что всѣ высокія и боголѣпныя именованія, какія Писаніемъ придаются Отцу и Сыну, читаются и о Святомъ Духѣ, какъ то: нетлѣніе, блаженство, благость, премудрость, могущество, правда, святость; всякое досточтимое имя также употребляется о Святомъ Духѣ, какъ употребляется оно и объ Отцѣ и о Сынѣ, кромѣ тѣхъ именъ, которыми ясно и неслитно отличаются одна отъ другой вностасти, разумѣю же, что Духъ Святый не называется ни Отцемъ, ни Сыномъ; всѣ же другія имена, какими именуются Отецъ и Сынъ, усвояются Писаніемъ и Святому Духу.

Въ слѣдствіе сего понимаемъ, что Духъ Святый выше твари; а поэтому, гдѣ разумѣется Отецъ, и гдѣ разумѣется Сынъ, тамъ разумѣется и Духъ Святый; ибо Отецъ и Сынъ выше твари, это же послѣдовательность слова свидѣтельствуемъ и о Духѣ Святомъ. Посему, кто Духа Святаго превозноситъ выше твари, тотъ, значить, приѣмлетъ правое и здоровое ученіе; ибо исповѣдуетъ одно несозданное естество, созерцаемое въ Отцѣ и Сынѣ и Святомъ Духѣ. Если же въ доказательство того, какъ думаютъ, что Духъ Святый сотворенъ, представляютъ намъ пророческое слово, въ которомъ сказано: *утверждаай трояб и оздавий духъ* (в)

(в) *Писана*: по славянскому переводу: *вѣтрѣ*.

и возвышай въ чловѣцѣхъ Христа Своего (Ам. 4, 13.); то надлежитъ разумѣть, что пророкъ говорить о созданіи инаго духа въ утвержденіе грома, а не Духа Святаго, ибо громомъ таинственное ученіе именуется Евангеліе. Посему тѣ, въ комъ вѣра въ Евангеліе дѣлается твердою и непреложною, бывъ прежде плотію, посредствомъ вѣры переходятъ въ другое состояніе, дѣлаются духомъ, какъ говоритъ Господь, что *рожденное отъ плоти, плоть есть; и рожденное отъ Духа, духъ есть* (Іоан. 3, 6.). Итакъ утвержденіемъ въ вѣрующихъ евангельскаго слова Богъ творитъ вѣрующаго духомъ; а кто рожденъ отъ Духа, и кого таковъ громъ содѣлываетъ духомъ, тотъ возвѣщаетъ Христа, потому что, какъ говоритъ Апостоль, *никтоже можетъ реши Господа Іисуса Христа, тоію Духомъ Святымъ* (1 Кор. 12, 3.).

43. ПРОТИВЪ УЧЕНІЯ О СУДЬБѢ.

Помнишь, безъ сомнѣнія, что произошло со мною, когда недавно у васъ весьма великая гора невѣрія, говоря евангельски, подвиглась въ вѣру (Матѹ. 17, 20.); потому что премудрый Евсевій въ старости придумалъ достойное своихъ сѣдинъ, если только надобно шимъ держаться той мысли, будто бы это есть примышленіе человѣческое, а не Божественное нѣкое содѣйствіе Того, Кто направляетъ человѣчество во благое. Тогда подлинно изумлялся я необычайности чуда, какъ бывшій прежде въ такомъ невѣріи величіемъ вѣры въ много кратъ превзошелъ мѣру невѣрія. И какъ въ продолженіе нашей бесѣды, зашла какъ-то рѣчь, касающаяся вопросовъ о судьбѣ, получилъ я приказаніе твое, о честная для меня и священная глава, письменно въ посланіи пересказать тебѣ разговоръ, бывшій о семъ предметѣ въ великомъ Константиновомъ градѣ съ однимъ изъ философовъ. Итакъ, улучивъ ненадолго досугъ, въ немно-

гихъ словахъ, сколько можно, сокращая рѣчь, изложу тебѣ въ простомъ и необработанномъ разсказѣ, всего болѣе остерегаясь того, чтобы рѣчь, простертая до обширности разсужденія, не переступила далеко мѣру посланія.

Предложилъ я нѣсколько словъ о нашемъ благочестіи одному мужу, обученному внѣшней мудрости, какъ можно было догадываться изъ того, что онъ говорилъ, и намѣревался его убѣдить, чтобы отъ еминства перешелъ въ согласіе съ нашимъ ученіемъ. Но какъ приводилъ онъ много доказательствъ, что избраніе чего либо по своей волѣ не во власти желающихъ, напротивъ того связывалъ человѣческую жизнь какою-то необходимостію, безъ которой не можетъ ничего сдѣлаться изъ бывающаго съ нами, и отражалъ мое ученіе слѣдующими словами: если опредѣлено ему сдѣлаться христіаниномъ, то сдѣлается непременно, хотя бы и мы того не хотѣли; если же возбранено сіе будетъ необходимостію судьбы, то не сдѣлается возможнымъ изобрѣсти какой либо способъ, чтобы имъ преодолѣть судьбу; то, поелику говорилъ онъ это, думалъ я, какъ и естественно было, что онъ избѣгаетъ случая дознать что либо о вѣрѣ, будучи глубоко погруженъ въ еминство, и симъ способомъ желая отразить продолженіе нашего слова. Но не переставалъ онъ держаться того же, утверждая, что все подчине-

но необходимости судьбы, что она во главѣ сущаго, ея вращенію покорствуютъ всѣ существа, и долгота жизни, и разность въ нравахъ, и избраніе рода жизни, и устроеніе тѣлъ, и неравенства достоинствъ, такъ что необходимо начальствуетъ, кто по судьбѣ достигаетъ начальства, по той же причинѣ иный пребываетъ въ рабствѣ, а также богатѣетъ и бѣднѣетъ; и опять здоровое и немощное сложеніе тѣла, короткая жизнь и долговѣчность ту же имѣютъ причину. Ибо кто и малое число дней наслаждается жизнью, и кто проводитъ ее долгое время, не по собственному усилію, но по оной необходимости, тотъ и другой получаютъ то и другое; иначе, какъ судьбою, дается въ удѣлъ и произвольная и произвольная смерть, и разнообразныя виды смерти насильственной, причиняемой въ несчастныхъ случаяхъ, или удавленіемъ, или судебнымъ приговоромъ, или по злоумышленію. И сихъ еще болѣе общія и многообъемлющія страданія, землетрясенія, кораблекрушенія, наводненія, бѣдствія отъ огня и всѣ подобныя виды золь представляя зависящими отъ оной причины, присовокупляя, что и въ житейскихъ занятіяхъ нисколько не властенъ разсудокъ избирающаго. Но всѣ, утверждалъ онъ, служатъ владычеству судьбы, когда кто философствуетъ, или ораторствуетъ, или воздѣлываетъ землю, или мореходствуетъ, избираетъ жизнь супружескую,

или безбрачную; а также необходимость и для добродѣтели и порока, такъ что, по неминуемому сему жребію, одинъ привязался къ жизни болѣе возвышенной, проводимой въ нестяжательности и свободѣ, другой же раскапываетъ гробы, или на морѣ разбойничаетъ, или не потребствуетъ, или изиѣживаетъ себя распутною жизнію. Перечисляя все сему подобное, думалъ онъ, что представилъ сильную причину непринимать нашего ученія, показавъ, что не отъ насъ зависитъ власть избирать, чего пожелаемъ, но должны ожидать сего отъ оной необходимости, которая если положить начало такому стремленію, дѣломъ необходимости будетъ и нехотя послѣдовать ученію; безъ этой же необходимости невозможно сдѣлаться этому и при сильномъ желаніи.

Когда проговорилъ онъ это и подобное тому, спросилъ я его: не Богомъ ли какимъ почитаетъ онъ имѣющаго державу надъ всѣмъ, и величаемаго именемъ судьбы, и чьею волею, по вѣрованію его, устроятся дѣла каждаго? Онъ же, осудивъ меня за великое маломіе, выказанное въ этомъ вопросѣ, сказалъ: не разумѣешь ты, кажется мнѣ, ничего небеснаго. Иначе зналъ бы ты силу судьбы, и какъ эта сила неминуемо объята цѣною событій. Когда же на эту рѣчь выразилъ я удивленіе, и пожелалъ дознать нѣчто болѣе ясное, именно, представляетъ ли онъ судьбу какою

либо силою свободною, самоправною, не рабскою, оказывающею въ себѣ превысшую нѣкую власть, или подъ именемъ судьбы понимаетъ нѣчто иное; опять возвращаясь къ прежнему слову, говоритъ онъ: кто наблюдалъ движеніе небесныхъ тѣлъ, зодіакальный кругъ, двѣнадцать на немъ отдѣловъ, равно отстоящихъ другъ отъ друга по очертаніямъ видимыхъ созвѣздіи, постигъ силу каждой изъ звѣздъ, то есть, какую силу имѣетъ каждая сама по себѣ отъ природы, и что производитъ собраніе звѣздъ при извѣстномъ взаимномъ ихъ соединеніи, когда свойство каждой изъ нихъ по возможности смѣшано приближеніемъ къ другой, и отдѣлено удаленіемъ отъ другой; что опять производятъ прохожденіе въ низу нижней звѣзды, и что затмѣніе во время перехода и опять возстановленіе верхней, разнообразное расположеніе сходящихся и расходящихся звѣздъ, описуемое треугольными, или косвенными очертаніями, или составляющее какое либо иное изъ извѣстныхъ въ геометріи очертаній.—кто уразумѣлъ сіе и подобное сему; тотъ узнаетъ означаемое словомъ: судьба; потому что именемъ судьбы объясняется необходимо совершаемое при извѣстномъ сочетаніи звѣздъ въ какой-то неминуемой цѣпи.

Поелику же мнѣ и это опять казалось страннымъ, потому что не понималъ я ничего имъ утверждаемаго, какъ необучавшійся этой на-

укѣ: то просилъ я объяснить мнѣ сказанное тѣмъ, изъ чего могъ бы я познать смыслъ слова: судьба. Ибо что звѣздные круги одинъ въ другомъ заключаются, и движеніемъ противоположнымъ прямому обращенію вращаются внутри, всѣ же они описываютъ кругъ зодіака, — это, сказалъ я, слышалъ и отъ другихъ, и въ слѣдствіе сего несомнѣваюсь, что лучи свѣтлыя, по особому каждаго полюса круговращенію, сближаются и расходятся, низшее проходить въ низу, верхнее скрывается отъ нашихъ взоровъ, если бываетъ позади проходящаго въ низу. И что въ слѣдствіе сего естественно заключать, если изъ звѣздъ составляется какое либо очертаніе, когда кругъ собственнымъ движеніемъ вращаетъ находящуюся на немъ звѣзду; такъ что она во время перехода бываетъ, или на одной прямой чертѣ съ верхнею надъ ней звѣздою, или на сторонѣ ея, если въ малое, и если въ большее, продолженіе времени совершается полный оборотъ каждой изъ звѣздъ, такъ какъ онѣ, по величинѣ отношенія къ каждому изъ круговъ, необходимо или скорѣе или медленнѣе движутся при обратномъ вращеніи, — о всемъ этомъ и о подобномъ сему просилъ я умолчать, ясно же раскрыть мнѣ только могущество судьбы, Богъ ли какой разумѣется подъ именемъ судьбы, отъ Котораго зависитъ держава вселенной, и Который всѣмъ управляетъ полновла-

стно, по избытку силы, какъ угодно Ему; или предполагается, что сила судьбы служебна другой нѣкой высшей дѣятельности, такъ что и она сама нѣкоторымъ образомъ состоитъ подъ властію другой судьбы, сопоставленной съ высочайшею причиною всего? Ибо, если повѣримъ, что судьба имѣетъ державу надъ всѣмъ, то послѣдовательность рѣчи приведетъ къ той мысли, что ей ничто не служитъ началомъ. Если же утверждаемъ, что судьба, послѣдую движению звѣздъ, надъ всѣмъ господствуетъ съ насильственной нѣкою необходимостію; то безопаснѣе было бы скорѣе предшествующему, нежели послѣдующему, присвоить эту всемогущую власть, и звѣзды назвать причиною сего, именно же или прямое ихъ круговращеніе, или внутри круговращенія сего усматриваемые круги, или кругъ описываемый на оси косвенно. Ибо если кто предположительно согласится, что звѣзды не движутся и вѣчнымъ круговращеніемъ не производится между ними взаимнаго передвиженія одной отъ другой, но всегда состоятъ онѣ въ одномъ и томъ же расположеніи; то неосостоится судьба. Итакъ, если движеніе звѣздъ пораждаетъ судьбу, то напрасно признается она господствующею надъ всѣмъ другимъ, если она сама въ рабствѣ у высшей причины, и не существуетъ, какъ скоро нѣтъ движенія.

Но оный философъ говоритъ: не это и не

такъ полагаеть наше ученіе; по оному судьба не сама по себѣ представляется, какъ нѣкая личность; напротивъ того, поелику въ существахъ есть одно нѣкое сочувствіе, и все само въ себѣ связано, и отдѣльныя части, разсматриваемыя въ цѣломъ, какъ бы въ одномъ тѣлѣ, объемлются единымъ согласіемъ, потому что всѣ части одна съ другою тѣсно соединены; поему, такъ какъ верхній удѣлъ гораздо главнѣе, все земное примѣняется къ тому, что идетъ впереди, и согласуется съ этимъ, потому что сообразно съ движеніемъ того, что вверху, необходимо движется все здѣшнее, по преимуществу же, какъ сказано, силою каждой усматриваемой звѣзды. Какъ во врачебномъ составѣ качества веществъ, по какому либо закону искусственно смѣшанныя, въ общемъ раствореніи производятъ нѣчто иное, а не то, чѣмъ было каждое вещество до взаимнаго ихъ смѣшенія; такъ, поелику и звѣздныя силы оказываются съ различными свойствами, то разнообразное, происходящее отъ сближенія и разстоянія звѣздъ, сочетание различныхъ свойствъ производитъ многообразныя различія совершающагося въ жизни, какъ бы нѣкимъ потокомъ непрерывно оттолѣ злющимся на насъ. Поему-то предсказанія будущаго, дѣлаемыя любомудрствующими о семъ тщательнѣе, бывають непогрѣшительны. Ибо, какъ свѣдущій во врачебномъ искусствѣ, если

горячительное или производящее овѣмѣніе лѣкарство смѣшано съ соленымъ или вяжущимъ, предсказываетъ свойство составляющееся отъ смѣшенія разнообразныхъ веществъ, а также и что оно производитъ. и долго ли будетъ имѣть силу. и кому бываетъ губительно, кому же спасительно; такъ, кто со тщаніемъ внимаетъ горнему, постигъ природу каждаго существа, тотъ познаетъ силу сочетанія ихъ качествъ. что она производитъ. Самый же потокъ сей и на малое время не бываетъ самъ себѣ подобенъ. Напротивъ того послѣку движеніе входящихъ во взаимное сочетаніе звѣздъ никогда не останавливается: то и онъ необходимо измѣняется, непрерывно переимчиваясь, согласно съ движеніемъ. всегда состоя въ связи съ разнообразіемъ движенія, и по движенію звѣздъ измѣняя свои дѣйствія. И каждый изъ вступающихъ въ жизнь, привлечши себѣ изъ сего потока ту долю, какая достается ему, сообразно этому мгновенію (г) времени, дѣлается тѣмъ, что предуказало и произвело свойство этой части. Ибо по всей необходимости, какъ отпечаткомъ печати, сдѣланнымъ на воску, отпечатлѣвается видъ изображенія, такъ и человѣческая жизнь какою долею силы, истекающей изъ движенія звѣздъ, бываетъ увлечена, по

(г) Мгновенію рожденія.

свойству оной части и должна отпечатлѣваться и дѣлаться тѣмъ, что имѣла въ себѣ доля истеченія, которую мгновенно привлекъ начинающій жизнь, и которою однажды будучи запечатлѣнъ сообразно примѣчаемой тамъ силѣ, необходимо сообразуется въ свойствѣ образа жизни, дѣлая, или претерпѣвая то, чему начало и причины положила для него первая встрѣча съ звѣзднымъ онымъ потокомъ.

Когда сказалъ онъ это, замѣтилъ я ему: ужели не перестанешь распространяться предо мною въ пустословіи и въ бредняхъ, доказывая, что недѣлимая оная доля мгновеннаго приобщенія притекаетъ къ намъ свыше, по словамъ твоимъ, служа причиною всего, что въ насъ; но не скажешь, одушевлено ли это, и имѣеть ли свободное произволеніе, и какъ господствуетъ надъ одушевленными неодушевленное, неимѣющее самостоятельности, неспособное показать, что есть въ немъ какое либо собственное, природное стремленіе? Напротивъ того, надъ всякою волею, надъ предусмотрительностію разсудка, надъ ученостію, тщательностію и добродѣтельными предначинаніями въ словѣ своемъ поставилъ ты, какъ бы какимъ самоуправнымъ властелиномъ и владыкою, что-то неодушевленное, несвободное въ произволеніи, непостоянное, преходящее, недѣлимое, несостоятельное; и въ зависимости отъ силы этого поставляешь составъ

и управленіе существъ, и не видишь, въ какія немѣпости вдается ученіе твое? Ибо если доля онаго потока имѣеть таковую силу, что по оной совершается, что пришло въ бытіе при первомъ ея происхожденіи; то, конечно, потому что непослѣдовательно, но предварительно направляется ею состояніе существъ. Посему доля сія, по мѣрѣ собственной силы своей, поведеть раждаемаго, и не будетъ услуживать рожденному при встрѣтившихся ему обстоятельствахъ. Ибо не видно здѣсь, что чего первоначальнѣе; потому что то и другое во мгновеніе равно одно съ другимъ сходится. И человекъ прежде исшествія изъ ложеснъ находится въ какомъ-то движеніи, движимый умаленіемъ и возрастаніемъ въ естествѣ, потому что и сіе составляетъ родъ движенія; и звѣзда, прежде нежели человекъ привлечеть въ себя воздухъ, уже въ движеніи, и не стоитъ. И встрѣча равно встрѣчающихся между собою въ слѣдствіе движенія, затруднительнымъ дѣлаеть для судіи рѣшить, что чему предшествуетъ: ибо и звѣзды движутся круговращаясь, и раждаемое совершаетъ естественный свой путь. Если же то и другое взаимно сходится въ одну часть времени; то какая у нихъ между собою разность, чтобы одно признать причиною другаго? Ибо если человекъ по причинѣ звѣздъ; то природѣ надлежало бы непрестанно истекать рожде-

ніемъ, ни на мгновеніе непоказывая никакого перерыва въ появленіи на свѣтъ человѣческаго рода. Если же много бываетъ промежутковъ между появленіемъ раждающихся; то ясно показывается, что не движенію звѣздъ послѣдуетъ рожденіе человѣческое. Ибо звѣзды всегда движутся, а люди не всегда раждаются; напротивъ того и звѣзды идутъ собственнымъ своимъ порядкомъ, и у людей опять самъ по себѣ особый порядокъ, и что далеко между собою по природѣ, того никакая необходимость не связываетъ другъ съ другомъ. Если же ученіе ваше утверждаетъ это, а именно, что въ оной долѣ времени заключается причина всего, что бываетъ въ жизни; то смотри, сколько тьмы владыкъ и самоуправныхъ властелиновъ производятъ всякій день, а равно и всякая ночь, въ эти краткіе и мгновенные отдѣлы времени; потому что ночь и день, какъ говорите, дѣлятся на двадцать четыре часа, а каждый часъ подраздѣляется на шестьдесятъ удѣловъ; и опять каждый изъ сихъ удѣловъ еще дѣлится на такое же число малѣйшихъ частей; а какъ говорятъ у васъ прибѣгающіе въ словѣ къ утонченнѣйшему наблюденію подобныхъ вещей, и каждая опять изъ сихъ поименованныхъ частицъ подвергается новому равночисленному раздѣлу. Итакъ составяемое изъ нихъ множество мгновенныхъ оныхъ боговъ, или владыкъ, или са-

моуправныхъ властелиновъ, или не знаю, какъ и назвать ихъ надлежитъ, превышаетъ собою двадцать одну тьму (д). Если же одинъ часъ производитъ намъ столькія тьмы доль; то двадцать четыре часа въ отношеніи къ одному многократно взятые, конечно, породятъ неисчетныя тьмы доль. А ваше ученіе утверждаетъ, что каждая изъ сихъ доль имѣетъ неизбѣжную силу. Изъ сего слѣдуетъ, что ни одна изъ нихъ не бездѣйственна; потому что бездѣйствія не назовешь отличительнымъ свойствомъ силы, безъ сомнѣнія же, сила усматривается въ дѣятельности. Посему равны силѣ и ея произведенія; такъ что сколько въ каждомъ часу частицъ, столько по необходимости составляется въ оной и человѣческихъ рожденій. И если каждой долѣ надлежитъ принести одинаково могущество; то равнозначительность силы равно сдѣластъ всеѣхъ царями, долголѣчными, сильными, благополучными, счастливыми, имѣющими все, что почитается самымъ дорогимъ жребіемъ. Ибо недостатокъ въ чемъ либо изъ сего дѣлается обвиненіемъ несовершенства въ силѣ. И никто не припишетъ равной силы производящему и великое и малое. Напримѣръ одинъ пережилъ за сто лѣтъ въ цвѣтущей здоровіи и благополучной

(д) Т. е. двѣсти десять тысячъ.

старости, окруженный дѣтьми, сопровождаемый внуками и радуемый цѣлымъ отъ нихъ родомъ, не знающій болѣзней и страданій, почтенный, безпечальный, въ изобиліи надѣленный богатствомъ и всѣмъ, если что иное почитается дорогимъ въ этой жизни, наконецъ всѣми ублажаемый. Другой въ тоже время, какъ произошелъ на свѣтъ, задушенъ: многіе изъ раждаемыхъ, будучи плодомъ блуда или прелюбодѣянія, гибнуть отъ матерей, которыя, родивъ ихъ незаконно и своими руками предавая смерти, скрываютъ тѣмъ свою улику. Гдѣ же видно на нихъ могущество доли? Почему для той же мѣры жизни сила судьбы оказалась недостаточною? Если вамъ ученіе почитаетъ для себя должнымъ приписывать ей могущество, то сила ея окажется равною для всѣхъ существъ; а не будетъ на одно достаточною, на другое же недостаточною; если дѣйствительно признается силою; потому что сила познается по произведеніямъ. Поэтому никакой ѳнеправильности не будетъ имѣть жизнь, когда всѣ равно показываютъ въ себѣ высочайшую мѣру благополучія; потому что всѣ, по ученію вашему, подлежатъ судьбѣ: а судьба все и всегда можетъ, говорите вы.

Итакъ, если все и всегда можетъ эта судьба, то возможетъ она все и надъ всѣми. По многочисленны и многообразны разности жиз-

ни у людей, по ихъ достоинствамъ и имуществамъ, по продолжительности времени, по сложенію тѣла, и по всему, отъ чего человѣкъ именуется или блаженнымъ, или злосчастливымъ.—А что не все можетъ эта созидаемая вашимъ словомъ доля, или судьба, это ясно показываетъ неравенство произведеній. Ибо если долговѣчность почитаемъ дѣломъ силы: то кратковременность жизни, конечно, есть дѣло немощи. Посему надлежитъ признать за несомнѣнное, что иная судьба немощна, а другая могущественна; потому что кратковременность противоположна долговременности; а потому-то каждая изъ нихъ производится, конечно, противоположностями. Ибо никто не поставитъ въ зависимость отъ одной и той же причины и блаженство и злосчастіе; но если въ одномъ преуспѣваемъ въ слѣдствіе того, что есть сила, то другое, конечно, не произойдетъ безъ недостатка въ силахъ. Ибо не въ иномъ чемъ заключается злосчастіе, какъ въ неимѣніи силъ сдѣлаться блаженнымъ. Но большая часть людей злосчастливы въ продолженіе жизни; слѣдовательно безсиліе судьбы оказывается въ большей мѣрѣ, нежели ея сила. Посему гдѣ же эта непреоборимая, всемогущая, неминуемая необходимость, у которой бы во власти состояло управленіе всѣмъ житейскимъ, когда по связи рѣчи обличилась она безсильною въ большей части случаевъ?

Но скажешь, что, какъ одному хочется она этого, такъ другому равно не хочется, но для обоихъ имѣеть силу сдѣлать, что ей угодно. Посему, конечно, представишь и причину разности сихъ произволеній. И тотъ и другой человѣкъ; не видишь въ обоихъ никакого различія по естеству, ни у того, ни у другаго нѣтъ хорошаго или дурнаго въ произволеніи; но одинъ, предваривъ какою либо малостію во времени, вышелъ изъ матерней утробы, потому что такъ случайно извергло его естество; а другой или непосредственно, или вскорѣ послѣдовалъ за нимъ. И послѣ этого не одна и таже жизнь дается въ удѣлъ обоимъ; но одинъ счастливецъ, или, если случится такъ, царь, съ перваго дня рожденія обложенъ золотомъ и багрянницею; а другой, сынъ какого нибудь бѣдняка, или раба, не вернуться даже въ рубище родившими его. Посему чѣмъ же неправъ малостію времени предварившій или опоздавшій, не по собственному намѣренію, но по движенію естества, чтобы за это получить ему въ удѣлъ безчестную жизнь? Какое оправданіе въ семь найдете этой вашей владычицѣ? Гдѣ правда, гдѣ благочестіе? Гдѣ святость? Или скажешь, что ни о чемъ этомъ не заботится судьба, не обращаетъ вниманія на добродѣтель, не имѣеть попеченія ни о какомъ добрѣ? Посему, если не это у ней на попеченіи, то, конечно,

озаботится она противоположнымъ ; потому что отчужденіе отъ добра ясно показываетъ освоеніе съ зломъ.

Но скажешь можетъ быть, что нѣтъ у ней заботы ни о томъ, ни о другомъ? Посему утверждаешь, что она есть что-то неодушевленное, не свободное, не чувствительное ни къ доброму, ни къ худому. А если судьба не имѣетъ ни души, ни произволенія, и не усматривается въ ней собственной самостоятельности; то почему свидѣльствуете, будто бы имѣетъ такую силу, что управляетъ свободными живыми существами, и владѣетъ состоятельными несостоятельнымъ, причастными жизни—непричастное оной, одушевленными—неодушевленное, живущими свободно—не имѣющее свободы, упражняющимися въ добродѣтели—не способное къ добродѣтели, однимъ словомъ, существующимъ—несуществующее? Посему въ чемъ же заключается существенность этого пресловутаго имени? Это не животное, не усматривается въ очертаніи, не почитается Богомъ; ибо какъ быть Богомъ необращающему вниманія на добродѣтель и справедливость? А ежели не есть чѣмъ либо изъ исчисленнаго; то что же это такое? Но, вѣроятно, судьбою называется у васъ всегда настоящее во времени; потому что время спротяженно всякому движенію, рѣкъ ли то, или звѣздъ, или людей. Никакой нѣтъ разности, если, сидя при

водѣ, недѣлимья, по причинѣ вѣчно настоящаго времени, частицы означать движеніемъ потока, или корабля, носимаго вѣтромъ, или людей, совершающихъ путь, или подвижныхъ звѣздъ: потому что для всего переходно движущагося одинъ законъ движенія,—переходъ съ мѣста, которое оно занимаетъ, на мѣсто, на которомъ сего нѣтъ. Если же ни теченіе потоковъ, ни движеніе кораблей, ни шествіе людей,—означая продолженіе времени, не дѣлается судьбою; то почему вымышляете, что временные знаки движенія звѣздъ производятъ изъ себя судьбу, и утверждаете, будто бы такой-то часъ, или самонамалѣйшая частица часа, которая означена такимъ-то знакомъ звѣзднаго движенія, дѣлается судьбою? Почему не со всякимъ непременно знакомъ совпадаютъ рожденія людей? Ибо повторю опять тоже слово. Въ чемъ причина, по которой человѣку, хорошо или худо, въ томъ же самомъ, конечно, причина и того, что онъ существуетъ. Посему, если отъ звѣздъ то, что бываетъ по рожденіи; то отъ нихъ же, конечно, и рожденіе. Если же не отъ нихъ рожденіе; то не отъ нихъ же и то, что по рожденіи. А что причина рожденія не въ звѣздахъ, видно сіе изъ слѣдующаго, а именно изъ того, что безостановочно, подобно рѣкѣ, съ непрерывно движущимся теченіемъ преходящаго времени, текутъ вмѣстѣ и человѣческія

рожденія происходящихъ на свѣтъ; напротивъ того, рожденія съ промежутками, а въ происхожденіи тѣхъ доль, которыя текущее время производитъ приснодвижностію звѣзднаго стремленія, никакого промежутка невозможно уловить ни чувствомъ, ни мыслию. Посему что же такое эта судьба? Одна ли она родовая, или ихъ много, и онѣ раздроблены по частицамъ времени,—сего, въ какой бы то ни было связи, не въ силахъ постигнуть разумъ.

Скажете ли, что движутся звѣзды? И мы указываемъ на движеніе рѣкъ. Но тѣ движутся всегда; и рѣки также непрестанно. Но звѣзды во времени: и рѣки не въ времени. Но для звѣздъ невозможно отыскать временнаго начала движенію; какое же начало во времени придумаешь и для рѣкъ? Но звѣзды движутся всегда по однимъ и тѣмъ же путямъ и одинаково; и рѣкамъ никто не припишетъ противоположнаго движенія; потому что вода всегда естественно течетъ съ высшаго мѣста по скату внизъ. По этому, или уступите намъ, что и движеніе рѣкъ пораждаетъ какія либо судьбы, или мы не уступимъ этой силы движенію звѣздъ. Но такую-то силу, говорятъ, имѣютъ овенъ или телець, и такую-то каждая изъ планетъ. Посему, когда, человѣкъ рождается подъ вліяніемъ чего либо изъ поименованнаго, и какой нибудь планеты, которая или одна или

съ другими круговращается періодически, — тогда это соединеніе силы родившемуся въ тотъ часъ дѣлаетъ жизнь соотвѣтствующею рожденію. Какое пустословіе! Тельца, по какой-то случайности называете рабственнымъ, потому что это животное укрощается ярмомъ; и овна—благодѣтельнымъ, потому что приноситъ волну; о рождающемся же подъ вліяніемъ котораго либо изъ нихъ утверждаете, что такое-то созвѣздіе вращающееся противоположно, по силѣ естественно въ немъ пребывающей, въ слѣдствіе смѣшенія особыхъ свойствъ, уготовляетъ такую-то долю рождающихся. Итакъ что же? Скажи мнѣ, добровольно ли телець сталъ подъяремнымъ? Ужели будешь утверждать, что овну желательно, чтобы его стригли? Вредоносная и приводящая въ оцѣпненіе сила у звѣзды, описывающей вершину неба, или горячительная у звѣзды огневидной, или у другой какой изъ видимыхъ звѣздъ, какая бы то ни была сила, по доброй ли волѣ, или противъ воли звѣзды, въ ней находится? Если добровольно пребываютъ онѣ во злѣ, и по произволенію дѣлаются вредоносными; то утверждающій это прямо провозглашаетъ ихъ несчастіе, потому что, когда во власти ихъ была лучшая участь, онѣ находятъ для себя удовольствіе въ безчестномъ. Если же не по своему произволенію, но по какойнибудь необходимости, каждая звѣзда

сдѣлалась тѣмъ, за что вы ее почитаете; то значитъ, что и надъ ними еще какая нибудь высшая другая судьба спряла качества ихъ естество и силъ, такъ что нужно искать иныхъ звѣздъ, болѣе могущественныхъ, нежели первыя, и особаго въ самомъ себѣ движенія, извѣстное сочетаніе которыхъ, по какой-то необходимости судьбы, сдѣлало, что или телець рабственъ, или овенъ вредоносенъ, или ракъ безголовъ, или, если что иное о каждой изъ звѣздъ разглашаютъ, эти любители пустословія, мудрецы. И если сін явленія у насъ таковы по необходимости какой либо судьбы: то, конечно, разумъ и для оной высшей необходимости придумаетъ другую причину, дѣлающую необходимымъ таковое состояніе, а для сей другой иную, и для иной опять еще иную; и такимъ образомъ нашъ разумъ, простираясь въ безконечность, нигдѣ не остановится, примышляя для судьбы судьбу, для доли долю, для необходимости необходимость.

Когда высказалъ я это, и такими разсужденіями показавъ въ ученіи нецѣпости, бесѣдующій со мною философъ, прервавъ быстрое теченіе рѣчи, говоритъ: для чего съ такимъ усиліемъ споришь? Почему не слѣдуешь тѣмъ, которые по вычисленіямъ донскались истины во всемъ, и, если точно взять ими часъ рожденія происшедшаго на свѣтъ, предсказываютъ всю по порядку жизнь родившагося: время,

родъ жизни, свойства нравовъ, опасные случаи, супружество, чадородіе, удачу въ полученіи чиновъ, или наоборотъ, бездѣтство, болѣзни, незнатность, краткость жизни и бѣдствія бѣдности? Посему, такъ какъ все это въ точности предозначено, и истина засвидѣтельствована исполненіемъ: какое еще у тебя основаніе невѣрить въ необходимость судьбы? — Но я, сказавъ, что причины такихъ предсказаній изслѣдую нѣсколько послѣ, спросилъ: полагаютъ ли, что неразумна и случайна причина, по которой сбываются подобныя вещи, или находятъ и нѣкое основаніе въ семь наблюденіи, такъ что происходящее совершается естественно? И очень, отвѣчалъ онъ; всему, что бываетъ, есть своя причина. Ибо когда отъ извѣстнаго совпаденія звѣздныхъ качествъ въ раждаемомъ образуется такое-то сложеніе тѣла: тогда въ точности постигшии ученіе о небесныхъ свѣтилахъ предузнаеть, что такое-то сложеніе образуется у родившагося, и жизнь можетъ простираться до такой-то мѣры, и именно, большей при здоровомъ, и онять меньшей при болѣзненномъ, сложеніи тѣла.—А я, разсмѣявшись на эти слова, сказалъ ему: утайлъ ты отъ насъ, что, по твоему мнѣнію, судьбы ведутъ свой родъ отъ Галена, Иппократа и подобныхъ имъ; потому что и они, отложивъ въ сторону движеніе звѣздъ, по вѣрному взгляду на под-

лежащее предсказывают будущее. Когда глаза впалы, виски ввалились, на лбу кожа отвердела, предрекают смерть. А у многих, говорилъ я, когда въ самомъ болѣзненномъ состояніи были тѣла, и почти уже ожидали они себѣ смерти, врачевнымъ искусствомъ вновь спрядены нити таковой судьбы. Такъ напри- мѣръ и объ учителѣ Продикѣ предаю намъ Платоново слово, что, хотя не могъ онъ тѣлесными упражненіями привести тѣло въ совершенное здравіе, потому что болѣзнь была смертельная, однакоже, всегда искусно отдаляя близкую смерть, уготовлялъ себѣ, если не безопасность жизни, то соблюденіе отъ смерти; почему и дожилъ до старости, ухитрившись по медлительности смерти не умирать. И такъ и по этому разсказу судьба не принимается у васъ, какъ нѣчто непоколебимое, какъ скоро сыскивается какое либо искусство устранить необходимость. — Но такое разсужденіе, говоритъ философъ, нимало не опровергаетъ доказательства, заимствуемаго въ пользу судьбы изъ предсказаній; ибо возможно и это предсказать тому, кто съ точностію наблюдалъ движеніе небесныхъ свѣтилъ, такъ что одному навѣрное, а другому подъ сомнѣніемъ, предречена будетъ смерть. — Но я замѣтилъ: не такимъ образомъ подтверждается законъ необходимости; ибо иной законъ случайнаго, когда возможно произойти тому или

другому, и иный законъ непреложнаго, котораго не должно прилагать къ случайному, и которое непремѣнно—или то, или другое: а колебаться надеждами о томъ или другомъ исходѣ дѣла,—далеко отъ законовъ необходимости. Сверхъ сего, говорю я философу, на какомъ основаніи думаете, что предсказаніе будущихъ событіи имѣеть достовѣрность?—Многократно, говоритъ онъ, слышалъ ты мое объ этомъ слово, и еще теперь спрашиваешь о томъ же? Именно же сказано, что у звѣздъ есть нѣкоторыя особыя у каждой силы: а при-сходвижность въ теченіи извѣстнымъ ихъ соединеніемъ производитъ тьмочисленныя разности въ силахъ. Посему, кто вступилъ въ жизнь рожденіемъ, тотъ, отпечатлѣвъ въ себѣ вынадающую ему долю времени, отъ вліянія звѣздъ получившую извѣстный образъ, что окажется заключающею въ себѣ сила того часа, то же по необходимости будетъ имѣть и въ отношеніи къ жизни; иначе же не бываетъ. —Посему что же такое, сказалъ я, бѣдствія на войнѣ, землетрясенія, паденія городовъ, крушенія кораблей, нагруженныхъ десятками тысячъ людей, наводненія, пожары, разверзшіяся пропасти, и подобнаго сему рода всегубительства? Какъ спасется при этомъ ученіе о предсказаніяхъ? Сколько страданій представила жизнь и въ прежнія и въ наши времена? Таковы на примѣръ потопъ при

Ноѣ и сожженія Содома, или египетское войско, погрязшее въ Черномъ морѣ; или потомъ пораженія иноплеменниковъ, эти тьмочисленные избіенія людей, или ненасильственная смерть народа израильскаго, въ краткое время погибшаго во многихъ тысячахъ, или сто восемьдесятъ пять тысячъ ассиріянь, умерщвленныхъ въ одно мгновеніе времени, сказанія о послѣдовавшихъ бѣдахъ, о несчастіяхъ, постигшихъ мидянъ и эллиновъ, о великихъ битвахъ на морѣ и на сушѣ; и все сему подобное, о чемъ памятованіе дѣлается поучительнымъ для послѣдующихъ родовъ. Хотя бы и молчаніемъ прешли мы все это, въ засвидѣтельствованіе утверждаемаго достаточно было бы и того, что повѣствуетъ наша жизнь. Кто не зналъ этого великаго главнаго города въ Вавилоніи, принадлежавшаго къ числу господствующихъ? Кому неизвѣстна широкая и пространныя Фракія? Кому неизвѣстно и то, какъ въ краткое продолженіе времени одинъ до основанія сокрушенъ войною, а другая разорена землетрясеніемъ и огнемъ? Сколько тамъ было дѣтей, сколько младенцевъ, средневозрастныхъ, престарѣлыхъ, свободныхъ и рабовъ, властвующихъ и подвластныхъ, богатыхъ, бѣдныхъ, здоровыхъ, больныхъ, и всѣхъ погибли въ одно мгновеніе времени! Всѣхъ равно употребилъ себѣ въ пищу огонь; для всѣхъ дома ихъ стали гробами. Гдѣ же соеди-

ненія оныхъ звѣздъ, опредѣляющія людямъ разности въ жизни? Или для всѣхъ этихъ людей одно стеченіе звѣздъ рѣшило муки рожденія, и всѣмъ въ часъ рожденія выбросилъ ихъ долю Ракъ? Тьмочисленныя разности возрастовъ и чиновъ свидѣлствуютъ, что не всѣ они вмѣстѣ другъ съ другомъ рождены на свѣтъ. Если же у каждаго время рожденія различно, а тождество бѣдствій не допустило никакой перемѣны, не смотря на причину заключающуюся въ рожденіи; то не обличается ли и симъ нетвердость и несостоятельность предсказанія?

Напротивъ того, говоритъ философъ, и у корабля, и у города, и у всякаго народа есть судьба; по первому положенію звѣздъ прядущая послѣдующую долю; и содержимое по необходимости согласуется съ содержащимъ. — Посему кто же эта Илиѳія (e) при кораблестроеніи? Какое рожденіе у города? Съ какого начала усматриваемъ рожденіе народа? Дровосѣкъ рубить дубъ, торгующій лѣсомъ пускаетъ его въ продажу, кораблестроитель покупаетъ дерево за деньги, дѣлитъ на части производство работъ; одинъ пилою распяливаетъ дерева въ доски, другой строить под-

(e) Илиѳія -- божество у язычниковъ, которое представляли они присутствующимъ при рожденіи дѣтей.

водную часть корабля; иной прилагаетъ стараніе о приготовленіи поперечныхъ связей: кто занять отдѣлкою корабельнаго носа, а кто - кормы; у кого забота о мачтѣ, а у кого о райнѣ; одни выютъ канаты изъ льна: кормчему заботою служить правило у руля; иные обдѣлываютъ палубу, и готовятъ вѣтрила; другіе наводятъ украшенія живописи: иные же смолою обмазываютъ связи, и строятъ въ среднѣ трюмъ. Конечно не все вмѣстѣ дѣлаютъ свое дѣло; но одинъ нынѣ, другіе нѣсколько послѣ: одинъ работу свою привелъ уже къ концу, а другаго видишь еще за дѣломъ. Почему, когда же мудрецы приставятъ къ кораблю судьбу? Тогда ли, какъ покунается дерево; ни когда его рубятъ, или когда употребляютъ въ работу, или когда дѣйствуютъ на него желѣзными орудіями, или когда сколачиваютъ гвоздями? При такомъ множествѣ различныхъ работъ, которыя нужны для кораблестроенія, и не въ одно и тоже время одна съ другою производятся, какое назначить время судьбѣ, чтобы корабль, дошедши до необходимости потонуть, погубилъ вмѣстѣ съ собою и плывущихъ на немъ? Что же скажешь о городахъ? Когда, по ихъ мнѣнію, судьба овладѣваетъ городомъ? Тогда ли, какъ у заботящихся о городѣ бываетъ какое либо совѣщаніе объ его основаніи? Когда разсуждаютъ объ удобствѣ мѣста? Или когда чертятъ планъ? Или

когда употребляютъ въ дѣло желѣзныя орудія? Или складываютъ камни? Или сносятъ, что нужно для постройки? Что изъ этого служить началомъ города? Что также скажешь о народѣ, который сокрушенъ бѣдствіями войны? Какая, по ихъ ученію, доля, и откуда взявъ начало, однихъ предала смерти, другихъ поработила въ плѣну? Почему Аннибалъ, или Кесарь, или Александръ Македонскій, на кого ни ополчались, всѣмъ приготовили одинаковую судьбу, столько превышая силами оную необходимость, что все подверглось той же мѣрѣ бѣды? А сколько неосновательна причина думать, что судьбы городовъ, во время паденія отъ землетрясеній, производятся расположеніемъ звѣздъ, можетъ иный увидѣть изъ слѣдующаго. Кто не знаетъ, что земля терпитъ таковыя бѣдствія въ мѣстахъ не только населенныхъ, но и необитаемыхъ? Кто по собственному опыту, или по слышанному разсказу, имѣетъ свѣдѣніе о горѣ Сангагской, лежащей на предѣлахъ Виѣнскихъ, тотъ найдетъ справедливость этихъ словъ, что около самыхъ возвышеній дороги вся вершина горы обвалилась, и путешествующимъ представляетъ страшное зрѣлище. Подобное сему случилось и въ областяхъ Пафлагоискыхъ. А въ иныхъ мѣстахъ и селенія человѣческія поглощены были такими разверзшимися пропастями: но нерѣдко страна, не имѣющая обитателей, ока-

зывается потерпѣвшею такое же бѣдствіе. И что въ особенности сказать надобно о киприанахъ, писидійцахъ, ахейцахъ, у которыхъ много признаковъ сказаннаго? Но ради сего и упомянули мы, что все сему подобное терпѣть земля. Посему, если случится, что на томъ мѣстѣ находится поселеніе людей; то, по всей необходимости, и они испытываютъ бѣдствіе, какому подверглось мѣсто. Если же свободно оно отъ жителей; то мѣстное бѣдствіе не причинитъ никакого вреда людямъ. Поэтому какая необходимость судьбы, когда и населенныя и ненаселенныя мѣста равно терпятъ подобное бѣдствіе? Если бы можно было доказать, что земля создана по частямъ, а не вся вдругъ; то имѣло бы, можетъ быть, значеніе ихъ нустословіе, что съ такою-то частию создаваемой земли, сообразно съ такимъ-то соединеніемъ звѣздъ, по необходимости совершается или то или другое. Но поелику, по слову Моисееву, все: небо, земля, море, одно съ другимъ берется вмѣстѣ, и земля въ созданіи и движеніи предшествуетъ звѣздамъ; то почему причину частныхъ событій съ землею будутъ полагать въ движеніи звѣздъ? Посему, если земля съ звѣздами одновременна, и изъ нихъ не выводится никакой причины къ разрушенію, или продолженію ея бытія, въ нѣкоторыхъ же частныхъ очертаніяхъ мѣстъ происходятъ такія событія; то уже не необходи-

мость судьбы, а какаянибудь другая особенность, бываетъ причиною въ таковыхъ случаяхъ. Посему, когда земля терпитъ что либо такое, и совершаются какія либо подобныя бѣдствія, такъ что и жители увлечены бываютъ въ развалины; тогда что скажутъ поклонники судьбы, полагающіе, что движеніе звѣздъ господствуетъ надъ существами? Почему гибнетъ тутъ дитя, грудной младенецъ, отрокъ, мужъ, отецъ, старецъ, благородный, вельможа, наемникъ, узникъ? Ни время рожденія, ни какое либо различіе въ достоинствѣ, не препятствуетъ потерпѣть имъ одинаковое бѣдствіе. Еще сверхъ сего кто не знаетъ, что крайнее изъ всѣхъ преступленій есть кровосмѣшеніе съ дочерью, бракъ съ сестрою и незаконная связь съ матерью? Посему, если это дѣлалось по какой-то необходимости доли, то, конечно, и въ нашихъ мѣстахъ нашлись бы отваживающіеся на это. Поелику же на такое гнусное дѣло отваживаются только у одного персидскаго народа и у перенявшихъ ихъ законы; то въ слѣдствіе сего явно, что долею и судьбою дѣлается произволеніе каждаго, самовольно избирающее, что ему угодно.

Еще сверхъ сего, чтобы не могли сказать подобнаго слѣдующему: въ извѣстныхъ мѣстностяхъ примѣчаются нѣкія особыя движенія звѣздъ, и потому одни женятся на матеряхъ, другіе убиваютъ пришлыхъ и ѣдятъ людей,

такъ какъ особое расположеніе звѣздъ оказы-
 ваетъ на нихъ такое именно вліяніе, хотя по-
 добное разсужденіе свойственно невѣждамъ,
 вовсе необращавшимъ внимательнаго взгляда
 на существующее, думающимъ, что по извѣ-
 стнымъ очертаніямъ земли отпечатлѣвается и
 свыше назначенный имъ жребій (а въ такомъ
 случаѣ земное нашлось бы болѣе властнымъ,
 нежели небесное, если только признано, что
 и небесное таково по земному): однакоже и
 сіе присовокупимъ въ обличеніе ложнаго ихъ
 предположенія. Народъ іудейскій раздѣленъ по
 всѣмъ почти частямъ земли, восточнымъ,
 южнымъ, средиземнымъ, западнымъ, сѣвер-
 нымъ: почти всѣ народы имѣютъ у себя по-
 селенія іудеевъ. Итакъ почему же никакая
 звѣздная необходимость не возимѣла силы ни
 въ одномъ изъ нихъ кому либо изъ народа
 даровать безбѣдную жизнь; напротивъ того въ
 тьмочисленно разнообразныхъ соединеніяхъ
 звѣздъ, какъ бы ни произошло на свѣтъ раж-
 даемое, находится непремѣнно въ одинаковомъ
 состояніи, цѣлый родъ терпитъ вредъ въ
 продолженіе всего опредѣленнаго оборота вре-
 мени? Но философъ сказалъ: это неизслѣдовано
 еще нами, по какой причинѣ у многихъ наро-
 довъ постановленное законами избѣгаетъ не-
 обходимости, налагаемой звѣздами. А предска-
 заніе будущаго да будетъ признано не малымъ
 доказательствомъ того, что опредѣленное каж-

дому судьбою неминуемо. Ибо почему такой-то, предъзнавъ, что проживеть такое-то число лѣтъ и встрѣтится въ жизни съ извѣстными обстоятельствами, не обманулся бы въ этомъ, если бы не какая либо необходимость непреложно опредѣлила сему съ человѣкомъ непременно совершиться, и предсказавшему содѣлала это явнымъ посредствомъ опредѣленнаго наблюденія численныхъ означеній?—На это сказалъ я: хотя лучше о таковыхъ вещахъ показаться незнающимъ, нежели подать поводъ къ смѣху малосвѣдущимъ въ нашихъ догматахъ; впрочемъ, мало заботясь о тѣхъ, которые наши вѣрованія подвергаютъ осмѣянію, кратко, какъ только могу, изложу всю этому причину. Есть нѣкая по природѣ враждебная человѣческому роду сила, познаваемая по противоположности благому естеству. На сіе можно представить тысячи доказательствъ въ дѣлахъ очевидныхъ. Но въ настоящее время не почитаю необходимымъ излагать по порядку все удостовѣряющее, что это дѣйствительно такъ. Посему, такъ какъ отъ естества Божія неотдѣлнимо всякое доброе понятіе и именованіе, отъ Него жизнь, свѣтъ, истина, правда, премудрость, негнѣніе, и все, что по понятію можно принять за благое, потому что естество Божіе и Само благо, и даруетъ его; то сила, познаваемая по противоположностямъ, берется въ противоположность каждому изъ

всѣхъ умопредставляемыхъ благъ, такъ что ею въ самихъ людяхъ производятся вмѣсто жизни смерть, вмѣсто истины обманъ, и вмѣсто каждаго изъ совершенствъ противоположный порокъ. Ибо для нея любезно то, что людямъ по самой природѣ можетъ послужить въ пагубу. Но какъ причиняющіе вредъ отравы перѣдко и медомъ подслащаютъ вредоносный составъ, не о томъ прилагая стараніе, чтобы вредное сдѣлать пріятнымъ для вкуса, но о томъ, чтобы заглушить ощущеніе вредоноснаго: такъ и тлетворное это естество, имѣющее цѣлю удалить человѣка отъ благаго Естества, облекается въ образы чего-то добраго, какими либо предсказаніями и врачеваніями прикрывая сокрытое слово обмана. чтобы, внимая сему и почитая сіе благомъ, жалкій человѣческій родъ не имѣлъ никакого вождѣнія пріобрѣсти то, что дѣйствительно по естеству благо. Посему-то, какъ случилось нному для какого либо обмана присвоивать себѣ родъ предвѣдѣнія; такъ, подобно этому, и готовая на обманъ сила демоновъ подмѣчала въ печени жертвъ, въ полетѣ птицъ, въ гаданіяхъ, въ вызываніи мертвыхъ, и въ вычисленіяхъ времени рожденія, будго бы все это, не одинаковымъ только образомъ, а различно предугазуетъ послѣдующее. Посему, какъ означающій будущее печенью, по какому либо гаданію заключающій о томъ, что послѣдуетъ,

или обращающій вниманіе на полеть хищной птицы, не даетъ обѣщанія, что по необходимости судьбы будетъ предсказывать подобныя вещи; такъ, подобно сему, поелику одна есть причина, по сказанному. производящая предсказанія такого рода, разумѣю дѣятельность готовой на обману демонской силы, даже тѣмъ, что иногда нѣчто изъ сказаннаго случайно исполнялось (если только исполнялось вполне), не доказывается сила судьбы. Ибо иначе справедливо бы доказывалось, что всякаго рода предсказаніе имѣетъ силу отъ судьбы, а потому, какъ сновидѣніе есть одна у насъ судьба, такъ наблюденіе сердцебиеній—другая, иная же, составившаяся изъ полета птицъ, или гаданій, или какихъ либо символовъ. Но если ничто не препятствуетъ всему этому быть прорицаніемъ, и не быть судьбою; то, если какое предсказаніе по вычисленію времени рожденія исполнилось, не послужитъ и сіе достаточнымъ удостовѣреніемъ. будто бы нелегко было исполниться чему либо такому. Притомъ же предвѣщанія у хвалящихся чѣмъ либо подобнымъ не бываютъ точны и несомнѣнны; напротивъ того заготовляютъ они себѣ много отступленій въ исполненіи, если слово уличено будетъ въ противорѣчіи, а у кого объ этомъ забота, изобрѣтаютъ для себя нѣкоторыя тонкости; почему неудача въ предсказаніи вмѣняется погрѣшительности не

въ знаніи, но въ означеніи часа; и предсказанія ихъ бывають вовсе не прямы, колеблются между двоякимъ способомъ исполненія, и можно подумать, будто бы то самое и предсказано было, что сбылось. Ибо наблюдавшій часъ рожденія предрекалъ нерѣдко знаменитость и превосходство надъ другими; потомъ, поелику тотъ, къ кому относилось предсказаніе, впадалъ въ какія либо необычайныя бѣдствія, предрекшій утверждалъ, что нимало не погрѣшилъ; потому что наче иныхъ преизбыточествовалъ этотъ человѣкъ въ претерпѣніи золь. И свидѣтелемъ этому наша исторія. Ибо когда царь Уалентъ былъ властителемъ римлянъ, тогда подобное нѣкое обольщеніе подвигло къ мятежу противъ власти. И хотя мятежникъ возсталъ, напутствіемъ къ дерзости имѣя предсказаніе вычислявшихъ время его рожденія: однакоже конецъ сего предпріятія вышелъ таковъ, что этотъ человѣкъ, извѣстный по весьма высокимъ начальственнымъ должностямъ, сдѣлался болѣе замѣчательнымъ по величію бѣдствій; и многими приписано сіе содѣйствію гороскопа, а именно, что этому мужу величіе бѣдствія досталось въ удѣлъ вмѣсто величія благъ. Но того, что предсказанія о семъ бывають ошибочны, не почитаю еще великимъ доказательствомъ несостоятельности ученія о судьбѣ. А готовая на обману сила демоновъ и на многія другія примышле-

нія ухитряется въ предсказаніяхъ. Какая-то провѣщательная вода производитъ во вкусившихъ неумѣренныя движенія и восторги: въ женскихъ утробахъ, если бываетъ изъ какого-то отверстія вѣющій снизу духъ, раздуваетъ чрево, умъ приводитъ въ изступленіе и заставляетъ выходить изъ надлежащаго состоянія. Все это обольщеннымъ казалось божественнымъ и провѣщательнымъ: и никто изъ предугадывающихъ будущее по печени и какимъ либо огненнымъ знакамъ, или по полету птицъ, не приписывалъ судьбѣ предвѣщательной силы: напротивъ того подобное сему вмѣняется какому-то демонскому обаянію.

Такимъ образомъ утверждаю, что или нѣтъ вовсе предсказанія, потому что сіи прорицанія изобличаются многими противорѣчіями событій, или, если и укажетъ кто на предсказаніе, какъ бы предрекающее нѣчто будущее, то же самое, что разумѣемъ о каждомъ изъ другихъ событій, исполняющихся по предвѣщанію, надлежитъ, думаемъ, полагать и о предсказаніяхъ такого рода. Ибо въ разсужденіи всего этого равно, — какъ погрѣшать во многомъ, такъ въ иномъ и предвѣщать, по видимому, нѣчто недалекое отъ истины событій: у готоваго же на обманъ естества демоновъ, какъ этимъ, такъ и всякимъ примышленіемъ, одинаково успѣшно достигается цѣль. Ибо демоны стараются нече всего отвратить чело-

вѣка отъ того. чтобы обратилъ онъ взоры къ Богу, и отсюда уготовлялъ себѣ долю благъ. Посему убѣдить удобообольщаемыхъ, что касающееся житейскихъ дѣлъ не въ Божіей состоитъ волѣ, но зависитъ отъ такого-то соединенія звѣздъ и отъ истекающей отсюда силы,—наиболѣе всего относится къ цѣли вредоноснаго демонскаго естества. Итакъ, если пріятно демонамъ отвращать человѣка отъ Бога, заблужденіе же въ этомъ дѣйствительно отвращаетъ; то ясно оказывается заключающееся въ этомъ демонское пѣкое усиліе, обманомъ обольщающее тѣхъ, которые думаютъ будто бы вся сила въ звѣздахъ, а не взираютъ на всемогущее Божіе владычество.

14. КЪ ЕЛЛИНАМЪ

НА ОСНОВАНІИ ОБЩИХЪ ПОНЯТІЙ.

Если бы именованіе: Богъ служило къ означенію Лиць, то именуя три Лица, по необходимости именовали бы мы трехъ Боговъ. Если же имя: Богъ означаетъ сущность; то, не повѣдуя единую сущность святой Троицы, не безъ основанія славимъ единаго Бога, потому что слово: Богъ есть единое имя единой сущности. Почему, сообразно и съ сущностію и съ именемъ, единъ есть Богъ, а не три Бога. Ибо не называемъ: Богъ, и Богъ, и Богъ, какъ именуемъ: Отець, и Сынъ и Святый Духъ, къ именамъ означающимъ лица приставляя союзъ и; потому что лица не одно и то же, паче же они разны, различаются одно отъ другаго значеніемъ именъ. Къ имени же: Богъ, какъ означающему сущность по нѣкоторому принадлежащему ей свойству, не приставляемъ союза и, такъ чтобы можно было намъ ска-

зять: Бога и Бога и Бога, тогда какъ одна и таже есть сущность, которая въ Лицахъ, и которую означаетъ имя: Богъ, почему одинъ и тотъ же есть Богъ. А одинъ и тотъ же и объясненіе одного и того же никогда не связуются союзомъ *и*. Но если именуемъ Отца Бога, и Сына Бога, и Духа Святаго Бога, или Бога Отца и Бога Сына и Бога Духа Святаго: то, согласно съ понятіемъ, приставляемъ союзъ *и* къ именамъ Лицъ, то есть, къ Отцу, Сыну и Духу Святому, чтобы былъ Отецъ, Сынъ и Духъ Святой, то есть, Лице, и Лице и Лице; почему и три Лица. Имя же Богъ отрѣшенно и одинаково произносится о каждомъ Лицѣ безъ союза *и*, такъ что не можемъ сказать: Богъ и Богъ и Богъ, но разумѣемъ имя, хотя трехкратно произносимое голосомъ, по причинѣ подлежащихъ лицъ, но прилагаемое во второй и третій разъ безъ союза *и*, потому что нѣтъ инаго и инаго Бога. Ибо Отецъ не потому есть Богъ, что сохраняетъ инаковость съ Сыномъ: въ такомъ случаѣ не былъ бы Богомъ Сынъ. А если, потому что Отецъ есть Отецъ, Онъ есть и Богъ; то, поелику Сынъ не Отецъ, Сынъ уже не Богъ. Если же Сынъ есть Богъ не потому, что Онъ—Сынъ, а подобно сему и Отецъ есть Богъ не потому, что Онъ—Отецъ, но потому что Онъ такая-то сущность: то Одинъ есть Отецъ, и Сынъ есть Богъ, и по сей причинѣ Отецъ Богъ, и Сынъ Богъ, и

Духъ Святый Богъ. Такъ какъ сущность не дѣлится въ каждомъ Лицѣ, чтобы, подобно Лицамъ, были и три сущности; то явно, что не будутъ дѣлиться ни имя, которое означаетъ сущность, ни Богъ, чтобы Ему быть тремя Богами. Но какъ сущность — Отець, сущность—Сынъ, сущность—Духъ Святый, но не три сущности: такъ и Богъ—Отець, Богъ—Сынъ, Богъ—Духъ Святый, а не три Бога. Ибо одинъ Богъ и Онъ одинъ и тотъ же, такъ какъ и сущность одна, и она одна и таже; хотя каждое Лице называется и существеннымъ и Богомъ. Иначе, поелику каждое Лице есть сущность, необходимо и сущности Отца, Сына и Духа Святаго назвать тремя, что противно разуму. Ибо Петра, Павла и Варнаву не называемъ тремя сущностями; напротивъ того, единою и единственною сущностию именую ту, которая во Отцѣ, и Сынѣ и Святомъ Духѣ, въ слѣдствіе сего называемъ единого Бога, хотя и вѣруемъ, что и каждое Лице существенно и есть Богъ. Ибо, какъ по разности Отца, Сына и Святаго Духа говоримъ, что три Лица; такъ, поелику не разнятся по сущности, но въ отношеніи къ оной есть тождество въ Лицахъ; то безъ сомнѣнія, будетъ сіе тождество и въ отношеніи къ имени Богъ; потому что означаетъ оно сущность, не то представляя, что она такое (сіе непостижимо), но указывая на нее, какъ заимство-

ванное отъ нѣкоего свойства, принадлежащаго сущности. Отличительное свойство вѣчной сущности, общее Отцу, Сыну и Святому Духу, — надъ всѣмъ назирать, все видѣть и знать, даже самое сокровенное. Отсюда заимствованное имя: Богъ, употребляемое въ собственномъ смыслѣ, означаетъ оную сущность. Посему, такъ какъ одна такая сущность и означающее ее имя также одно, именно имя: Богъ; то, сообразно съ понятіемъ сущности, въ собственномъ смыслѣ одинъ будетъ и Богъ; потому что имя: Богъ означаетъ не лице, а сущность. А если бы имя: Богъ указывало на Лице, то одно и единственное Лице, которое бы означалось такимъ-то именемъ, называлось бы Богомъ, какъ и Отцемъ называется одинъ Отецъ; потому что именемъ симъ означается Лице.

А если кто скажетъ, что Петра, Павла, Варнаву называемъ тремя сущностями, очевидно частными, то есть особыми (ибо, выражаясь въ собственномъ смыслѣ, когда говоримъ о сущности частной, то есть, особой, не другое чтó хотимъ означить, какъ недѣлимое, чтó и есть лице; имя же Богъ, какъ доказано, не имѣетъ сходства съ именами лицъ): чтó должно отвѣчать на это? То, что Петра, Павла, Варнаву называемъ тремя человекѣми, не какъ три лица; лица не означаются именемъ, показывающимъ общую сущность, да и самая, такъ

называемая, частная, или особая, сущность — не одно и то же съ лицомъ. Посему-то называемъ тремя человекѣми имѣющихъ одну сущность, означаемую именемъ: человекъ. Если же не потому, что это лица, и не потому, что означается частная, или особая, сущность, произносимъ сіе; то утверждаемъ, что выражаемся такъ, по неточному словоупотребленію, а не въ собственномъ смыслѣ, по какой-то привычкѣ, отъ необходимыхъ причинъ вознѣвшей силу въ томъ, что не относится ко святой Троицѣ. Причины же сіи суть слѣдующія: понимаемое подъ словомъ: человекъ не всегда усматривается въ однихъ и тѣхъ же недѣлимыхъ, или лицахъ; потому что, когда прежнія лица умираютъ, на мѣсто ихъ являют-ся другія; и не рѣдко опять еще тѣ же остаются, и вновь раждаются нѣкія иныя, такъ что усматривается сіе иногда въ тѣхъ, иногда въ другихъ, иногда въ большемъ, иногда въ меньшемъ числѣ. И въ случаѣ убавленія, и смерти, и рожденія недѣлимыхъ, въ которыхъ усматривается то, что понимаемъ подъ словомъ: человекъ, бываемъ вынуждены говорить: людей много и людей мало; при чемъ переменною и инаковостію лицъ нарушается общій обычай; и говорится сіе вопреки самому понятію сущности, такъ что къ лицамъ соприсчисляются нѣкоторымъ образомъ и сущности. Но въ разсужденіи святой Троицы не

бываетъ никогда ничего подобнаго, потому что именуются одни и тѣже, а не инья и инья, лица, тоже и одинаково содержащія; и не допускаетъ Она ни какого либо приращенія до четверицы, ни умаленія до двоицы; потому что не раждается, или не исходитъ, отъ Отца, или же отъ одного изъ Лиць, еще новое Лице, такъ чтобы Троица когда либо стала четверицею, ни прекращаетъ со временемъ бытія своего одно изъ сихъ трехъ Лиць, чтобы Троица содѣлалась двоицею. Поелику же въ трехъ Лицахъ не бываетъ никогда никакого приращенія и умаленія, превращенія и измѣненія; то ни съ чѣмъ не сообразно при трехъ Лицахъ именовать и трехъ Боговъ. Опять всѣ человѣческія лица имѣютъ бытіе не отъ одного и того же лица непосредственно, но одни отъ того, а другія отъ другаго, даже многія и разныя, произшедши отъ причины, сами бываютъ причиною. Но не то во святой Троицѣ. Ибо одно и тоже есть Лице Отца, отъ Котораго рождается Сынъ и исходитъ Святой Духъ. Посему Того, Кто въ собственномъ смыслѣ есть единый виновникъ Произшедшихъ отъ Него, называемъ единымъ Богомъ; потому что и соприсущъ Онъ съ Ними. Ибо Лица Божества нераздѣльны между Собою ни по времени, ни по мѣсту, ни въ волѣ, ни въ начинаніяхъ, ни въ дѣятельности, ни въ томъ, чтобы претерпѣвать что либо подобное усма-

триваемому въ человѣкѣ, кромѣ одного только, что Отецъ есть Отецъ, а не Сынъ, Сынъ—не Отецъ; а подобно сему и Духъ Святой—не Отецъ и не Сынъ. Почему никакая необходимость не заставляетъ насъ называть Три Лица тремя Богами, какъ многія у насъ лица называемъ многими человѣками, по сказаннымъ причинамъ, а не по необходимому закону, по которому одинъ и тотъ же въ отношеніи къ одному и тому же не можетъ быть однимъ и многими. А Петръ, Павелъ, Варнава по имени: человѣкъ суть одинъ человѣкъ, и по этому же самому, по имени: человѣкъ не могутъ быть многими, называются же многими людьми, по неточному словоупотребленію, и не въ собственномъ смыслѣ. Но чтó говорится въ смыслѣ неточномъ, то у людей здравомыслящихъ не предпочитается сказанному въ смыслѣ собственномъ. Почему не должно говорить, что въ трехъ лицахъ Божеской сущности суть три Бога, по самому имени Богъ; но Богъ одинъ, и одинъ по тождеству сущности, къ означенію которой, какъ сказано нами, служитъ имя: Богъ.

А если кто скажетъ: какъ же Писаніе ясно счисляетъ трехъ мужей (Быт. 18, 2.); то пусть видитъ, что Писаніе, указуя намъ Сына и Духа Святаго, преподаетъ, что Богъ Слово, Богъ не Слово (то есть Богъ Отецъ) и Богъ Духъ Святой есть Богъ, совершенно же вос-

прещаетъ нарицать трехъ Боговъ, нечестіемъ признавая многобожіе и вездѣ проповѣдуя единого Бога, ни лицъ не смѣшивая, ни Божества не раздѣляя, паче же сохраняя тождество Божества въ отличительныхъ свойствахъ Упостасей, или трехъ Лицъ. Если же кто, говоря подобное сему, хочетъ дознать истину; то пусть знаетъ, что Писаніе говоритъ: *тріе*, хотя одного человѣка признаетъ во всѣхъ, по сказанному: *человѣкъ яко трава дніе ею* (Иса. 102, 15.). Какъ добрая кормилица, Писаніе признаетъ людей собственными своими чадами, лепечетъ иногда съ ними, и подобно имъ употребляетъ нѣкоторыя именованія, хотя не погрѣшаетъ въ вѣдѣніи совершеннаго. Ибо говоря, что Богъ имѣетъ уши, глаза и прочіе члены тѣла, не преподаетъ такого ученія въ видѣ опредѣленія, что Божество сложно, но излагаетъ догматы сказаннымъ способомъ, отъ переноснаго значенія того, что у насъ, къ разумѣнію безилотнаго возводя людей, которые не могутъ приступить къ сему непосредственно. Оно говоритъ, что Богъ есть Духъ и присущъ вездѣ, куда бы кто ни пошелъ, научаетъ насъ Его простотѣ и неописуемости. Такъ, слѣдуя обыкновенію, называетъ и тремя мужами, чтобы не отступить отъ общаго, отъ того, что въ употребленіи у многихъ; и съ точностію именуетъ единымъ, чтобы не преступить предѣла, когда дѣло касается до есте-

ства вещей. И одно почитаемъ снисхожденіемъ, оказаннымъ къ пользѣ и выгодѣ младенчествующихъ, а другое называемъ догматомъ, изложеннымъ къ утверженію и сообщенію совершенства.

Но еще скажутъ иные: Говоримъ: *впостась*, какъ *впостась*, ни мало не разнится отъ *впостаси*, но изъ сего не слѣдуетъ, что всѣ *впостаси* — одна *впостась*; и сущность ничѣмъ не разнится отъ сущности, но изъ сего не слѣдуетъ, что всѣ сущности — одна сущность: такъ можемъ сказать: Богъ не разнится отъ Бога, но изъ сего не слѣдуетъ, что три *Впостаси*, въ которыхъ открывається Богъ, суть одинъ Богъ. И опять, говоря: *человѣкъ* не разнится отъ *человѣка*, не отвергаемъ, что Петръ, Павелъ и Варнава три *человѣка*; потому что сущность отъ сущности разнится, не какъ вообще сущность, но какъ такая-то именно сущность, и *впостась* отъ *впостаси*, какъ такая-то именно *впостась*, и *человѣкъ* отъ *человѣка*, какъ такой-то именно *человѣкъ*, и также Богъ отъ Бога, какъ такой-то Богъ. А такой-то или такой-то говорится обыкновенно о двоихъ и о многихъ. — Но это говорятъ возражающіе: а мы докажемъ, что все сіе есть лжеумствованіе, воспользовавшись тѣмъ, что сказано ими самими, и доказавъ, что должно говорить не такой-то и такой-то Богъ, или такой-то и такой-то *человѣкъ*, но такая-

то вностасть Божія, и такая-то вностасть чело-
вѣческая. Ибо справедливо утверждаемъ, что
у одного человѣка вностаей много, и у еди-
наго Бога три вностаи. Посему называемое
такимъ-то требуетъ, чтобы нѣчто было раз-
личаемо отъ чего либо, имѣющаго общеніе
съ симъ нѣчто, по именованію, къ которому
прилагается слово: такое-то. Напримѣръ о че-
ловѣкѣ говоримъ: такое-то живое существо,
намѣреваясь отличить его, положимъ такъ, отъ
коня, потому что имя: живое существо у нихъ
общее, разнятся же они даромъ слова и безсло-
весіемъ. Различается же нѣчто отъ чего-либо,
или какъ сущность, или какъ вностасть, или
по сущности, или по вностаи. Различаются,
какъ сущности, человѣкъ отъ коня, а по вно-
стаи, Павелъ отъ Петра, по сущности же и
по вностаи, напримѣръ вностасть человѣка
отъ вностаи коня. Но съ раскрытіемъ поня-
тія о томъ, что разнятся просто по сущности,
и что по вностаи, а не по сущности, явно
будеть понятіе и о различаемомъ по сущно-
сти. Ибо что вещи, разнящіяся по сущности,
называются двумя или тремя сущностями, и
разнящіяся по вностаи также именуется дву-
мя и тремя вностаями, сіе признается и ими
и нами. Различаемся же тѣмъ, что, какъ они
утверждаютъ, о Петрѣ и Павлѣ должно гово-
рить: два человѣка, а мы принимаемъ сіе не
въ собственномъ смыслѣ и не въ научномъ

понятіи. Ибо теперь нѣтъ и слова объ общемъ и неточномъ словоупотребленіи; потому что оное не имѣетъ силы ни къ отмѣненію, ни къ установленію, чего либо. По этому пусть сперва будетъ у насъ объяснено, почему говоримъ, что человѣкъ и конь, или конь и песь, разнятся, какъ такая-то сущность, или сдѣлается явнымъ, что говоримъ сіе, такъ какъ разнятся они между собою тѣмъ, что обыкновенно раздѣляетъ сущности, напримѣръ, даромъ слова, безсловесіемъ, ржаніемъ, лаяніемъ и подобнымъ тому. Ибо называя сущность такую-то, не иное что означаемъ, какъ существованіе, причастное жизни, въ отличіе отъ другаго ему неподобнаго, или существованіе, не лишенное дара слова, въ отличіе отъ разнящагося безсловесіемъ, или существованіе, имѣющее отличительною чертою ржаніе и тому подобное, такъ какъ вмѣсто сихъ разностей и особенностей, къ сущности, или ко всякому роду, въ отличіе отъ состоящихъ подъ нимъ видовъ придается слово: *такая-то* сущность, или такое-то животное, то есть словесное или безсловесное. И говоримъ еще: Петръ разнится отъ Павла, поколику такая-то вностасть въ каждомъ изъ нихъ, потому что разнятся между собою чѣмъ либо, обыкновенно составляющимъ вностасть, а не сущность, каковы напримѣръ: неимѣніе волосовъ, ростъ, отечество, сыновство и тому подоб-

ное. Ибо явно, что не одно и то же—видъ и недѣлимое, не то же—сущность и впостась. Слово: впостась прямо ведетъ мысль слуша-теля къ тому, чтобы искать чела покрытаго рубцами, синяго, отца, сына и подобнаго тому. Называю же видъ, то есть, сущность, чтобы познать именно живое существо сло-весное, смертное, обладающее умомъ и свѣдѣніемъ, и живое существо безсловесное, смертное, ржущее, и тому подобное. Если же не одно и то же сущность и недѣлимое, то есть впостась, то не однѣ и тѣ же черты, отличающія ту и другую. А если одно и то же отличается не однимъ и тѣмъ же, то невоз-можно придавать сему тѣ же именования, но иное должно именовать сказуемымъ по сущности, или принадлежащимъ сущности, а иное сказуемымъ о недѣлимомъ.

Посему три именования, о которыхъ во-просъ: сущность, недѣлимое, человѣкъ. Съ на-именованіемъ: сущность сопрягаемъ и соче-таваемъ слово: *такая-то* къ отличенію, какъ сказалъ я, подходящихъ подъ оную видовъ, разнствующихъ между собою по сущности. Съ именованіемъ: впостась, подобнымъ обра-зомъ, сопрягаемъ опять слово: *такая-то* къ раздѣленію лицъ, связанныхъ между собою симъ общимъ именованіемъ, то есть именованіемъ: впостась, разнствующихъ одно отъ другаго въ чертахъ, не сущности отличающихъ, но

называемыхъ случайными. Посему, какимъ образомъ хотять съ именемъ: человекъ сочетать слово: такой-то? Ибо сомнительное находить себѣ рѣшеніе въ томъ, что признано всѣми. Чтобы въ сущности состоящее подъ нею различалось существенною между собою разностию.—сіе невозможно; потому что не по сущности разнятся Павелъ съ Петромъ, которымъ дается имя: *человѣкъ*: различаются же они вностастью лица. И что имя: человекъ не означаетъ сущности, сіе нельзя было бы сказать, потому что имя: человекъ означаетъ общее въ сущности, а не особое лице, положимъ на примѣръ Павла, или Варнавы. Посему имя: *человѣкъ*, по правиламъ науки, ни какимъ образомъ не сопровождается словомъ: такой-то. Но если общее употребленіе имѣеть въ этомъ нужду, и именованія сущности неправильно употребляетъ въ означеніе лицъ: то сіе дѣлается не по точному правилу логическаго вѣдѣнія. Но къ чему нападаю на обычное словоупотребленіе, имѣющее такіе недостатки, скрывая отъ себя то, что не рѣдко, но неизмѣнно подлинно означающихъ вещь именованій, и сами пользуемся другими именованіями, не точно выражающими сказуемое? По крайней мѣрѣ пусть будетъ яснымъ для насъ, что, если бы сказали мы: въ Петрѣ и Павлѣ—человѣкъ отъ человека разнится, не какъ вообще человекъ, но какъ такой-то че-

ловѣкъ; то могли бы сказать о нихъ и сіе: сущность отъ сущности различна, не какъ сущность, но какъ такая-то сущность. А если сказать сіе невозможно, такъ какъ одна и таже сущность въ Петрѣ и Павлѣ, то невозможно какъ послѣднее, такъ и первое; потому что имя: человекъ указываетъ на сущность. Если же слова: такой-то и такой-то не слѣдуетъ сопрягать съ именемъ: человекъ; то значить, что не собственно выражаемся, говоря: два или три человека, и если сіе доказано о человекѣ, то не гораздо ли паче и прямѣе приличествуетъ сіе вѣчной и Божеской сущности — не говорить о каждой ипостаси: это такой-то и такой-то Богъ, Отца, Сына и Святаго Духа не провозглашать только Богомъ, Богомъ и Богомъ, не утверждать даже и мысленно, что Боговъ три? И такъ справедливымъ, послѣдовательнымъ, согласнымъ съ наукою словомъ подтверждено наше ученіе, чтобы Бога, Творца всяческихъ, называть единымъ, хотя умо-созерцается Онъ въ трехъ Лицахъ, или ипостасяхъ, Отца, Сына и Святаго Духа.

15. О ЧРЕВОВѢЩАТЕЛЬНИЦѢ.

ПИСЬМО КЪ ЕПИСКОПУ ФЕОДОСИЮ.

Изрекшии ученикамъ Своимъ: *ищите и обрящете* (Матѳ. 7, 7.), безъ сомнѣнія, дасть и силу обрѣсти тѣмъ, которые, по Господней заповѣди, любознательно доискиваются и довѣдываются сокровенныхъ тайнъ. Ибо не живъ Обѣщавшій, но великодаровитости сверхъ прошенія ущедряетъ дарованія. И такъ *внемли чтенію, чадо Тиловое* (1 Тим. 4, 13.); ибо прилично, думаю, къ твоей добротѣ обратиться съ симъ словомъ великаго, и да дасть тебѣ Господь разумѣніе во всемъ, чтобы обогатиться тебѣ всякимъ словомъ и всякимъ вѣдѣніемъ! Теперь же, о чемъ ты приказывалъ, сколько поможетъ Господь, заблагоразсудилъ я удовлетворить немногимъ твоему желанію, чтобы дозналъ ты изъ сего, что надлежитъ намъ служить другъ другу любовію, взаимнымъ исполненіемъ воли другаго. Посему прежде

всего, такъ какъ въ числѣ прочихъ приказаній главный вопросъ касался мнѣнія о Самуилѣ, при помощи Божіей, сколько можно, изложу о семъ кратко. Нѣкоторымъ изъ жившихъ прежде насъ угодно было признавать истиннымъ вызовъ Самуиловой души волшебницею, и въ оправданіе сего предположенія своего представляютъ такое нѣкое доказательство: Самуиль печалился объ отверженіи Саула, и всегда представлялъ Господу, что, послѣку угодно Ему было это, Сауль очистилъ народъ отъ волшебства, къ обольщенію людей совершаемаго чревовѣщателями; и потому Пророкъ огорчился тѣмъ, что негодно было Господу примириться съ отверженнымъ. Посему-то, говорятъ, Богъ и попустилъ, чтобы душа пророка была вызвана таковымъ чародѣйствомъ, и Самуиль увидѣлъ, что несправедливо ходатайствовалъ о Саулѣ предъ Богомъ, называя врагомъ чревовѣщательницъ того самаго, который просилъ о возвращеніи волшебствомъ ихъ Самуиловой души. А'я, взирая на евангельскую пропасть, которая между злыми и добрыми *утвердися* (Лук. 16, 26.), говоритъ патріархъ, лучше же сказать,—Господь патріарха, почему невозможно и осужденнымъ войти въ покой праведныхъ и святымъ вступить въ сонмъ лукавыхъ,—не соглашаюсь, что такія предположенія истинны, будучи наученъ вѣровать, что истинно одно только еван-

геліе. И такъ, поелику Самуилъ великъ во святыхъ, а волшебство — достояніе лукавое; то не вѣрю, чтобы Самуилъ, ставъ на такую высоту собственнаго упокоенія, волею или неволею прешелъ оную неудобопроходимую къ нечестивымъ пропасть. Не потерялъ бы онъ сего неволею, потому что не возможно было бы демону перейти пропасть и подвигнуть святаго, пребывающаго въ ликѣ праведниковъ; но не сдѣлалъ бы сего и волею, потому что не захотѣлъ бы, да и не могъ бы, войти въ общеніе съ злыми: ибо обилующему благами не желателенъ изъ того состоянія, въ которомъ онъ, переходъ въ противоположное. Даже если бы кто и допустилъ желаніе; свойство пропасти не дастъ прохода.

И такъ что же, какъ разсуждаемъ объ этомъ? Врагомъ человѣческаго естества есть общій всѣхъ сопротивникъ; у него все помышленіе и стараніе о томъ, чтобы причинить человѣку смертоносный вредъ. Какой же другой ударъ смертоноснѣе для людей этого вреда—быть отверженными животворящимъ Богомъ и добровольно отдаться на смертную пагубу? И такъ, поелику у плотолюбцевъ въ настоящей жизни есть нѣкая рачительность о томъ, чтобы имѣть сколько нибудь вѣдѣніе о будущемъ, при которомъ надѣются или избѣжать бѣдъ, или же достигнуть желаемаго; то по сему, чтобы люди обращали взоръ не къ Богу,

исполненное обмана демонское естество избрало многие способы узнавать будущее, как то: птицегаданія, толкованія знаменій, прорицанія, наблюденіе внутренностей у животныхъ, вызываніе мертвыхъ, изступленія, наитія Божествъ, вдохновенія и многое другое сему подобное. И какъ скоро какой либо родъ предвѣдѣнія, въ слѣдствіе какого либо обмана, признанъ истиннымъ, оболъститель демонъ представляетъ его оболъщенному въ оправданіе лживаго предположенія. Такъ устрояетъ демонъ, что полетъ орла служитъ къ возбужденію надежды въ наблюдателѣ, на трепетаніе печени, на колебаніе, происходящее въ вздутыхъ мозговыхъ оболочкахъ, на вращеніе глазъ и на всякую ложную примѣту, подобную означенной, ухищреніе демонское указываетъ оболъщаемымъ, чтобы люди, отступивъ отъ Бога, обратились къ служенію демонамъ, въ увѣренности, что они совершаютъ подобныя вещи. Посему однимъ изъ видовъ обмана былъ и обманъ чревоѣщателей, о которыхъ вѣрили, что ихъ чародѣйство можетъ души умершихъ снова привлекать въ здѣшнюю жизнь. Посему, когда Саулъ дошелъ до отчаянія въ спасеніи, потому что всѣ филистимляне подвиглись на него со всѣмъ воинствомъ, и вошла ему въ голову та мысль, что Самуиль укажетъ ему какой нибудь способъ къ спасенію: тогда демонъ, пребывающій въ чрево-

вѣщательницѣ, которымъ она обыкновенно была обольщаема, въ глазахъ этой женщины преобразился въ разные примрачные виды, между тѣмъ какъ Саулу не являлось ничего видимаго женщиною. Какъ скоро приступила она къ волхвованію, и предъ очами женщины начали уже появляться призраки, демонъ удостовѣрять въ томъ, что явленія истинны, ухитрился слѣдующимъ образомъ: сперва сдѣлалъ извѣстнымъ самаго Саула, скрывавшагося въ притворно принятомъ на себя видѣ, чѣмъ паче и пораженъ былъ Саулъ, заключивъ, что женщина ни въ чемъ уже не обманется, когда волшебная сила не узнала его въ одеждѣ частнаго человѣка. Посему, такъ какъ сказала она: *боги и человѣка стара видѣхъ восходящія въ долины одыни* (1 Цар. 28, 13. 14.); то чѣмъ рабы буквы утверждаютъ историческую вѣрность? Ибо, если видимый волшебницею дѣйствительно есть Самуиль, то слѣдуетъ, что и другіе видимые ею въ дѣйствительности боги; богами же Писаніе называетъ демоновъ: *все бози языкъ блсове* (Пса. 95, 5.). И такъ ужели съ демонами и душа Самуилова? Да не будетъ сего! Напротивъ того демонъ, всегда послушный волшебницѣ, и другихъ духовъ взялъ съ собою для обольщенія самой женщины и обольщаемаго чрезъ нее Саула, и сдѣлалъ, что бѣсы чревоѣщательницею признаны за боговъ, а самъ онъ преобразился

въ видѣ вызываемаго, притворно говорилъ его голосомъ, и о чемъ естественно было заключать изъ видимаго, какъ бы въ видѣ пророчества, изрекъ и ожидаемый приговоръ чему слѣдовало исполниться. Но демонъ и нехотя обличилъ себя, сказавъ истину: *завтра ты и Ионафанъ со мною* (1 Цар. 28, 19.) (ж). Ибо если бы говорившій дѣйствительно былъ Самуилъ, то какъ согласился бы, чтобы съ нимъ вмѣстѣ былъ виновный во всякомъ порокѣ? Напротивъ того явно, что вмѣсто Самуила видимъ былъ лукавый демонъ, и онъ не солгалъ, сказавъ, что съ нимъ будетъ Саулъ. Если же Писаніе говоритъ: *и рече Самуилъ* (15.), то подобное выраженіе да не смущаетъ свѣдущаго; но да подразумѣваетъ онъ присовокупленное: *лживый Самуилъ*. Ибо во многихъ мѣстахъ Писанія находимъ обычай вмѣсто дѣйствительнаго описывать кажущееся, какъ въ исторіи Валаама. Сначала говоритъ онъ: *послушаю, что возглаголетъ во мнѣ Богъ* (Числ. 22, 19.)? А послѣ сего Валаамъ, узнавъ, что Богу угодно не проклинать израильтянъ, *не иде по обычаю съ срытеніемъ волхвованіемъ* (Числ. 24, 1.). Неосмотрительный подумаетъ, что и тамъ съ Валаамомъ бе-

(ж) Мѣсто сіе читается здѣсь, не по переводу Седмидесяти, а согласно съ еврейскимъ текстомъ.

сѣдоваль истинный Богъ; хотя поясненіе показываетъ, что Писаніе такъ наименовало не истиннаго Бога, но кого Валаамъ почиталъ Богомъ. Поэтому и здѣсь представлявшійся Самуиломъ притворно повелъ рѣчь, какъ бы отъ лица Самуилова, и демонъ, искусно заключая по вѣроятностямъ, подражалъ пророчеству.

А что касается Или, то требуетъ большаго изслѣдованія, нежели какое требовалось въ предложенномъ вопросѣ. Ибо пророку, получившему повелѣніе *пити отъ потока воду* (3 Цар. 17, 4.), въ тайнѣ внушаемо было Богомъ, чтобы онъ же самъ и отмѣнилъ произнесенный имъ на израильтяцъ приговоръ о бездождіи. Ему дозволялось пить изъ одного только потока, по всей вѣроятности изсыхавшаго отъ зноя; и какъ другаго способа къ утоленію жажды у пророка не находилось, потому что запрещалось ему пить въ другомъ мѣстѣ, то необходимо было просить дождя, чтобы не оскудѣла вода въ потокѣ. Служеніе же необходимымъ для жизни совершается пророку вранами, чѣмъ Богъ давалъ пророку видѣть, что много еще осталось служащихъ истинному Богу, отъ которыхъ враны приносили нищу пророку; потому что доставлялись ему неоскверненные хлѣбы и не идоложертвенное мясо; почему и этимъ побуждаемъ былъ Илія умѣрить нѣсколько свое раз-

драженіе на нечествовавшихъ, дознавъ изъ совершающагося, что много обращающихъ взоры свои къ Богу, и несправедливо наказывать ихъ вмѣстѣ съ виновными. Приносится же ему утромъ хлѣбъ, а вечеромъ мясо, что, можетъ быть, загадочно научаетъ попеченію о добродѣтельной жизни, а именно, что начинающимъ необходима пища болѣе совершенныхъ, по слову Павла, который говоритъ: *совершенныхъ же есть твердая пища, и мудрыхъ чувства обучена долгимъ ученіемъ* (Евр. 5, 14.).

А что означается покрываломъ Моисеевымъ, не останешься невѣдущимъ этого, если побесѣдуешь съ посланіемъ Павла къ коринѳянамъ. И касательно вопросовъ, какіе предложилъ ты о жертвахъ, хорошо сдѣлаешь, если съ большимъ трудолюбіемъ изслѣдуешь всю книгу Левитъ, и съ вящимъ прилѣжаніемъ обозришь вообще касающіеся ихъ законы; ибо въ такомъ случаѣ вмѣстѣ съ цѣлымъ уразумѣешь и часть; одно же это само по себѣ, прежде обозрѣнія цѣлаго, не могло бы и рѣшено быть. Сомнѣнію же о сопротивной силѣ рѣшеніе очевидно, а именно содѣлавшійся отступникомъ былъ не простой Ангелъ, но поставленный въ чинѣ Архангеловъ. Посему явно, что вмѣстѣ съ началомъ указывается и подчиненный ему чинъ, а потому рѣшается вопросъ: почему былъ онъ одинъ, а теперь

при немъ множество? Послику съ нимъ отступило и подчиненное ему воинство; то симъ обьясняется искомое. На послѣдній же главный въ числѣ предложенныхъ тобою вопросовъ, разумѣю вопросъ о томъ, почему Духъ сходитъ прежде крещенія (Дѣян. 10, 44.), какъ требующій обширнѣйшаго обзрѣнія и изслѣдованія, написавъ отвѣтъ въ особомъ словѣ, если дастъ Богъ, пришлемъ оный къ твоей честности.

О П Е Ч А Т К И.

<i>стр. строк.</i>	<i>напечатано:</i>	<i>должно читать:</i>
6	13—14 нѣчто какъ разумное	какъ нѣчто разумное
35	1 сн. и воззвать	воззвать
59	13 св. починивъ	подчинивъ
71	8 — не уврачевано	уврачевано
90	8 сн. Себѣ	Себя
115	11 св. неумалыма	неумалыма
136	7 — Несущаго.	не сущаго.
139	1 сн. <i>оздавыи</i>	<i>созидаи</i>
153	10 — одинаково	одинаковое
157	10 — не животное	не животное,
195	6 св. Божествъ	Божества
209	2 — Указуемаго	указуемаго
211	2 — Отъ себѣ	Отъ себя
241	7 сн. создатель	Создатель
243	2 св. не проводится	не приводится
	— 6 — таковымъ	таковыхъ
263	2 — по частностямъ	по частямъ
280	7 сн. предѣлъ	предѣлъ
290	1 св. впадаетъ	совпадаетъ
322	5 — приобрьла	приобрѣло
323	10 — Изъ сѣмени	Изъ сѣмени
338	1 сн. въ въ бытiе	въ бытiе
340	5 — въ коемъ	въ комъ
343	14 св. какъ потому	какъ тому
345	12 сн. и близокъ	близокъ

СОДЕРЖАНІЕ

СОРОКОВАГО ТОМА

ТВОРЕНІЙ СВ. ОТЦЕВЪ.

ТВОРЕНІЯ СВ. ГРИГОРІЯ НИССКАГО.

(ЧАСТЬ IV.)

	СТРАН.
10.) Большое огласительное слово, раздѣленное на сорокъ главъ.....	1
11.) Къ Авлавію, о томъ, что не три Бога.....	111
12.) Къ Симпликію о вѣрѣ.....	133
13.) Противъ ученія о судьбѣ.....	141
14.) Къ еллинамъ на основаніи общихъ понятій.....	178
15.) О чревовѣщательницѣ.....	192
16.) О душѣ и о воскресеніи.....	201
17.) О младенцахъ, преждевременно похищаемыхъ смертію.....	327
18.) На свое рукоположеніе.....	361
19.) Слово о Божествѣ Сына и Духа и похвала праведному Аврааму.....	373
